

Вестник

Уральского
государственного
университета
путей сообщения

Научный журнал

Herald
of the Ural State University
of Railway Transport

Scientific journal

Научный журнал
«Вестник Уральского государственного
университета путей сообщения»
№ 3 (19), 2013 год

**Главный редактор,
научный редактор**
Василий Михайлович Сай

Литературный и выпускающий редактор
Людмила Станиславовна Барышникова

Техническое редактирование и верстка
Андрей Викторович Трубин

Дизайн обложки
Ольга Петровна Игнатьева

Учредитель и издатель:
Уральский государственный
университет путей сообщения
(УрГУПС)

Адрес для корреспонденции:
620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 66, УрГУПС,
редакция журнала
«Вестник УрГУПС»

Телефон редакции: (342) 221-25-60.
Веб-сайт: www.vestnik.usurt.ru;
e-mail: vestnik@usurt.ru.

Журнал издается по решению
ученого совета университета
©УрГУПС

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Роскомнадзора ПИ № ФС77–38188
от 30 ноября 2009 г.

Подписной индекс журнала
в общероссийском
каталоге «Роспечать» — 70070

Отпечатано в издательстве
Уральского государственного
университета путей сообщения,
620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 66.

Подписано в печать 00.10.2013.

Тираж 300. 1-й з-д.: 1–100.
Формат 70×100/16.
Заказ 118

Scientific journal «Herald of the
Ural State University
of Railway Transport»
№ 3 (19), 2013

**Editor-in-chief,
Science editor**
Vasily M. Say

Script and copy editor
Lyudmila S. Baryshnikova

Technical editing and make-up
Andrey V. Trubin

Cover design
Olga P. Ignatjeva

Founder and publisher:
The Ural State University
of Railway Transport
(USURT)

Correspondence address:
«Herald of USURT» editorial office
The Ural State University of
Railway Transport»
66 Kolmogorov Street,
620034, Ekaterinburg,

Telephone: +7 (342) 221-25-60.
Web-site: www.vestnik.usurt.ru;
e-mail: vestnik@usurt.ru.

The journal is published by the decision of
University Academic Board
©USURT

Certificate of registration of mass media
by the Federal Service for Supervision
in the sphere of communications,
information technology and mass communications
(Roskomnadzor) PI № FS77–38188
of November 30, 2009.

Subscription reference number of the issue
in the All Russia Catalogue «Rospechat» — 70070

Printed in the Publishing house
of the Ural State University of
Railway Transport
66 Kolmogorov Street,
620034, Ekaterinburg.

Passed for printing 00.10.2013.

Circulation 300. 1-й з-д.: 1–100.
Format 70×100/16.
Order 118

Международный редакционный совет

Кейт Бурнхам, профессор, Университет г. Ковентри, факультет машиностроения и вычислительной техники, Великобритания

Владимир Анциферов, д-р техн. наук, профессор академик РАН, Пермь, Россия

Петер Копачек, профессор, Венский технологический университет, Венский институт транспорта и робототехники, интеллектуальный транспорт и робототехника, Вена, Австрия

Владимир Цыганов, д-р техн. наук, профессор, Институт проблем управления Российской академии наук, Москва, Россия

Марек Ситаж, профессор, Силезский технический университет, транспортный факультет, кафедра «Железнодорожный транспорт», Польша

Клаус Беккер, профессор, Университет прикладных наук г. Кельна, Институт автомобильной техники, лаборатория NVH, Германия

Василий Сай, д-р техн. наук, профессор, Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

Редколлегия

Вовк Алексей Александрович, д-р экон. наук, профессор, МГУПС, Москва

Воскресенская Тамара Петровна, д-р техн. наук, профессор, СибГИУ, Новокузнецк

Воробьев Александр Алексеевич, д-р техн. наук, профессор, МГУПС, Москва

Ефимов Александр Васильевич, канд. техн. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

Корнилов Сергей Николаевич, д-р техн. наук, профессор, МГТУ, Магнитогорск

Нестеров Валерий Леонидович, д-р техн. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

Сапожников Валерий Владимирович, д-р техн. наук, профессор, С.-ПГУПС, Санкт-Петербург

Черемисин Василий Титович, д-р техн. наук, профессор, ОмГУПС, Омск

Щурин Константин Владимирович, д-р техн. наук, профессор, ОГУ, Оренбург

Тимофеева Галина Адольфовна, д-р физ.-мат. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

International editorial board

Keith Burnham, professor, Coventry University, Faculty of Engineering and Computing, Great Britain

Vladimir Antsiferov, DSc, professor, academician of Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

Peter Kopachek, professor, Vienna University of Technology, Vienna Institute of Transportation and Robotics, Intelligent Transportation and Robotics, Vienna, Austria

Vladimir Tsyganov, DSc, professor, Russian Academy of Sciences, Institute of Control Sciences, Moscow, Russia

Marek Sitarz, professor, Silesian University of Technology, Faculty of Transport, Railway Engineering Department, Poland

Klaus Becker, professor, Cologne University of Applied Sciences, Institute of Automotive Engineering, NVH Laboratory, Germany

Vasily Say, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia

Editorial board

Vovk Alexei Aleksandrovich, DSc, professor, Moscow State University of Railway Transport, Moscow

Voskresenskaya Tamara Petrovna, DSc, professor, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk

Vorobjev Alexander Alexeevich, DSc, professor, Moscow State University of Railway Transport, Moscow

Efimov Alexander Vasilievich, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Kornilov Sergey Nikolaevich, DSc, professor, Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

Nesterov Valery Leonidovich, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Sapozhnikov Valery Vladimirovich, DSc, professor, Saint-Petersburg State University of Railway Transport, Saint-Petersburg

Cheremisin Vasily Titovich, DSc, professor, Omsk State University of Railway Transport, Omsk

Shchurin Konstantin Vladimirovich, DSc, professor, Orenburg State University, Orenburg

Timofeeva Galina Adolfovna, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Содержание

Математические модели технологических процессов

- 4 К. В. Шурин, Н. А. Морозов, Ю. Л. Власов. Соударение твердых тел через пневмооболочку
- 8 К. В. Бердников, В. В. Стружанов. Остаточные напряжения в батискафе после погружения на большую глубину

Управление в технических системах

- 18 Б. М. Готлиб, А. А. Вакалюк. Автоматизация процесса гидрорастяжения бандажных колец большого диаметра
- 34 А. Э. Александров, А. В. Шипулин. Автоматизация построения прогнозного графика движения поездов
- 45 А. А. Шапран, А. А. Устюгова. Синтез системы управления следящим приводом повышенной точности

Организация и логистика

- 50 А. Э. Александров, А. В. Сурин. Автоматизация сквозной технологии оперативного планирования поездообразования и поездной работы
- 60 С. А. Плахотич. Организация пропуска тяжелых поездов на основе использования станций преобразования

Управление. Экономика

- 72 Е. П. Пьяных, И. В. Неуймина, М. Г. Тарасян. Ценностные ориентации студенческой молодежи
- 85 Л. И. Васильцова, Н. А. Александрова. Корпоративные программы в системе социальной поддержки работников
- 92 В. А. Антропов. Реформа Российской академии наук глазами вузовского профессора

История России

- 101 А. А. Конов. Организация обеспечения кадрового потенциала на железнодорожном транспорте Урала в 1955–1991 гг.

Аспирантская тетрадь

- 119 Д. А. Оборин. Сетевой коммутатор для электропоездов нового поколения
- 126 И. Н. Максимова. Влияние разборчивости речи на скорость реакции машиниста

Contents

Mathematic models of technological processes

- 4 K. V. Shchurin, N. A. Morozov, Yu. L. Vlasov. Collision of solid bodies through pneumoenvelope
- 8 K. V. Berdnikov, V. V. Struzhanov. Residual stresses in bathyscaphe after diving in deep water

Control in engineering systems

- 18 B. M. Gotlib, A. A. Vakalyuk. Retaining ring manufacturing for high-power turbogenerators automation
- 34 A. E. Aleksandrov, A. V. Shipulin. Automation of forecasting train scheduling
- 45 A. A. Shapran, A. A. Ustyugova. Synthesis of high accuracy follower drive control system

Organization and logistics

- 50 A. E. Aleksandrov, A. V. Surin. Automation of integrated technology of operational planning of train formation and train operation
- 60 S. A. Plakhotich. Organization of heavy trains passage using conversion stations

Management. Economics

- 72 E. P. Pyanykh, I. V. Neuyimina, M. G. Tarasyan. Value orientations of student youth
- 85 L. I. Vasiltsova, N. A. Aleksandrova. Corporate programs in employees social support system
- 92 V. A. Antropov. Reform of the Russian academy of sciences in the eyes of a university professor

History of Russia

- 101 A. A. Konov. The organization of the ensuring of the personnel for the railway transport in the Urals in 1955–1991

Research of young scientists

- 119 D. A. Oborin. Network switch for new generation electric trains
- 126 I. N. Maksimova. Influence of speech intelligibility on a locomotive driver's response time

Математические модели технологических процессов

УДК 531.353

К. В. Щурин, Н. А. Морозов, Ю. Л. Власов

Соударение твердых тел через пневмооболочку

UDC 531.353

K. V. Shchurin, N. A. Morozov, Yu. L. Vlasov

Collision of solid bodies through pneumoenvelope

Аннотация

Предложена динамическая модель соударения твердых тел через пневмооболочку, наполненную газом. Разработана методика определения динамических характеристик тел при ударе, определены зависимости между характеристиками пневмооболочки и инерциальными характеристиками соударяющихся тел. Эта методика позволяет определять оптимальное давление газа в пневмооболочке, обеспечивающее в результате удара наименьшую ударную силу, что позволяет снизить динамические нагрузки на соударяемые тела. Рассмотрены влияние на ударные нагрузки длины пневмооболочки и значения адиабаты газа, закачанного в пневмооболочку. Предложены рекомендации по использованию полученных результатов на практике.

Ключевые слова: удар, твердое тело, пневмооболочка, ударная сила, динамическая характеристика, давление газа.

Summary

A dynamic model of collision of solid bodies through gas-filled pneumoenvelope is proposed. The method of determining dynamic characteristics of the bodies at collision is developed, the relationship between pneumoenvelope characteristics and inertial characteristics of colliding bodies are identified.

The proposed method allows to determine the optimal gas pressure in pneumoenvelope ensuring the lowest impact force at impact, thus reducing dynamic loads on colliding bodies. The effect of pneumoenvelope length and adiabatic value of gas pumped into the pneumoenvelope are examined. Recommendations for the use of the results in practice are proposed.

Keywords: impact, solid body, pneumoenvelope, impact strength, dynamic property, gas pressure.

Щурин Константин Владимирович, д-р техн. наук, профессор; декан транспортного факультета, заведующий кафедрой метрологии, стандартизации и сертификации Оренбургского государственного университета; Оренбург, Россия. E-mail: tteng@mail.ru.

Морозов Николай Анатольевич, канд. техн. наук, доцент; кафедра теоретической механики Оренбургского государственного университета; Оренбург, Россия. E-mail: moroz.off.nick@yandex.ru.

Власов Юрий Леонидович, канд. техн. наук, доцент; кафедра теоретической механики Оренбургского государственного университета; Оренбург, Россия. E-mail: ulvlasov@mail.ru.

Schurin Konstantin Vladimirovich, DSc in Engineering, Professor, Dean of the Faculty of Transport, Head of the Department of Metrology, Standardization and Certification, Orenburg State University, Orenburg, Russia. E-mail: tteng@mail.ru.

Morozov Nikolay Anatolyevich, PhD in Engineering, Associate Professor, Department of Theoretical Mechanics, Orenburg State University, Orenburg, Russia. E-mail: moroz.off.nick@yandex.ru.

Vlasov Yuri Leonidovich, PhD in Engineering, Associate Professor, Department of Theoretical Mechanics, Orenburg State University, Orenburg, Russia. E-mail: ulvlasov@mail.ru.

Использование пневмооболочек в качестве промежуточного элемента при соударении условно твердых тел обусловлено стремлением уменьшить динамические нагрузки, испытываемые телами в процессе удара. В качестве примера можно привести внутренние и внешние подушки безопасности транспортных средств [1]. В этом случае в качестве упругого элемента используется газ, находящийся под определенным давлением в оболочке. Если жесткость соударяющихся тел будет существенно больше жесткости пневмооболочки, то их можно считать абсолютно жесткими. Динамические нагрузки, возникающие при ударе, будут зависеть от инерциальных свойств тел, а также от характеристик пневмооболочки. Цель исследования — разработка методики определения зависимостей между характеристиками пневмооболочки и динамическими характеристиками тел при ударе.

В процессе удара в пневмооболочке, накачанной газом, давление будет изменяться в соответствии с зависимостью

$$P = P_0 \left(\frac{V_0}{V} \right)^k,$$

где P_0 , P — давление газа до удара и в процессе удара соответственно, Па; V_0 , V — объем газа до удара и в процессе удара соответственно, м³; k — показатель адиабаты газа.

Считая поперечное сечение пневмооболочки в процессе удара неизменным, получим:

$$P = P_0 \left(\frac{l_0}{l} \right)^k = P_0 \left(\frac{l_0}{l_0 - \Delta l} \right)^k,$$

где l_0 , l — длина пневмооболочки до удара и в процессе удара соответственно, м; Δl — абсолютная деформация пневмооболочки, м (рис. 1).

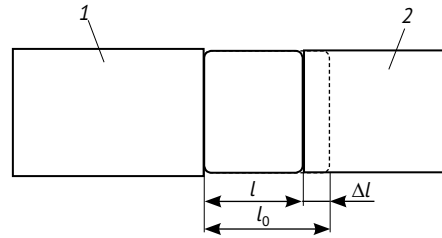

Рис. 1. Деформация пневмооболочки в процессе удара

Величина ударной силы:

$$F = P \cdot A_{\text{уд}} = P_0 \cdot A_{\text{уд}} \left(\frac{l_0}{l_0 - \Delta l} \right)^k,$$

где $A_{\text{уд}}$ — площадь соударения, м².

Максимальная ударная сила будет соответствовать наибольшему сжатию пневмооболочки.

Определим работу, совершаемую ударной силой:

$$\begin{aligned} W_{\text{уд}} &= \int_0^{\Delta l_{\text{max}}} F \cdot d(\Delta l) = \\ &= \frac{P_0 \cdot A_{\text{уд}} \cdot l_0}{k-1} \left(\left(\frac{l_0}{l_0 - \Delta l_{\text{max}}} \right)^{k-1} - 1 \right), \end{aligned}$$

где Δl_{max} — максимальная абсолютная деформация пневмооболочки, м.

Работа ударной силы будет равна потенциальной энергии деформированной пневмооболочки W [2]:

$$W_{\text{уд}} = W = \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2}{2(m_1 + m_2)},$$

где m_1 , m_2 — массы соударяющихся тел, кг; v_0 — относительная скорость тел в момент начала удара, м/с.

Выразим максимальную абсолютную деформацию пневмооболочки и получим максимальную ударную силу и максимальные ускорения тел:

$$\Delta l_{\text{max}} = l_0 \left(1 - \left(\frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2 (k-1)}{2(m_1 + m_2) P_0 \cdot A_{\text{уд}} \cdot l_0} + 1 \right)^{\frac{1}{1-k}} \right),$$

$$F_{\text{max}} = P_0 \cdot A_{\text{уд}} \left(\frac{l_0}{l_0 - \Delta l_{\text{max}}} \right)^k,$$

$$a_{1\max} = -\frac{F_{\max}}{m_1}, \quad a_{2\max} = \frac{F_{\max}}{m_2}.$$

График зависимости максимальной ударной силы от начального давления газа в пневмооболочке представлен на рис. 2.

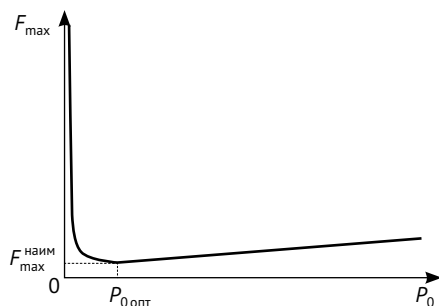

Рис. 2. Зависимость максимальной ударной силы от первоначального давления газа в пневмооболочке

Из рис. 2 видно, что кривая имеет точку экстремума, соответствующую наименьшей максимальной ударной силе, действующей на тела. Соответствующее данной точке начальное давление будем считать оптимальным для смягчения удара, так как при данном давлении ускорения тел в процессе удара будут минимальны.

Для определения величины оптимального начального давления газа в пневмооболочке найдем производную от функции $F_{\max}(P_0)$ и приравняем ее к нулю:

$$\begin{aligned} \frac{dF_{\max}(P_0)}{dP_0} &= \\ &= \xi^{\frac{1}{k-1}} \left(A_{уд} \cdot \xi - \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2 \cdot k}{2(m_1 + m_2)l_0 \cdot P_0} \right) = 0, \end{aligned}$$

$$\text{где } \xi = \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2 \cdot (k-1)}{2l_0(m_1 + m_2) \cdot A_{сг} \cdot P_0} + 1.$$

В полученном уравнении член $\xi^{\frac{1}{k-1}} \neq 0$, так как P_0 не может быть отрицательным. Следовательно, уравнение для определения оптимального

начального давления газа в пневмооболочке имеет вид

$$A_{уд} \cdot \xi - \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2 \cdot k}{2(m_1 + m_2)l_0 \cdot P_0} = 0.$$

Откуда:

$$P_{0\text{опт}} = \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2}{2(m_1 + m_2)l_0 \cdot A_{уд}} = \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2}{2(m_1 + m_2)V_0}.$$

Таким образом, оптимальное начальное давление газа в пневмооболочке не зависит от показателя адиабаты газа. Обеспечивая в момент удара оптимальное давление в пневмооболочке, мы добьемся действия на тела наименьшей максимальной ударной силы:

$$\begin{aligned} F_{\max_наим} &= P_{0\text{опт}} \cdot A_{уд} \left(\frac{l_0}{l_0 - \Delta l_{\max}} \right)^k = \\ &= \frac{m_1 \cdot m_2 \cdot v_0^2}{2(m_1 + m_2)l_0} k^{\frac{k}{k-1}}. \end{aligned}$$

При этом максимальная абсолютная деформация подушки:

$$\Delta l_{\max} = l_0 \left(1 - k^{\frac{1}{1-k}} \right).$$

С увеличением начальной длины пневмооболочки ударная сила уменьшается, а с увеличением показателя адиабаты газа — увеличивается (рис. 3). Так, например, при увеличении показателя адиабаты с 1,1 до 1,6 ударная сила увеличивается на 23 %. Поэтому для смягчения удара в пневмооболочке необходимо закачивать газы с наименьшими значениями k .

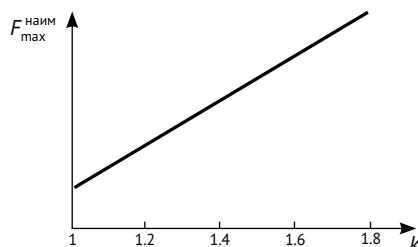

Рис. 3. Влияние k на ударную силу

Максимальные ускорения тел в процессе удара (при оптимальном давлении в пневмооболочке в момент удара):

$$a_{1\max} = -\frac{m_2 \cdot v_0^2}{2(m_1 + m_2)l_0} k^{\frac{k}{k-1}},$$

$$a_{2\max} = \frac{m_1 \cdot v_0^2}{2(m_1 + m_2)l_0} k^{\frac{k}{k-1}}.$$

Предложенная методика позволяет определить оптимальное давление газа в пневмооболочке, обеспечива-

ющее в результате удара наименьшую ударную силу, а следовательно, наименьшие динамические нагрузки на соударяемые тела. Установлено влияние значения адиабаты газа, закачанного в пневмооболочку, и длины пневмооболочки на величину ударной нагрузки. Полученные результаты рекомендуется использовать при расчете подушек безопасности транспортных средств, средств швартовки водного транспорта и в других случаях, когда возникает удар тел через пневмооболочку. ■

Литература

1. Щурин К. В. Повышение уровня пассивной безопасности автомобиля / К. В. Щурин, В. А. Зубаков, Ю. В. Кеменева // Вестник Оренбургского государственного университета, 2011. № 10 (129). С. 82–87. ISSN 1814–6457.
2. Александров Е. В. Прикладная теория и расчеты ударных систем / Е. В. Александров, В. Б. Соколинский — М. : Наука, 1969. — 201 с.

References

1. Shchurin K. V. Povyshenie urovnya passivnoy bezopasnosti avtomobilya [Raising the level of passive safety of a car] / K. V. Shchurin, V. A. Zubakov, Yu. V. Kemeneva // Herald of the Orenburg State University, 2011. № 10 (129). Pp. 82–87. ISSN 1814–6457.
2. Alexandrov E. V. Prikladnaya teoriya i raschety udarnykh sistem [Applied theory and analysis of shock systems] / E. V. Alexandrov, V. B. Sokolinsky — M. : Nauka, 1969. — 201 p.

Статья сдана в редакцию 30 мая 2013 года

УДК 539.3

К. В. Бердников, В. В. Стружанов

Остаточные напряжения в батискафе после погружения на большую глубину

UDC 539.3

K. V. Berdnikov, V. V. Struzhanov

Residual stresses in bathyscaphe after diving in deep water

Аннотация

Рассматривается глубоководный аппарат (батискаф) в виде толстостенного сферического сосуда, выполненного из упруго-пластического материала. Полагается, что деформирование сосуда осуществляется либо под действием равномерно распределенного внешнего давления, либо посредством задания одинаковых радиальных перемещений точкам внешней границы. Погружение батискафа на достаточно большую глубину сопровождается появлением неупругих (пластических) деформаций в приповерхностных внешних слоях, где напряжения превышают предел текучести. Из-за несовместности этих деформаций после подъема аппарата в нем возникает поле остаточных напряжений, которые самоуравновешиваются в теле без приложения внешней нагрузки. Влияние на живучесть и работоспособность батискафов этих напряжений достаточно велико. Излагается методика расчета остаточных напряжений по заданным остаточным (неупругим) деформациям сдвига, определяемых по теории Генки (гипотеза единой кривой). Приводятся общие формулы расчета остаточных напряжений и для некоторых числовых данных построены эпюры остаточных напряжений, иллюстрирующие качественный характер распределения напряжений в сферическом сосуде из упруго-пластического материала при полярно-симметричном распределении напряжений и деформаций.

Ключевые слова: толстостенный сферический сосуд, батискаф, гидростатическое внешнее давление, остаточные пластические деформации, уравнения Ляме, среда Генки, полярно-симметричное распределение напряжений и деформаций, остаточные напряжения.

Summary

A deep-sea vehicle (bathyscaphe) is considered as a thick-walled spherical vessel made of elastic-plastic material. It is believed that deformation of the vessel occurs either under the influence of external uniformly distributed pressure, or through identical radial displacements of the outer boundary points. The dive of the bathyscaphe to relatively deep water is accompanied by occurrence of inelastic (plastic) deformations in the outer near-surface layers, where stresses exceed the yield strength. Because of incompatibility of these deformations, after the lifting a residual stress field appears in the vehicle, where stresses are self-balancing within the hull without application of external load. These stresses have quite strong impact on durability and performance of bathyscaphe. The technique of calculating the residual stresses based on the set residual (inelastic) shear deformations is described, determined by Genki theory (hypothesis of a single curve). General formulas for calculating the residual stresses are provided, and for some numerical data residual stress curves are drawn, illustrating qualitative nature of stress distribution in a spherical vessel made of elastic-plastic material at polar-symmetrical distribution of stresses and strains.

Keywords: thick-walled spherical vessel, bathyscaphe, external hydrostatic pressure, residual plastic deformations, Lamé equation, Genki medium, polar symmetrical distribution of stresses and strains, residual stresses.

Кирилл Вячеславович Бердников, аспирант; лаборатория микромеханики материалов Института машиноведения УрО РАН, Екатеринбург, Россия. E-mail: kir.berdnikov@mail.ru.

Валерий Владимирович Стружанов, д-р физ.-мат. наук, профессор; кафедра «Высшая и прикладная математика» Уральского государственного университета путей сообщения, Екатеринбург, Россия. E-mail: stru@imach.uran.ru.

Kirill Vyacheslavovich Berdnikov, Engineer; Material micromechanics laboratory of the Institute of Engineering Science, Ural Branch of RAS; Ekaterinburg, Russia. E-mail: kir.berdnikov@mail.ru.

Valery Vladimirovich Struzhanov, DSc in Physics and Mathematics, Professor, Department of Higher and Applied Mathematics, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: stru@imach.uran.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 13-08-00186)

Введение

Глубоководные аппараты часто представляют собой толстостенные сферические сосуды (батискафы). При погружении на большую глубину напряжения в материале приповерхностных слоев превышают предел текучести. В результате возникают неупругие деформации, не исчезающие после разгрузки (после подъема батискафа). Так как эти деформации несовместны (не удовлетворяют условиям совместности Сен-Венана [1]), то в батискафе возникают остаточные напряжения, преобразующие поле несовместных деформаций, не реализуемых в сплошной среде, в поле деформаций совместных. При дальнейших погружениях эти напряжения, складываясь с напряжениями от внешней нагрузки, оказывают существенное влияние на живучесть глубоководных аппаратов. Поэтому при эксплуатации батискафов необходимо иметь представление о возникающих в процессе погружения остаточных напряжениях. В настоящей работе приведен расчет таких напряжений при описании свойств материала моделью Генки, отвечающей гипотезе единой кривой. Представленная модель конкретизирована для деформированного состояния с неположительными компонентами шарового тензора.

Постановка задачи

Толстостенный сферический сосуд, внешний и внутренний радиусы которого равны b и a соответственно, испытывает сжимающие напряжения, при этом материал в отдельных областях переходит в пластическое состояние.

Сжатие сосуда осуществляется либо при задании равномерного внешнего давления p (мягкое нагружение), либо посредством задания радиальных перемещений точкам внешней сферы v (жесткое нагружение). В силу выполнения условий полярной симметрии перемещение

в материале осуществляется только в радиальном направлении $u(r)$. В задаче используется сферическая система координат с началом в центре сосуда, поэтому $a \leq r \leq b$. Тогда в сосуде возникают совместные деформации, которые определяются соотношениями Коши [1]

$$\varepsilon'_r = \frac{du}{dr}, \quad \varepsilon'_\theta = \varepsilon'_\varphi = \frac{u}{r}. \quad (1)$$

Здесь ε'_r — радиальные деформации, $\varepsilon'_\theta = \varepsilon'_\varphi$ — тангенциальные деформации.

После превышения напряжениями предела текучести в материале появляются пластические деформации, которые в общем случае несовместны (не удовлетворяют условиям совместности Сен-Венана). После разгрузки (снятия давления с внешней сферы) в сосуде остаются только эти пластические (остаточные) деформации. Так как несовместные деформации не могут быть реализованы в сплошной среде, то возникают силы, преобразующие поле несовместных деформаций в поле деформаций совместных. Это остаточные напряжения, уравнивающиеся без приложения внешней нагрузки [1, 2]. Таким образом, они удовлетворяют уравнениям равновесия, которые в данной задаче имеют вид [1]

$$\frac{d\sigma''_r}{dr} + 2 \frac{\sigma''_r - \sigma''_\theta}{r} = 0. \quad (2)$$

Здесь $\sigma''_r(r)$ — радиальные остаточные напряжения; $\sigma''_\theta(r) = \sigma''_\varphi(r)$ — тангенциальные напряжения. Они удовлетворяют закону Гука [1, 2]

$$\begin{aligned} \sigma''_r &= 2\mu\varepsilon'_r + \lambda(\varepsilon'_r + 2\varepsilon'_\theta) - \\ &- 2\mu\varepsilon_r^p - \lambda(\varepsilon_r^p + 2\varepsilon_\theta^p), \\ \sigma''_\theta &= \sigma''_\varphi = 2\mu\varepsilon'_\theta + \lambda(\varepsilon'_r + 2\varepsilon'_\theta) - \\ &- 2\mu\varepsilon_\theta^p - \lambda(\varepsilon_r^p + 2\varepsilon_\theta^p), \end{aligned} \quad (3)$$

$$\text{где} \quad \lambda = \frac{\nu E}{(1+\nu)(1-2\nu)},$$

$$\mu = G = \frac{E}{2(1+\nu)}$$

— коэффициенты упругости Ляме. Здесь E — модуль Юнга; G — модуль сдвига; ν — коэффициент Пуассона; $\varepsilon_r^p(r), \varepsilon_\theta^p(r) = \varepsilon_\phi^p(r)$ — радиальные и тангенциальные компоненты остаточных деформаций соответственно.

Решение упругой задачи [1] показывает, что объемные (гидростатические) деформации отрицательны. В этом случае естественно считать, что остаточного изменения объема сферического сосуда не происходит и что объемные составляющие тензоров напряжений и деформаций связаны линейным образом. Отсюда остаточные деформации являются остаточными деформациями сдвига. Для рассматриваемой задачи компоненты остаточных деформаций определяются формулами [3, 4]

$$\varepsilon_r^p = -\frac{2}{3}\gamma^p, \quad \varepsilon_\theta^p = \frac{1}{3}\gamma^p. \quad (4)$$

Здесь $\gamma^p(r) = \varepsilon_\theta^p(r) - \varepsilon_r^p(r)$ — остаточные деформации сдвига.

К уравнениям (1)–(3) необходимо добавить граничные условия, которые определяют тип нагружения. Для мягкого нагружения это условия отсутствия внешних усилий:

$$\sigma_r''|_{r=a} = 0, \quad \sigma_r''|_{r=b} = 0. \quad (5)$$

Для жесткого нагружения имеем граничные условия смешанного типа

$$\sigma_r''|_{r=a} = 0, \quad u|_{r=b} = 0. \quad (6)$$

Мягкое нагружение

При таком типе нагружения сжатие сферического сосуда происходит под действием равномерно распределенного давления.

Для определения остаточных напряжений, следуя работе [5], сведем краевую задачу (1)–(3) к уравнению

Ляме в перемещениях. Соотношения (1) подставляем в закон Гука (3), а то, что получится — в уравнение (2). После необходимых преобразований с учетом равенств (4) получаем

$$\frac{d^2 u}{dr^2} + \frac{2}{r} \frac{du}{dr} - 2 \frac{u}{r^2} =$$

$$= -m \left(3 \frac{\gamma^p(r)}{r} + \frac{d\gamma^p(r)}{dr} \right), \quad (7)$$

$$\text{где} \quad m = 4\mu[3(\lambda + 2\mu)]^{-1} =$$

$$= 2(1-2\nu)[3(1-\nu)]^{-1}.$$

Общее решение уравнения (7) равно [5]:

$$u = \frac{C_1}{r^2} + C_2 r - m r \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr. \quad (8)$$

Подставим найденные перемещения в соотношения Коши (1), то есть найдем совместные деформации:

$$\varepsilon_r' = -\frac{2C_1}{r^3} + C_2 -$$

$$- m \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - m \gamma^p(r), \quad (9)$$

$$\varepsilon_\theta' = \varepsilon_\phi' = \frac{C_1}{r^3} + C_2 - m \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr. \quad (10)$$

Определим остаточные напряжения, подставляя найденные совместные деформации (9)–(10) в закон Гука (3). Получаем

$$\sigma_r'' = -\frac{2C_1}{r^3} 2\mu + C_2(3\lambda + 2\mu) -$$

$$- (3\lambda + 2\mu) m \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr,$$

$$\sigma_\theta'' = \sigma_\phi'' = \frac{C_1}{r^3} 2\mu + C_2[3\lambda + 2\mu] -$$

$$- [3\lambda + 2\mu] m \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr -$$

$$- \lambda m \gamma^p(r) - \frac{2}{3} \mu \gamma^p(r).$$

Для определения произвольных постоянных C_1 и C_2 используем граничные условия (5). Из граничного условия $\sigma_r|_{r=a} = 0$ имеем

$$C_2 = \frac{4\mu C_1}{a^3(3\lambda + 2\mu)}.$$

Из граничного условия $\sigma_r|_{r=b} = 0$ получаем, что

$$-\frac{2C_1}{b^3}2\mu + C_2[3\lambda + 2\mu] - [3\lambda + 2\mu]m \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr = 0,$$

$$4\mu C_1 \left(\frac{1}{a^3} - \frac{1}{b^3} \right) = [3\lambda + 2\mu]m \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr.$$

$$\text{Отсюда } C_1 = \frac{[3\lambda + 2\mu]a^3b^3}{4\mu(b^3 - a^3)} m \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr, \text{ тогда } C_2 = \frac{b^3}{b^3 - a^3} m \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr,$$

Итак, учитывая граничные условия, имеем:
перемещение

$$u = \frac{2(1-2\nu)}{3(1-\nu)} r \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 + \frac{1+\nu}{2(1-2\nu)} \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right);$$

совместные деформации

$$\varepsilon_r' = \frac{2(1-2\nu)}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 - \frac{1+\nu}{1-2\nu} \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right),$$

$$\varepsilon_\phi' = \varepsilon_\theta' = \frac{2(1-2\nu)}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 + \frac{1+\nu}{2(1-2\nu)} \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right);$$

объемные деформации

$$\theta' = \varepsilon_r' + 2\varepsilon_\theta' = \frac{2(1-2\nu)}{3(1-\nu)} \left(3 \frac{b^3}{b^3 - a^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - 3 \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right);$$

деформации сдвига

$$\gamma' = \varepsilon_\theta' - \varepsilon_r' = \frac{2(1-2\nu)}{3(1-\nu)} \left(\frac{3}{2} \frac{1+\nu}{1-2\nu} \frac{a^3}{r^3} \frac{b^3}{b^3 - a^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr + \gamma^p(r) \right);$$

остаточные напряжения

$$\sigma_r'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 - \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right), \quad (11)$$

$$\sigma_\theta'' = \sigma_\phi'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 + \frac{a^3}{2r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{\gamma^p(r)}{2} \right), \quad (12)$$

и компонента шарового тензора остаточных напряжений

$$\sigma_0'' = \sigma_r'' + 2\sigma_\theta'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(3 \frac{b^3}{b^3 - a^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - 3 \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right).$$

А также максимальные касательные напряжения (остаточные):

$$\tau'' = \frac{1}{2}(\sigma_\theta'' - \sigma_r'') = \frac{E}{3(1-\nu)} \left(\frac{3}{2} \frac{b^3}{b^3 - a^3} \frac{a^3}{r^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{\gamma^p(r)}{2} \right);$$

псевдонапряжения, связанные законом Гука с совместными деформациями

$$\begin{aligned} \sigma_r' &= \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 - \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{1-\nu}{1+\nu} \gamma^p(r) \right), \\ \sigma_\theta' &= \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{b^3 - a^3} \left[1 + \frac{a^3}{2r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{\nu}{1+\nu} \gamma^p(r) \right), \end{aligned}$$

и компонента шарового тензора псевдонапряжений

$$\sigma_0' = \sigma_r' + 2\sigma_\theta' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(3 \frac{b^3}{b^3 - a^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - 3 \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right),$$

а также максимальные касательные псевдонапряжения

$$\tau' = \frac{1}{2}(\sigma_\theta' - \sigma_r') = \frac{E}{3(1-\nu)} \left(\frac{3}{2} \frac{a^3}{r^3} \frac{b^3}{b^3 - a^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr + \frac{1-2\nu}{1+\nu} \gamma^p(r) \right).$$

Отметим, что

$$\tau'' = \tau' + \tau^p, \quad (13)$$

где $\tau^p = G\gamma^p$. Тензор остаточных напряжений

$$\sigma^{\wedge''} = \sigma^{\wedge'} - \sigma^{\wedge p}, \quad (14)$$

где компоненты тензора $\sigma^{\wedge p}$ равны

$$\sigma_r^p = -\frac{2E}{3(1+\nu)} \gamma^p, \quad \sigma_\theta^p = \frac{E}{3(1+\nu)} \gamma^p,$$

а компоненты тензора $\sigma^{\wedge'}$ есть $\sigma_r', \sigma_\theta' = \sigma_\phi'$. Тензор деформаций, связанный законом Гука с тензором остаточных напряжений, равен

$$\varepsilon^{\wedge''} = \varepsilon^{\wedge'} - \varepsilon^{\wedge p}, \quad (15)$$

где компоненты тензора $\varepsilon^{\wedge p}$ есть

$$\varepsilon_r^p = -\frac{2}{3} \gamma^p, \quad \varepsilon_\theta^p = \frac{1}{3} \gamma^p.$$

Построим эпюры остаточных напряжений. Для этого найдем остаточную деформацию сдвига, которая вычисляется по формуле [3, 4]

$$\gamma^p(r) = \left(1 - \frac{G^p}{G}\right) \gamma(r), \quad (16)$$

где $\gamma(r)$ сдвиговая деформация, определяемая из решения упругой задачи [6]

$$\gamma(r) = -\frac{3b^3a^3}{4G(b^3 - a^3)} p \frac{1}{r^3}.$$

Здесь $G = E/2(1 + \nu)$ — модуль сдвига в упругости; G^p — инкрементальный модуль; p — внешнее давление. Поскольку при активном деформировании материал неотличим от нелинейно упругого [7], то в качестве модели материала можно рассматривать модель среды Генки. Но, в отличие от традиционного случая, определяющие соотношения позволяют описывать стадию разупрочнения материала, предшествующую разрушению [3, 4]. Поэтому единая кривая кроме восходящей ветви имеет ниспадающий участок. Тогда

$$G^p = \frac{dT(\Gamma)}{d\Gamma},$$

где $T(\Gamma) = \mu(\Gamma) \cdot \Gamma$. Здесь T и Γ — соответственно интенсивности касательных напряжений и деформаций сдвига [6], то есть

$$\Gamma = \frac{2}{\sqrt{3}}(\epsilon_r - \epsilon_\theta) = \frac{2}{\sqrt{3}}\gamma.$$

Полагаем, что $\mu(\Gamma) = G(1 - 10\Gamma)$. Отсюда после необходимых преобразований имеем

$$\begin{aligned} \gamma^p(r) &= \frac{40\sqrt{3}}{3} \gamma^2(r) = \\ &= \frac{30\sqrt{3}}{4G^2} \frac{b^6a^6}{(b^3 - a^3)^2} p^2 \frac{1}{r^6}. \end{aligned} \quad (17)$$

Подставляя выражение (17) в формулы (11) и (12), находим

$$\begin{aligned} \sigma_r'' &= \frac{2E}{3(1-\nu)} \frac{5\sqrt{3}}{4G^2} p^2 \times \\ &\times \frac{a^3b^3}{(b^3 - a^3)^2} \left(1 - \frac{a^3}{r^3}\right) \left(1 - \frac{b^3}{r^3}\right), \\ \sigma_\theta'' &= \sigma_\phi'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \frac{5\sqrt{3}}{4G^2} p^2 \times \\ &\times \frac{a^3b^3}{(b^3 - a^3)^2} \left(\frac{2a^3b^3}{r^6} - \frac{b^3}{2r^3} - \frac{a^3}{2r^3} - 1\right). \end{aligned}$$

На рис. 1, 2 изображены характерные (качественные) эпюры остаточных напряжений, которые получены при

$$a = 1, b = 4, p = 2G \sqrt{\frac{3(1-\nu)}{10\sqrt{3}}} \cdot 10^{-3}.$$

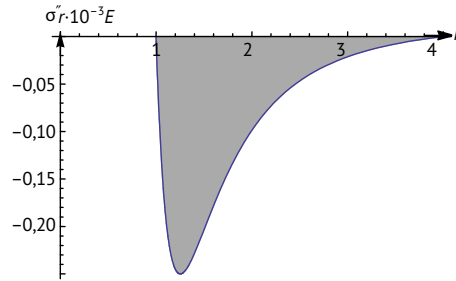

Рис. 1. Характерное распределение радиальных остаточных напряжений

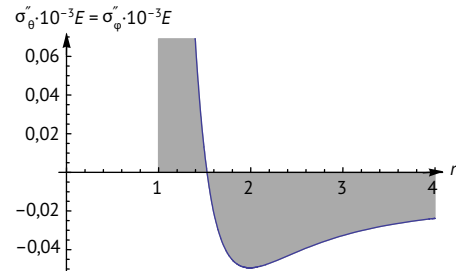

Рис. 2. Характерное распределение тангенциальных остаточных напряжений

Жесткое нагружение

Пусть сжатие сферического сосуда осуществляется посредством задания одинаковых радиальных перемещений точкам внешней сферы. Задача (1)–(3) снова сводится к уравнению Ляме (7), решение которого есть функция (8). Аналогично изложенному выше получаем выражения для σ_r'' , $\sigma_\theta'' = \sigma_\varphi''$, в которых присутствуют неизвестные константы C_1 и C_2 . Используя граничные условия (6), находим

$$C_1 = \frac{[3\lambda + 2\mu]a^3b^3}{(3\lambda + 2\mu)a^3 + 4\mu b^3} m \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr, \quad C_2 = \frac{4\mu b^3}{(3\lambda + 2\mu)a^3 + 4\mu b^3} m \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr.$$

Подставляя данные константы в соответствующие формулы, имеем

$$u = \frac{2(1-\nu)}{3(1-\nu)} r \left(\frac{b^3}{[2(1-\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \left[1 + \frac{1+\nu}{2(1-\nu)} \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right);$$

совместные деформации

$$\varepsilon_r' = \frac{2(1-\nu)}{3(1-\nu)} r \left(\frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \left[1 - \frac{1+\nu}{1-2\nu} \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right),$$

$$\varepsilon_\varphi' = \varepsilon_\theta' = \frac{2(1-\nu)}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{\frac{1+\nu}{2(1-\nu)}a^3 + b^3} \left[1 + \frac{1+\nu}{2(1-\nu)} \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right);$$

объемные совместные деформации

$$\theta' = \varepsilon_r' + 2\varepsilon_\theta' = \frac{2(1-\nu)}{3(1-\nu)} \left(3 \frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - 3 \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right);$$

совместные деформации сдвига

$$\gamma' = \varepsilon_\theta' - \varepsilon_r' = \frac{2(1-\nu)}{3(1-\nu)} \left(\frac{3}{2} \frac{1+\nu}{1-2\nu} \frac{a^3}{r^3} \frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr + \gamma^p(r) \right);$$

остаточные напряжения

$$\sigma_r'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \left[1 - \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr \right), \quad (18)$$

$$\sigma_\theta'' = \sigma_\varphi'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{\frac{1+\nu}{2(1-\nu)}a^3 + b^3} \left[1 + \frac{a^3}{2r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{\gamma^p(r)}{2} \right); \quad (19)$$

компонента шарового тензора остаточных напряжений равна

$$\sigma_0'' = \sigma_r'' + 2\sigma_\theta'' = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(3 \frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - 3 \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right),$$

максимальные касательные напряжения (остаточные)

$$\tau'' = \frac{1}{2}(\sigma''_0 - \sigma''_r) = \frac{E}{3(1-\nu)} \left(\frac{3}{2} \frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-2\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \frac{a^3}{r^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{\gamma^p(r)}{2} \right);$$

псевдонапряжения, связанные законом Гука с совместными деформациями

$$\sigma'_r = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-2\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \left[1 - \frac{a^3}{r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{1-\nu}{1+\nu} \gamma^p(r) \right),$$

$$\sigma'_0 = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(\frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-2\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \left[1 + \frac{a^3}{2r^3} \right] \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \frac{\nu}{1+\nu} \gamma^p(r) \right);$$

компонента шарового тензора псевдонапряжений

$$\sigma'_0 = \sigma'_r + 2\sigma'_\theta = \frac{2E}{3(1-\nu)} \left(3 \frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-2\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - 3 \int_a^r \frac{\gamma^p(r)}{r} dr - \gamma^p(r) \right),$$

максимальные касательные псевдонапряжения

$$\tau' = \frac{1}{2}(\sigma'_0 - \sigma'_r) = \frac{E}{3(1-\nu)} \left(\frac{3}{2} \frac{a^3}{r^3} \frac{b^3}{(1+\nu)[2(1-2\nu)]^{-1}a^3 + b^3} \int_a^b \frac{\gamma^p(r)}{r} dr + \frac{1-2\nu}{1+\nu} \gamma^p(r) \right).$$

Непосредственно проверяется, что справедливы равенства (13)–(15).

Отметим, что полученные напряжения возникают в сферическом сосуде после снятия внешнего давления и перемещения поверхности внешней сферы в исходное состояние.

Построим эпюры остаточных напряжений. При задании перемещения v к точкам границы внешней сферы из решения упругой задачи [6] имеем

$$\gamma(r) = -3V \frac{b^2}{r^3} \frac{a^3(1+\nu)}{(1+\nu)a^3 + 2b^3(1-2\nu)}.$$

Тогда по формуле (17) находим

$$\gamma^p(r) = 120\sqrt{3} \frac{b^4 v^2}{r^6} \left(\frac{a^3(1+\nu)}{(1+\nu)a^3 + 2b^3(1-2\nu)} \right)^2.$$

Подставляя это значение в выражения для остаточных напряжений (18) и (19), после вычисления интегралов получаем

$$\sigma''_r = \frac{E(1+\nu)^2}{3(1-\nu)} \frac{40\sqrt{3}b^4}{\alpha^2} v^2 \left(1 - \frac{a^3}{r^3} \right) \left(\frac{2b^3(1-2\nu)}{\alpha} \left(1 - \frac{a^6}{b^6} \right) - 1 - \frac{a^3}{r^3} \right),$$

$$\sigma''_0 = \sigma''_\phi = \frac{E(1+\nu)^2}{3(1-\nu)} \frac{40\sqrt{3}b^4}{\alpha^2} v^2 \left(\frac{2b^3(1-2\nu)}{\alpha} \left(1 + \frac{a^3}{2r^3} \right) \left(1 - \frac{a^6}{b^6} \right) - 1 - \frac{2a^6}{r^6} \right),$$

где $\alpha = a^3(1+\nu) + 2b^3(1-2\nu)$.

На рис. 3, 4 изображены характерные эпюры этих остаточных напряжений при $a = 1$, $b = 4$, $\nu = 0,25$,

$$\nu = \frac{1}{2(1+\nu)} \sqrt{\frac{3(1-\nu)}{10\sqrt{3}}} \cdot 10^{-3}.$$

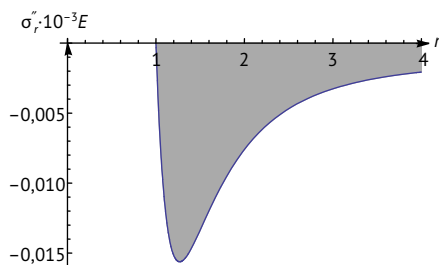

Рис. 3. Характерная эпюра остаточных радиальных напряжений при жестком нагружении

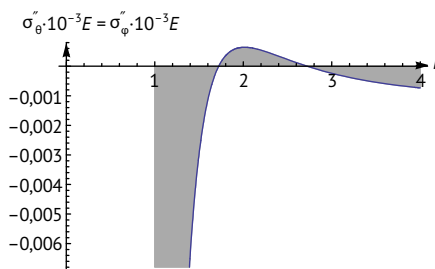

Рис. 4. Характерная эпюра остаточных тангенциальных напряжений при жестком нагружении

Таким образом, в статье представлена методика расчета остаточных напряжений для задач с полярно-симметричным распределением напряжений и деформаций. Проведен расчет и представлены характерные эпюры остаточных напряжений, появляющихся в деформированном сферическом сосуде. Отметим, что в отличие от работы [5], была рассмотрена континуальная механическая система конечных размеров. ■

Литература

1. Тимошенко С. П., Гудьер Дж. Теория упругости. М. : Наука, 1975. 576 с.
2. Стружанов В. В., Миронов В. И. Деформационное разупрочнение материала в элементах конструкций. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995. 192 с.
3. Стружанов В. В., Бердников К. В. Об определяющих соотношениях среды Генки для разупрочняющегося материала при диагональном тензоре деформаций // Вестник Самарского гос. техн. ун-та. (Сер. : Физ.-мат. науки), 2012. № 3 (28). С. 72–80. ISSN 1991–8615.
4. Стружанов В. В., Бердников К. В. Свойства среды Генки с разупрочнением при полярно-симметричном деформировании // Динамика сплошной среды. (Механика структурно-неоднородных сред). Новосибирск : Институт гидродинамики СО РАН. 2012, Вып. 127, С. 97–99. ISSN 0420–0497.
5. Бердников К. В., Стружанов В. В. Остаточные напряжения в упругопластическом пространстве, возникающие после расширения сферической полости // Вестник УрГУПС. № 2 (18). 2013. С. 18–26. ISSN 2079–0392.
6. Лурье А. И. Теория упругости. М. : Наука, 1970. 940 с.
7. Ильюшин А. А. Пластичность, Ч. 1: Упруго-пластические деформации / Науч. предисловие Е. И. Шемякина, И. А. Кийко, Р. А. Васина / Репр. воспр. Текста изд. 1948 г. / М. : Логос, 2004. 388 с. ISBN 5–94010–377–4.

References

1. Timoshenko S. P. and Goodier J. Teoriya uprugosti. [Theory of Elasticity]. M. : Nauka, 1975. 576.
2. Struzhanov V. V., Mironov V. I. Deformatsionnoe razuprochnenie materiala v elementakh konstruksiy. [Strain softening of material in structural elements]. Ekaterinburg : Publishing House of the Ural Branch of RAS, 1995. 192 p.
3. Struzhanov V. V., Berdnikov K. V. Ob opredelyayushchikh sootnosheniyakh sredy Genki dlya razuprochnyayushchegosya materiala pri diagonalnom tenzore deformatsiy [On constitutive relations of Genki medium for softening material at diagonal

- strain tensor] // Herald of Samara State Technical University (Physical & Mathematics Series), 2012. № 3 (28). Pp. 72–80. ISSN 1991–8615.
4. Struzhanov V. V., Berdnikov K. V. Svoystva sredy Genki s razuprochneniem pri polyar-no-simmetrichnom deformirovanii [Properties of Genki medium with softening at polar-symmetric deformation] // Dinamika sploshnoy sredy. (Mekhanika strukturalno-neodnorodnykh sred). Novosibirsk : Institute of Hydrodynamics, 2012, Vol. 127, pp. 97–99. ISSN 0420–0497.
 5. Berdnikov K. V., Struzhanov V. V. Ostatochnye napryazheniya v uprugoplasticheskom prostranstve, vznikayushchie posle rasshireniya sfericheskoy polosti [Residual stresses in elastic-plastic space arising after expansion of a spherical cavity] // Herald of USURT. № 2 (18). 2013. Pp. 18–26. ISSN 2079–0392.
 6. A. I. Lurie Teoriya uprugosti. [Theory of elasticity]. M. : Nauka, 1970. 940.
 7. A. A. Ilyushin Plastichnost. Part 1: Uprugoplasticheskie deformatsii [Plasticity, Part 1: Elastoplastic deformation] / Scientific foreword by E. I. Shemyakin, I. A. Kiyko, R. A. Vasin / Reproduction of text published in 1948 / M. : Logos, 2004. 388 p. ISBN 5–94010–377–4.

Статья сдана в редакцию 10 сентября 2013 года

Управление в технических системах

УДК 519.712.2, 62–529

Б. М. Готлиб, А. А. Вакалюк

Автоматизация процесса гидрорастяжения бандажных колец большого диаметра

UDC 519.712.2, 62–529

B. M. Gotlib, A. A. Vakalyuk

Retaining ring manufacturing for high-power turbogenerators automation

Аннотация

Бандажные кольца являются самым высоконагруженными элементами турбогенераторов. Это объясняется тем, что скорость вращения ротора двухполюсного турбогенератора составляет 3000 об/мин для генерации переменного тока частотой 50 Гц. При этом обмотки, выступающие из продольных пазов ротора на его конце, образуют головку обмотки, которая должна быть защищена от центробежных сил. Эту функцию защиты берет на себя бандажное кольцо. Поэтому к бандажным кольцам, а также к технологии их изготовления предъявляются самые высокие требования. Производство крупногабаритных бандажных колец и кольцевых заготовок реализуется в России, Германии, Франции и частично в Японии.

Основное отличие в способах производства бандажных колец в различных странах относится к способу холодного деформационного упрочнения кольцевой заготовки. Фирма Kturr (Германия) предпочитает холодное деформационное упрочнение кольцевой заготовки осуществлять механическим способом за счет расширения диаметра кольца на вертикальном гидравлическом прессе усилием 60 МН.

В России (ОАО «Уралмашзавод») упрочнение кольцевых заготовок осуществляется методом холодного гидрорастяжения. Способом гидрорастяжения достигается исключительная однородность механических свойств металла по окружности и высоте крупногабаритных заготовок. Основу комплекса составляет гидравлический пресс усилием 300 МН, разработанный и изготовленный специалистами ОАО «Уралмаш».

Ключевым этапом для понимания процесса гидрорастяжения, его особенностей и взаимосвязей между параметрами является разработка математической модели процесса. Данная математическая модель актуальна для решения задач автоматизации процесса гидрорастяжения, а также для создания тренажера, позволяющего обучать операторов процесса гидрорастяжения и опробовать различные технологические режимы протекания процесса и работы оборудования. Результаты моделирования позволяют утверждать, что математическая модель правильно описывает закономерности поведения кольцевой заготовки во время процесса гидрорастяжения.

Задача автоматизации процесса гидрорастяжения бандажных колец большого диаметра, несмотря на продолжительную историю попыток ее реализации, является актуальной и требует привлечения современных методов и средств для ее реализации.

Концепция создаваемой системы заключается в комплексной многорежимной и многоканальной автоматизации ТП гидрорастяжения кольцевых заготовок большого диаметра на вертикальном гидравлическом прессе усилием 300 МН, основной чертой которой является передача управляющих функций от квалифицированного оператора ТП автоматике и функционирование системы в условиях параметрических неопределенностей ТП задачи кольцевых заготовок методом гидрорастяжения.

Первой стадией автоматизации является создание системы бесконтактного измерения диаметров заготовки в различных ее сечениях по высоте

Борис Михайлович Готлиб, д-р техн. наук, профессор; заведующий кафедрой «Мехатроника» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: BMGotlib@usurt.ru.

Андрей Александрович Вакалюк, канд. техн. наук, доцент; кафедра «Мехатроника» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: AAVakalyuk@usurt.ru.

Boris Mikhailovich Gotlib, DSc in Engineering, Professor, Head of Mechatronics Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: BMGotlib@usurt.ru.

Andrey Alexandrovich Vakalyuk, PhD in Engineering, Associate Professor, Mechatronics Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: AAVakalyuk@usurt.ru.

заготовки и измерения основных технологических параметров процесса, построенная на разностном методе измерения с применением современных лазерных дальномеров.

Второй стадией автоматизации процесса гидрорастяжения является разработка интеллектуальной системы управления на основе методов нечеткой логики, позволяющая осуществлять управляющие функции в условиях параметрических неопределенностях процесса гидрорастяжения. Результаты моделирования работы системы управления также показывают ее работоспособность.

Автоматизация процесса гидрорастяжения — актуальная задача, требующая привлечения современных методов систем управления и средств промышленной автоматики. Данный технологический процесс является стратегическим для России, обеспечивая энергетическую независимость и безопасность. Предлагаемый подход к автоматизации процесса может быть применен для промышленного внедрения.

Для подтверждения работоспособности разработанной АСУ ТП гидрорастяжения, построенной на основе принципов ситуационного управления и метода нечеткой логики, на гидравлическом прессе усилием 300 МН в режиме ручного управления использованы результаты имитационного моделирования работы системы в условиях возникновения различных ситуаций состояния процесса гидрорастяжения; проведено также моделирование полного цикла процесса гидрорастяжения.

Показано, что разработанная АСУ ТП адекватно управляет процессом гидрорастяжения в различных производственных ситуациях, регулируя оба управляющих параметра, и обеспечивает требуемые цели управления по поддержанию искажения формы заготовки в допустимых технологических пределах (± 3 мм и ± 5 мм для разных типоразмеров заготовок) и достижение заданной степени упрочнения кольцевой заготовки 50–60%.

Ключевые слова: бандажное кольцо, процесс гидрорастяжения, математическая модель процесса, нечеткий контроллер, лазерный дальномер.

Summary

Retaining rings are the most heavily loaded elements of turbine generators. This is because the speed of bipolar turbine generator rotor is 3000 rpm, generating 50 Hz alternating current. With that, the winding extending from longitudinal slots of the rotor at the end forms winding head, which must be protected from centrifugal forces. The protective function is performed by retaining ring. Therefore, retaining rings, as well as their relevant manufacturing technology must meet the highest requirements. Large retaining rings and ring blanks are manufactured in Russia, Germany, France and partially in Japan.

The main difference in the methods of production of retaining rings in various countries is associated with cold work hardening method of ring blanks. Krupp (Germany) prefers to perform cold work hardening of ring blanks mechanically by increasing the diameter of the ring on vertical hydraulic press with force of 60 MN.

In Russia (Uralmashzavod OJSC) ring blanks are hardened by cold hydraulic stretching. Hydraulic stretching allows achieving exceptional uniformity of mechanical properties of the metal around

the circumference and height of large workpieces. The basis of the complex is a 300 MN hydraulic press, developed and manufactured by Uralmash OJSC specialists.

The key step in understanding the process of hydraulic stretching, its features and relationship between parameters is the development of mathematical model of the process. This mathematical model is relevant to hydraulic stretching process automation solutions, as well as to creating a simulator that allows training hydraulic stretching process operators and try various process conditions and equipment regimes. The simulation results suggest that the mathematical model correctly describes the patterns of behavior of the annular workpiece during the hydraulic stretching process.

The task of automating the process of hydraulic stretching of retaining rings of large diameter, despite the long history of implementation attempts, is still relevant and requires the use of modern methods and means for its implementation.

The concept of the created system is based on integrated multi-mode and multi-channel automation of hydraulic stretching of large diameter ring blanks on 300 MN vertical hydraulic press, the main feature of which is the transfer of control functions from skilled process operator to automatic equipment and operation of the system in the context of parametric uncertainties of ring blanks distribution process by hydraulic stretching.

The first automation step is the creation of a non-contact system measuring the diameters of the workpiece in its various sections along the height and measuring key process parameters, based on difference measurement method with the use of modern laser range finders.

The second step of hydraulic stretching process automation is the development of smart control system based on fuzzy logic methods, which allows to perform control functions in the context of parametric uncertainties of hydraulic stretching process. Simulation results of the control system also demonstrate its operational capability.

Automation of hydraulic stretching process is an urgent task requiring the involvement of modern methods of control systems and industrial automation equipment. This process is of strategic importance for Russia, ensuring energy independence and security. The proposed process automation approach can be used for implementation on industrial scale.

To confirm operability of the developed hydraulic stretching process control system, built on the principles of situational control and fuzzy logic method, the results of simulation modeling in the context of various hydraulic stretching process states are used with 300 MN hydraulic press in manual mode; simulation of the complete cycle of hydraulic stretching process is also performed.

It is shown that the created process control system adequately controls the hydraulic stretching process in various manufacturing situations, adjusting two control parameters, and ensures achievement of the required control objectives to maintain workpiece form distortion within the permissible process limits (± 3 mm and ± 5 mm for different workpieces sizes), and achievement of specified hardening degree of the retaining ring blank of 50–60%.

Keywords: retaining ring, hydraulic stretching process, mathematical process model, fuzzy controller, laser range finder.

Introduction

Retaining rings are the most heavily loaded elements of high-power turbo-generators. This is because for generating an alternating current frequency of 50 Hz the speed of the bipolar turbo-generator rotor is 3000 rpm. Winding extending from the longitudinal slots of the rotor at its end form a winding head, which must be protected from the centrifugal forces. This protection function takes the retaining ring. Stresses, occurring in the retaining ring during nominal operating conditions, reach 65 %, and during turbogenerator testing up to 80 % of material yield strength ($\sigma_{0.2}$) that made retaining ring. Therefore, the highest requirements make to the retaining rings it manufacturing technology. Fig. 1 shows the retaining ring installation on the turbogenerator rotor.

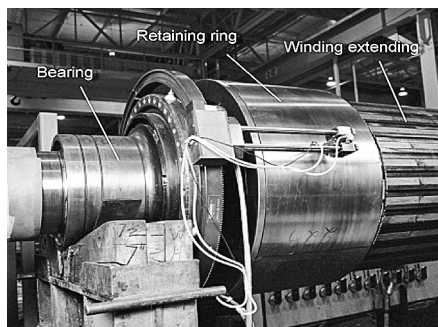

Fig. 1. Retaining ring installation on the turbogenerator rotor.

Fig. 2 is a schematic diagram of the retaining rings manufacturing process. Only few countries can produce large size retaining rings and ring blanks.

The technological process of the non-magnetic austenitic steel retaining rings comprises the following main process steps: melting the ingots with diameter up to 1000 mm and weight up to 25 tons in electric arc furnaces, ingots ESR, ingots rod forging, ring pre-forging, ring finish forging, rough turning, heat treatment, cold expanding, stress relief annealing, test laboratory, finish machining and non-destructive testing.

The main difference in the methods of production of retaining rings in different countries relates to a method of cold-work strengthening the ring blanks. The company KRUPP (Germany) prefers cold-work strengthening of the ring blanks exercise mechanically by increasing the diameter of the ring on the vertical hydraulic press force of 60 MN [1]. Fig. 3 shows the process of cold-work strengthening the ring blanks on a vertical press force of 60 MN.

To increase the diameter of the ring blank (fig. 3) multisection sliding holder is used, that expanding under the action expanding of the wedge that moves vertical under the action of the press ram. The cold-work strengthening process is carried out in several stages, between which the ring blank is rotated around the vertical axis by an amount equal to one half section of a multisection sliding holder. In this attempt to achieve the uniform deformation of the ring blank inner surface. However, it should be noted that the uniform strain cannot be reached — the inner surface of the ring blank retained traces of the sliding holder sections.

The ring blanks strengthening process in Russia («Uralmashzavod») is made by cold hydraulic stretching method.

An alternative retaining rings manufacturing method can be used — rolling the ring blanks on the mandrel at 500–600 °C. However, in this case, cannot achieve uniform mechanical properties throughout the blank, and moreover, in the rolling process there is a risk of occurrence of cracks on the surface of the ring blank.

Vertical press, four column, with the bottom location of the working cylinders equipped with walking crosshead press with a movable table, top mounting device mechanized tools and devices for hydraulic stretching and roll ring blanks [2].

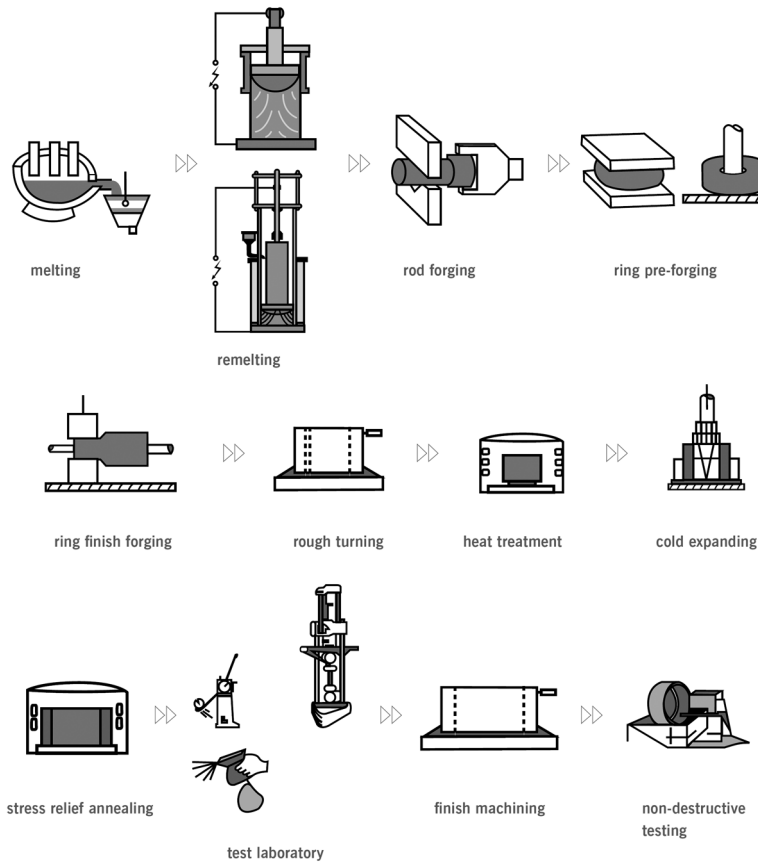

Fig. 2. Schematic diagram of the retaining rings manufacturing process [1]

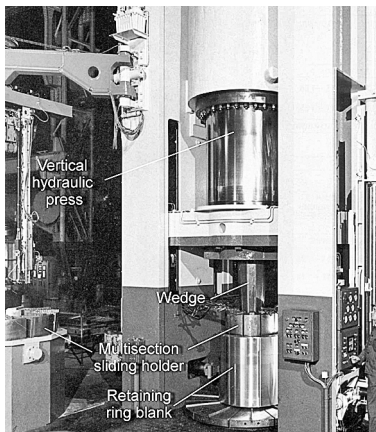

Fig. 3. Process of cold-work strengthening the ring blanks on a vertical press force of 60 MN

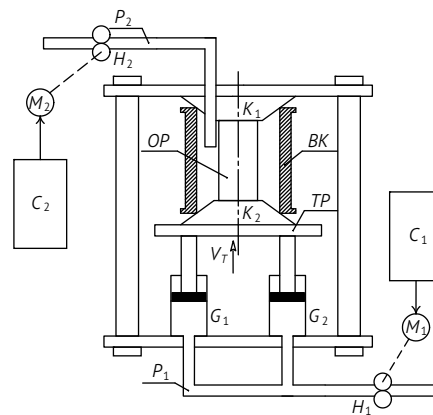

Fig. 4. The ring blanks hydrostretching process on the vertical 300 MN force press

H_1 – high pressure pump (HPP); M_1 – H_1 pump drive; C_1 – drive control; H_2 – ultrahigh pressure pump (UHPP); M_2 – H_2 pump drive; C_2 – drive control; G_1, G_2 – press hydraulic cylinders; P_1 – high pressure pipe (0–320 kgf/mm²); P_2 – ultrahigh pressure pipe (500–3000 kgf/mm²); BK – ring blank; K_1, K_2 – cones; TP – crosshead press, OP – mandrel

Hydraulic stretching device includes an upper and a lower cone (the vertex angle of the cone 70°), a mandrel, an ultrahigh pressure pump (300 MPa) is variable pump capacity 2,5–7,6 l/min, the high pressure pump (32 MPa) is variable pump capacity 50–600 l/min. fluid — water with emulsion.

Working stroke of the lower cross-head press is provided by the working cylinders, the speed of the stroke which is 0,085–0,67 mm/s.

For the hydraulic stretching process the ring blank is positioned between two cones. The internal surface of the blank, the outer surface of the mandrel and the taper forms a closed cavity into which the ultrahigh pressure fluid supplied from the UHPP. Under the influence of ultra-high pressure liquid plastic deformation occurs, cones moved by the cylinders of compressed work force ensure tightness of the internal cavity of the blank.

In the process of hydraulic stretching the blank diameter increases, and not to break the seal inside the cavity due to the increase in internal diameter and pressure emulsion inside the ring at hardening of the material, you need a corresponding increase down force sealing cones, which is achieved by increasing the pressure in the working cylinder press. Crosshead speed depends on the speed of deformation of the ring height and radius.

For a better sealing the inside of the cavity formed by the ends of the blank bevel angle of 35° . Bevel surface is smeared with a mixture of glue BF-2 with molybdenum disulfide.

In the process of hydraulic stretching the distortion on the outside diameter of the ring height should be: for rings with finite outer diameter 1500 mm — ± 3 mm, and for rings with finite outer diameter 1500 mm — ± 5 mm.

If you violate consistency between cones moving ultrahigh pressure liquid flow rate and changing the configuration of the ring is the distortion of the blank type «barrel» when the size

of the diameter in the middle than at the ends of its size blank or type «cor-set» in the case of exceeding the size of the diameter at the ends blank diameter at a middle portion in height.

Obtained in the hydraulic stretching retaining rings, in contrast to rings obtained by strain hardening and rolling on a mandrel, characterized by a high mechanical strength and homogeneous characteristics by volume of blank.

In the process of hydraulic stretching the ultrahigh pressure liquid plays the role of a universal formative force element and uniformly applied to the inner surface of the blank, thus avoiding sharp concentration loads and provides favorable scheme of stress-strain state. When a mechanical hardening ring preform, as well as on the mandrel during rolling, much more difficult to achieve uniform mechanical properties in the tangential direction due to the discrete nature of the load application to the inner and outer surfaces of the deforming blank [3].

Based on the comparative analysis of the retaining rings manufacturing processes can be concluded that the most efficient way of strengthening ring preforms cold-work strengthening under the action of internal pressure.

Mathematical model

A key step in understanding the process of hydraulic stretching, its features and the relationship between the parameters is to develop a mathematical model of the process. This mathematical model is relevant to hydraulic stretching process automation solutions, as well as to create a simulator that allows to train process operators and trying out various process conditions of the process and the equipment.

The hydraulic stretching process main control parameters that determining blanks forming during cold deformation are ultra high internal pressure q and the velocity of the press beam V_T . With proper speed V_T (reduction in

height and increase the internal and external diameters of the blank) and the correct choice of q ensures uniform deformation process without distortion of the blank and the sealing of the retaining ring inner cavity filled with ultra-high pressure fluid. The mathematical model is intended to describe the relationships between the parameters of hydraulic stretching process.

In actual production processes of metal forming (which include hydraulic stretching process of retaining rings), the main process variables, the mechanical properties of the material, as well as boundary conditions (e.g., friction force) are statistical in nature (randomly vary from one preform to the next).

Following [4], the problem of plastic deformation of the ring blanks during hydraulic stretching solved by direct variational methods Mechanics of Solids.

Design scheme of the definition of the deformed state of the blank in the process of hydraulic stretching is shown in fig. 5.

The task assumes asymmetrical and symmetrical relative to a plane perpendicular to the blank axis at a middle portion of the height of the blank. In this regard, Fig. 5 shows only a quarter of the meridian section of the blank. Cylindrical coordinate system ($0 \ r \ \varphi$), rigidly attached to the blank. By symmetry, we assume that the upper and lower cones closer together at the same speed $h, \rho, R, l_\Phi = \sqrt{l_r^2 + l_z^2}$ (V_T – crosshead speed full press).

Fig. 5 shows the following notation:
 ρ_k, α — the geometrical parameters of the cone;

h_k — distance from the plane of symmetry of the cone;

V_T — current average sizes of ring blank;

l_Φ — length forming the conical chamfer;

h_b, R_b — dimensions of additional regional tie;

ρ_1 — the radius of the upper edge of the chamfer;

V_T — press crosshead full speed;

V_n — normal speed of contact surface of each of the cones;

q — specific force on the inner surface of the blank;

q_Φ — specific force on the surface of the chamfer;

τ_{mp} — specific friction on the surface of the chamfer. The remaining symbols of fig. 5 will be described below.

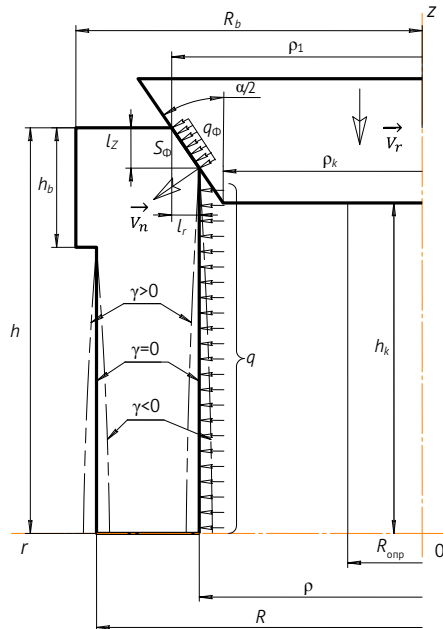

Fig. 5. Design scheme of the definition of the deformed state of the blank in the process of hydraulic stretching

From fig. 5 is obvious validity of the following relations:

$$\begin{aligned} \rho_1 &= \rho + l_\Phi \cdot \sin \frac{\alpha}{2}; \\ g(r) &= h + (r - \rho_1) \operatorname{ctg} \frac{\alpha}{2}; \\ g^*(r) &= g(r) - \frac{V_T}{2} \cdot t, \end{aligned} \quad (1)$$

where $g(r), g^*(r)$ — functions which describe the contact surface of the cone and chamfers at time t and $t^* = t + \Delta t$.

A boundary-value problem of determining the strain state of the blank has mixed boundary conditions. On the inner surface of the blank is a pressure q (force condition), which is a control parameter of the process, and on the surface of the chamfer S_Φ (fig. 5) is set to normal speed cone V_n . Among the boundary conditions and the condition is also nonabandonment (noninsight) surface of the bevel surface of the cone, which is written as:

$$V_z = V_r \operatorname{ctg} \frac{\alpha}{2} - \frac{V_T}{2}, \quad (2)$$

where $V_z = V_z|_{S_\Phi}$, $V_r = V_r|_{S_\Phi}$, V_z, V_r — components of the displacement velocity vector of the points of the deformable surface chamfer the blank.

In addition it must be ensured force condition of the blank inner cavity sealing, which can be written in the form of inequality:

$$q_\Phi \geq q_r, \quad (3)$$

where q_Φ — specific pressure on the surface of the chamfer, q_r — minimum pressure for sealing the inner cavity.

Blank material (austenitic steel 12H18AG18SH) under strain can be presented as an incompressible medium with a linear strain hardening.

The rheological properties of this medium are described by the equation:

$$T = \tau_T = \tau_T^0 + A\Lambda, \quad (4)$$

where T — the intensity of the shear stress; τ_T^0 — initial yield strength of the material in shear; A — linear hardening parameter.

In the formula (4), subject to large plastic deformations to describe the effect of hardening essential plays forming the total velocity of a particle M in the deformation process.

It is a measure of the value of the degree of deformation of the shift:

$$\Lambda(M, t) = \int_0^t H(M, \tau) d\tau, \quad (5)$$

where H — the intensity of the shear strain rate. The integration is performed along the entire trajectory of a particle M from its initial position ($\tau = 0$) to the current ($\tau = t$).

Using the theory of deformations of the integral (5) can be replaced by an equivalent amount in the final form:

$$\Lambda = \sum H \Delta t = \sum \Gamma, \quad (6)$$

where the sum is taken on the steps in the deformation (time), when the intensity of shear strain Γ at each step plays the role of the increment of the total accumulated strain Λ in this step.

Hardening coefficient A , in the expression (4), calculated from the results of the experimentally obtained dependences of the yield shear τ_T the degree of shear deformation Λ and the initial value of the yield stress in shear τ_T^0 (fig. 6) of the material ring blanks.

The coefficient of hardening described by the expression:

$$A = 3,34 \tau_T^0 - 18,3. \quad (7)$$

Then the rheological equation takes the final form of the environment (4):

$$\tau_T = \tau_T^0 + (3,34 \tau_T^0 - 18,3) \Lambda. \quad (8)$$

Small movements of the points of the blank during the time interval Δt at each step describe by the expression:

$$U_r \approx V_r \cdot \Delta t, \quad U_z \approx V_z \cdot \Delta t. \quad (9)$$

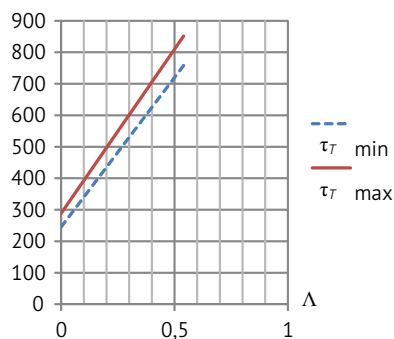

Fig. 6. The rheological properties of the ring blanks material

The geometry of the ring blank at the end of each time step can be scaled by the ratio of Euler – Lagrange:

$$\begin{aligned} r^* &= r + V_r \cdot \Delta t, \\ z^* &= z + V_z \cdot \Delta t. \end{aligned} \quad (10)$$

Where r, z, r^*, z^* — points coordinates at each time step t и $t^* = t + \Delta t$.

Field of the speeds of movement $V_r(r, z); V_z(r, z)$ at each time must meet the incompressibility condition that at axisymmetrical deformation has the form:

$$\frac{\partial V_r}{\partial r} + \frac{V_r}{r} + \frac{\partial V_z}{\partial z} = 0 \quad (11)$$

and the boundary condition (2) on the surface of the bevel. When on the chamfer surface of the blank must be performed force condition (3).

We define a suitable function for moving speed $V_r(r, z)$ as follows:

$$V_r(r, z) = F(r) \left[1 + \gamma \left(1 - \frac{z^2}{g^2(r)} \right) \right]. \quad (12)$$

Substituting (10) into the condition of incompressibility and using the boundary condition $V_z|_{z=0} = 0$, we obtain:

$$\begin{aligned} V_z(r, z) &= - \left(F'(r) + \frac{1}{r} F(r) \right) z \times \\ &\times \left[1 + \gamma \left(1 - \frac{z^2}{3 g^2(r)} \right) \right] - \\ &- \frac{2}{3} \gamma \cdot F(r) g'(r) \frac{z^3}{g^3(r)}. \end{aligned} \quad (13)$$

Undefined function $F(r)$, appearing in (12) and (13) we find the nonabandonment condition of the chamfer surface the surface of the cone.

For this purpose, substitute the expression (12) and (13) into equation (2), and obtain the differential equation for the function $F(r)$:

$$\frac{dF(r)}{dr} + P(r)F(r) = G(r), \quad (14)$$

where

$$\begin{aligned} P(r) &= \frac{1}{r} + \frac{1}{g(r)} \operatorname{ctg} \frac{\alpha}{2}, \\ G(r) &= \frac{3}{2} \frac{V_T}{(3 + 2\gamma)} \cdot \frac{1}{g}. \end{aligned}$$

Solving linear inhomogeneous differential equation (13) with variable coefficients by the Cauchy, we obtain:

$$\begin{aligned} F(r) &= \frac{V_T}{2} \cdot \frac{1}{r \cdot g(r)} \times \\ &\times \left[C p \cdot g(r) + \frac{3}{2(3 + 2\gamma)} (r^2 - p^2) \right]. \end{aligned} \quad (15)$$

In (13)–(15) C and γ variable parameters that have a specific geometric meaning. Parameter C is the relative velocity distribution of the blank at the inner surface of the blank in coordinates $r = \rho, z = h$ (inner edge of the chamfers), and the parameter γ characterizes the rate of distortion of the workpiece: if $\gamma > 0$ is formed «barrel», with $\gamma < 0$ The image of «corset» and when $\gamma = 0$ the inner boundary of the blank remains straight in height. The function $g(r)$ describes the contact surface of the cone (1).

Equations (12)–(15) describe forming a blank by action of a cone and an inner high pressure.

Forming of the blank when exposed to high pressure only in the interior of the blank is described by the expression for the displacement:

$$\begin{aligned} V_r(r, z) &= \alpha + \frac{\beta}{r} \left(1 - \frac{Z^2}{h^2} \right), \\ V_z(r, z) &= - \frac{\alpha}{r} z, \end{aligned} \quad (16)$$

Where α — the relative velocity distribution of the blank; β characterizes the rate of distortion of the blank.

Between the parameters C and γ and the parameters α and β there is a link, which is determined from the condition:

$$\frac{dW}{dt} = Q, \quad (17)$$

where W — volume of the blank inner cavity filled with ultra-high pressure liquid; Q — ultra-high pressure liquid flow.

The components of the strain rate tensor ξ_{rr} , $\xi_{\varphi\varphi}$, ξ_{zz} , ξ_{rz} are given by:

$$\begin{aligned} \xi_{rr} &= \frac{\partial V_r}{\partial r}, \quad \xi_{\varphi\varphi} = \frac{V_r}{r}, \\ \xi_{rz} &= \frac{1}{2} \left(\frac{\partial V_r}{\partial z} + \frac{\partial V_z}{\partial r} \right), \\ \xi_{zz} &= -(\xi_{rr} + \xi_{\varphi\varphi}). \end{aligned} \quad (18)$$

The intensity of the shear strain rate is determined by the expression of H (with incompressible material):

$$H = 2\sqrt{\xi_{rr}^2 + \xi_{rr} \cdot \xi_{\varphi\varphi} + \xi_{\varphi\varphi}^2 + \xi_{rz}^2}. \quad (19)$$

Varied parameters C , γ , α , β are to be determined by solving the variation problem. For this purpose, the power balance equation is made. Power of external forces, determined by internal pressure q and the pressure on the surface of chamfers q_Φ equal to the power of resistance forces and the power of the forces of friction on the surface of the chamfers S_Φ . Friction forces on the surface of chamfers S_Φ can be neglected, because cone surface is lubricated with a mixture of molybdenum disulfide and glue BF-2 and the friction coefficient is very small.

Specific power developed by the forces of resistance to deformation is of the form:

$$W_{\Omega_3} = T \cdot H = (\tau_T^0 + A\Lambda) \cdot H, \quad (20)$$

where W_{Ω_3} — blank volume; T , H — the intensity of the shear stress and shear strain rate; τ_T^0 — initial yield strength in shear; Λ — degree of shear; A — parameter linear hardening material.

The specific power of internal fluid pressure forces on the wall of the preform has the form:

$$W_q = q \cdot V_r|_{r=p}. \quad (21)$$

The specific power developed by the force of pressure on the surface chamfer can be written as:

$$W_{q_\Phi} = q_\Phi \cdot V_n. \quad (22)$$

Full power is determined by integration of the various forces on the blank volume and the corresponding surfaces in the form:

$$\begin{aligned} N_\Omega &= \int_{\Omega_3} TH d\Omega_3, \\ N_q &= \int_{S_q} q \cdot V_r|_{r=p} dS_q, \\ N_\Phi &= \int_{S_\Phi} q_\Phi \cdot V_n dS_\Phi. \end{aligned} \quad (23)$$

The volume integral is denoted by J and is represented as:

$$2\pi J = 2\pi(J_1 + J_2 + J_3 + J_4), \quad (24)$$

where

$$\begin{aligned} J_1 &= \int_0^{H-h_b} \int_\rho^R H \cdot r dr dz, \\ J_2 &= \int_{H-h_b}^{H-l_z} \int_\rho^{R_b} H \cdot r dr dz, \\ J_3 &= \int_\rho^{\rho_1} \int_{H-l_z}^{g(r)} H \cdot r dz dr, \\ J_4 &= \int_{H-l_z}^H \int_{\rho_1}^{R_b} H \cdot r dr dz. \end{aligned} \quad (25)$$

The power balance equation (without friction) can be written as:

$$N_\Omega = N_q + N_\Phi. \quad (26)$$

To determine the variable parameters C and γ , α and β the principle of minimum total capacity of the external forces, according to which the parameters C and γ , α and β minimizes the function:

$$N_\Phi = N_{\Omega_3} - N_q, \quad (27)$$

determined from the equation:

$$N(C, \gamma) = \min_{C, \gamma}; \quad N(C, \beta) = \min_{C, \beta}. \quad (28)$$

To the variation equation should be added a condition $N_{\Phi} > 0$,

$$N_{\Omega_3} - N_q > 0. \quad (29)$$

Implementation of the variation inequality provides a guarantee of being in the process, when at any time provided the positive clamp the blank to the cones.

$N(C, \gamma)$ and $N(\alpha, \beta)$ functional minimizing is carried out by methods of nonlinear programming.

The simulation results

The proposed algorithm is implemented as a software package written in Matlab. The model allows to describe the forming of the blank for different combinations of distorting influences (extreme pressure and movement of the cones).

Numerical implementation of the algorithm is carried out on the blank of steel 12H18AG18SH at normal temperature.

Calculation of the retaining ring forming in the hydraulic stretching process is illustrated by the example of the blank with the initial size [4]:

- H_0 — height — 668 mm;
- D_0 — outer diameter — 977 mm;
- d_0 — inner diameter — 826 mm;
- D_b — edge band diameter — 992 mm;
- h_b — edge band height — 80 mm;
- α — cone angle — 70° .

The values of the parameters determining the mechanical properties:

$$\tau_T^0 = 35 \frac{\text{kgf}}{\text{mm}^2} = 343 \text{ MPa};$$

$$A = 3,34\tau_T^0 - 18,3 \text{ MPa}.$$

As an example, the simulation results of three typical situations forming a blank by hydraulic stretching process:

- get «corset» of the original cylindrical blank by only cones influence (fig. 7);
- get «barrel» of the original cylindrical blank by only ultra-high pressure

- liquid, and the cones only seals the inner cavity of the blank (fig. 8);
- blank deformation without distortion (fig. 9).

Fig. 7–9 in the symmetry of the blank shows only a quarter blank.

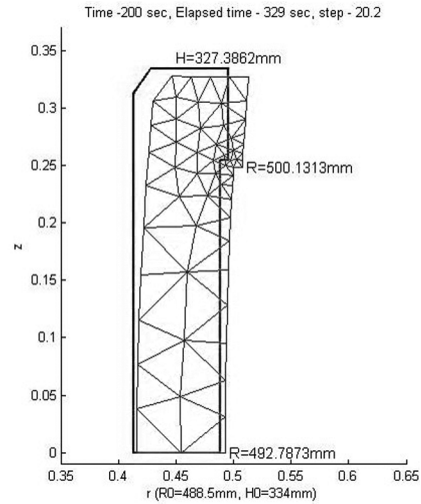

Fig. 7. «Corset» blank distortion

The simulation results suggest that the mathematical model correctly describes the patterns of behavior of the retaining ring blank during the process of hydraulic stretching.

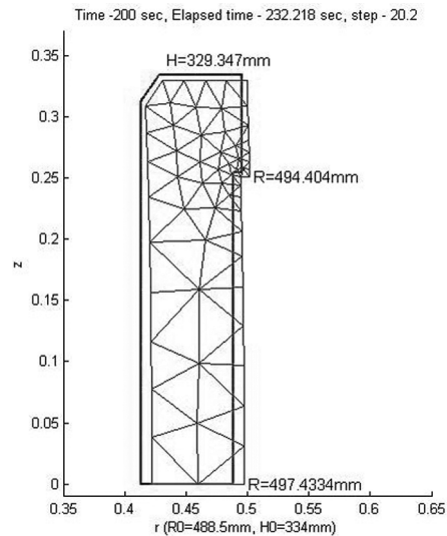

Fig. 8. «Barrel» blank distortion

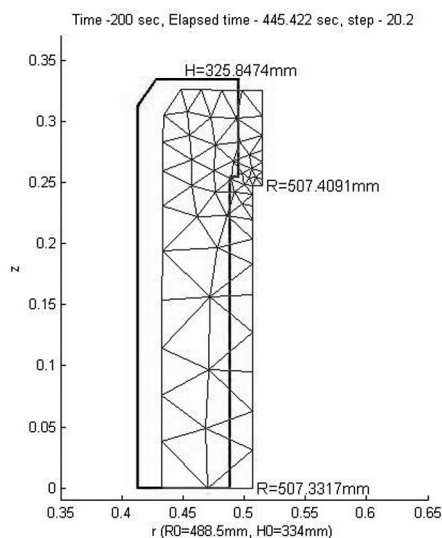

Fig. 9. Blank deformation without distortion

Effect of initial mechanical properties preforms τ_r^0 the magnitude and distribution of the degree of shear deformation of the deformable volume Λ the blank while exposed to a ultra-high pressure liquid and cones shown in fig. 10.

Fig. 10 shows the distribution of the field Λ in blank volume, for which the yield stress in shear is $\tau_r^0 = 205$ MPa and $\tau_r^0 = 300$ MPa, which corresponds to the minimum and maximum values τ_r^0 for a given grade of steel.

From these data suggest that in both cases there is a nonuniform distribution Λ in blank volume. Furthermore, the data show that yield strength in shear τ_r^0 has almost no effect on the magnitude and distribution of the degree of shear strain Λ .

Control system concept

The task of automating the hydraulic stretching process of large retaining rings, despite the long history of attempts to implement it, is relevant and requires the use of modern control methods and equipment.

The main control on the process of hydraulic stretching are the speed of the walking beam (with a cone attached to it) and the amount of ultra-high pressure inside the retaining ring blank.

In the process of hydraulic stretching may cause distortion of the blank. If the average diameter of the section of the blank is more than the diameter of the blank edge, then the distortion of the «barrel», otherwise, — distortion of the «corset».

Leakage in the inner cavity of the blank is hazardous to personnel and equipment and the event is after the liquid from the interior of the blank as a consequence of insufficient force applied to the cones.

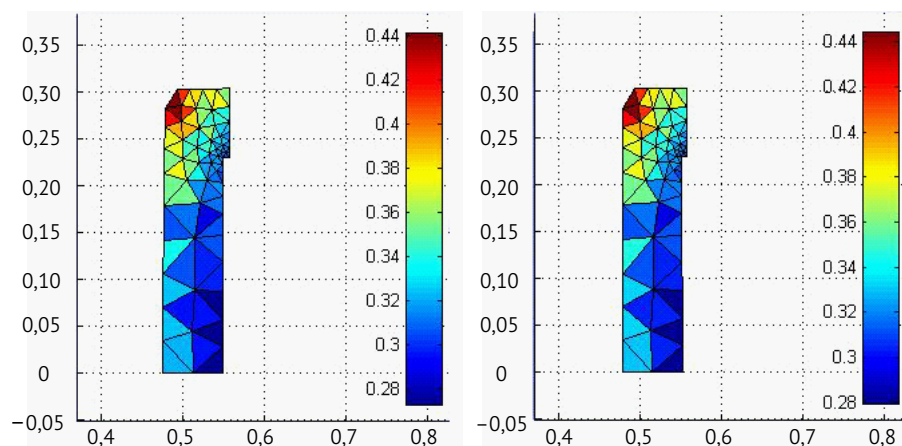

Fig. 10. Distribution of the field Λ in blank volume
a — $\tau_r^0 = 205$ MPa; b — $\tau_r^0 = 300$ MPa

The main aim of the control process is to provide the desired degree of strengthening of the retaining ring blank while maintaining the ring blank and ensure optimal technological parameters of hydraulic stretching process.

The concept of the created system is an integrated multi-mode and multi-channel automation technological process (TP) of large retaining rings hydraulic stretching process on vertical hydraulic press with a force of 300 MN, the main feature of which is the transfer of the control functions from a skilled operator to automatics and operation of the system in terms of TP parametric uncertainties.

The concept of process control system is to develop a multi-parameter multi-mode hardware-software complex for hydraulic stretching process control based on the experience of the hydraulic stretching TP operator.

The main purpose of the automated process control system of hydraulic stretching is to provide the desired degree of strengthening and form of a ring blank.

The process of hydraulic stretching is carried out by a continuous supply of high-pressure fluid in the main cylinder and ultra-high pressure liquid into the inner cavity of the retaining ring.

The criterion for stopping the process is reaching the outer diameter of the ring blank to required value.

The only parameter that determines the total permissible error of the control system is a distortion on the outside diameter of the blank height of the ring, which should have the following values after the process: for rings with diameters up to 1500 mm — ± 3 mm, and for rings with a diameter of 1,500 mm — ± 5 mm.

The process has the complex cones speed regulating law, the dependence on the initial size and the mechanical properties of the blank, the uncertainty and volatility of the main technological parameters, which leads to the impossibility of using classical methods

of control theory. In addition, the material equipment process also needs to be modernized.

Measurement system automatization

The first automating step is to design of a non-contact measuring system of the blanks diameters in its various sections of the blank height and the main process parameters measuring.

The measurement system is designed to control the geometry and shape of the retaining rings during hydraulic stretching process on the 300 MN force press. The measurement system is based on laser rangefinders Dimetix FLS-C10, that are the part of mechatronics modules that provide a measure of the distance of the blank and moving vertically in order to configure the system.

As a diameter measuring method was chosen differential measurement method using on laser rangefinders. Fig. 11 is a diagram of the measurement method [5].

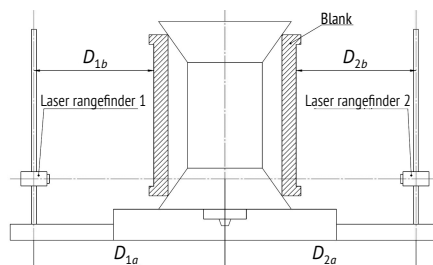

Fig. 11. Diagram of the measurement method

The diameter of the blank is calculated as follows:

$$D = (D_{1a} + D_{2a}) - (D_{1b} + D_{2b}),$$

where the sizes D_{1a} and D_{2a} receive during calibration, D_{1b} and D_{2b} during the immediate operation of the system. This method allows to move the blank in a horizontal direction with complete accuracy, but to ensure efficiency requires calibration of the measurement before start.

To ensure the efficiency of measurement of the diameter and shape of the ring blank should be used from one to three pairs of laser rangefinders, also included in the one to three mechatronics module mounted on two racks and having the possibility of independent vertical movement. As a measuring device, a laser rangefinder Dimetix FLS-C10 is used, which has the following characteristics: measurement distance from 0,05 to 500 m; control interface (RS232 and RS422); up to 10 devices can be connected to the wire of RS422 interface; wide range of power supply (9–30 V AC); 1 analog output (0/4–20 mA); 2 digital outputs (*D01* and *D02*); error digital output; 4 device status LEDs; laser class II (< 0,95 mW).

Control system

The second step of the automation process is to design automated process control system based on fuzzy logic methods. The fuzzy controller is composed of a set of conditional operators and linguistic rules that specify control operations that based on experience of hydraulic stretching process operator. A block diagram of a fuzzy controller for controlling the crosshead press speed V_T and the ultra-high pressure value q is shown on fig. 12.

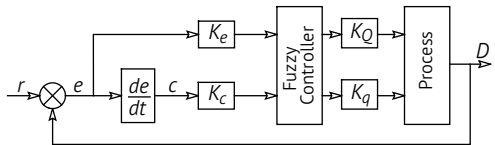

Fig. 12. A block diagram of a fuzzy controller

Triangular and trapezoidal membership functions were chosen (fig. 13). Fuzzy input variables (distortion and distortion speed of ring blank form) are within $-3 — 3$ and $0,5 — -0,5$, respectively. The output fuzzy variables (flow of high and ultra-high pressure fluid) are within $75–200$ l/min and $2,5–1$ l/min, respectively. The main element of the fuzzy control system is a block containing fuzzy rules, which define the specific control situation (table 1). The output variable of the fuzzy matrix is presented in the form of a fraction, the numerator of which — to change the high pressure

fluid flow Q , and the denominator — the change in ultra-high pressure fluid flow q . The Mamdani algorithm was selected.

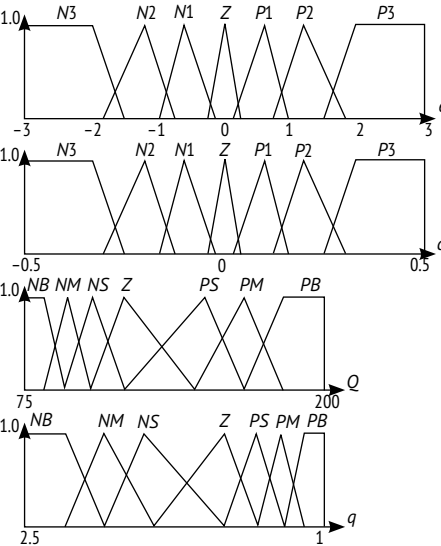

Fig. 13. Membership functions for fuzzy variables
 e and c – input variables;
 Q and q – output variables

Control system simulation results

The proposed algorithm of the control system on the basis of fuzzy logic is implemented as a software package written in Matlab. The system allows to control the process in an automatic mode with a simultaneous change both control actions forming a ring blank (ultra high pressure values in the inner cavity of the blank and the movement speed of the press cones).

Numerical implementation of the algorithm of the control system conducted on the blank of steel 12H18AG18SH at normal temperature.

Calculation of the retaining ring forming in the hydraulic stretching process is illustrated by the example of the blank with the initial size and based on signal from designed control system [6]: H_0 — height — 668 mm;

- D_0 — outer diameter — 977 mm;
- d_0 — inner diameter — 826 mm;
- D_b — edge band diameter — 992 mm;

Table 1

Fuzzy rules

Distortion speed, c	Distortion, e							
		$N3$	$N2$	$N1$	Z	$P1$	$P2$	$P3$
	$P3$		$\frac{PM}{NM}$	$\frac{PS}{NS}$	$\frac{PM}{Z}$	$\frac{PM}{NS}$	$\frac{PB}{NM}$	$\frac{PB}{NB}$
	$P2$	$\frac{PS}{NM}$	$\frac{PS}{NS}$	$\frac{PS}{Z}$	$\frac{PS}{Z}$	$\frac{PM}{Z}$	$\frac{PM}{NS}$	$\frac{PB}{NM}$
	$P1$	$\frac{Z}{Z}$	$\frac{Z}{Z}$	$\frac{Z}{Z}$	$\frac{Z}{Z}$	$\frac{PS}{Z}$	$\frac{PM}{Z}$	$\frac{PM}{NS}$
	Z	$\frac{NM}{PM}$	$\frac{NS}{PM}$	$\frac{Z}{PS}$	$\frac{Z}{Z}$	$\frac{Z}{Z}$	$\frac{PS}{Z}$	$\frac{PM}{Z}$
	$N1$	$\frac{NM}{PM}$	$\frac{NS}{PM}$	$\frac{NS}{PM}$	$\frac{Z}{PS}$	$\frac{Z}{PS}$	$\frac{Z}{PM}$	
	$N2$	$\frac{NB}{PM}$	$\frac{NM}{PM}$	$\frac{NS}{PM}$	$\frac{NS}{PM}$	$\frac{Z}{PM}$		
	$N3$	$\frac{NB}{PB}$	$\frac{NB}{PM}$	$\frac{NM}{PM}$	$\frac{NM}{PM}$			

h_b — edge band height — 80 mm;
 α — cone angle — 70°.

The values of the parameters determining the mechanical properties:

$$\tau_T^0 = 35 \frac{kgf}{mm^2} = 343 \text{ MPa};$$

$$A = 3,34\tau_T^0 - 18,3 \text{ MPa}.$$

As an example, the simulation results of control system operating in three typical situations forming a blank by hydraulic stretching process: correction of ring blank distortion of the «barrel» and bringing its value to the margins (fig. 14).

Correction of ring blank distortion of the «corset» and bringing its value to the margins (fig. 15); simulation of the complete cycle of process in the automatic mode control system (fig. 16).

Simulation results of the control system suggest that the developed control system on the basis of fuzzy logic functions within the framework of technological modes of TP, exercising control forming a ring blank, changing both the technological parameters of TP (the internal ultra-high pressure and speed of the cones) in the compliance with the rules about TP.

Fig. 14 and 15 shows the simulation results of the two main modes of control system: correcting distortion of the ring blank of the «barrel» type (Fig. 14) and distortion correction of the «corset» type (fig. 15).

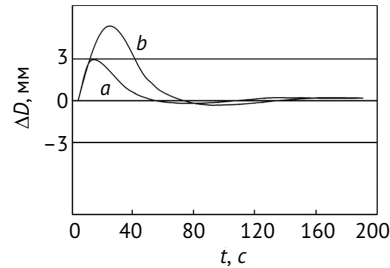

Fig. 14. Correction of ring blank distortion of the «barrel»
 ΔD — distortion; t — simulation time

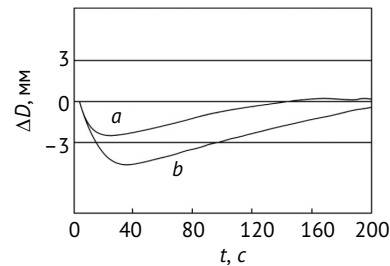

Fig. 15. Correction of ring blank distortion of the «corset»
 ΔD — distortion; t — simulation time

From fig. 14 and 15 it's seen that the process of correcting the distortion of the «barrel» is faster than of the «cor-set», which is completely untrue and is a feature of TP caused by the need to maintain the tightness of the inner cavity of the blank.

Fig. 16 shows the simulation of the complete cycle of the control system. According to simulation results at the end of TP achieved the desired degree of deformation of the ring blank with its distortion of being in an acceptable range ± 3 mm, which meets the technological requirements of production retaining rings. During the simulation also identified the main technological features of TP. As with previous results confirmed different flow rate of TP on its different stages and modes.

Conclusion

Automating the hydraulic stretching process is an important task that requires modern methods of control and

industrial automation equipment. Also, this process is strategic for Russia that allows to provide energy independence and security. The proposed approach to automate the process can be applied to a production implementation.

Thus, to confirm that the developed control system, built on the principles of situational control and the method of fuzzy logic, a hydraulic press 300 MN in manual mode we used the results of simulation of the system in terms of a variety of situations state of the process, as well as the simulation of the complete process cycle.

It is shown that the developed control system adequately controls the in different production situations, adjusting the two control parameters, and provides the required management objectives to maintain distortion of blank within the permissible limits of technology (± 3 mm and ± 5 mm for blanks of different sizes) and the achievement of the set raising reinforcement ring blank 50–60%. ■

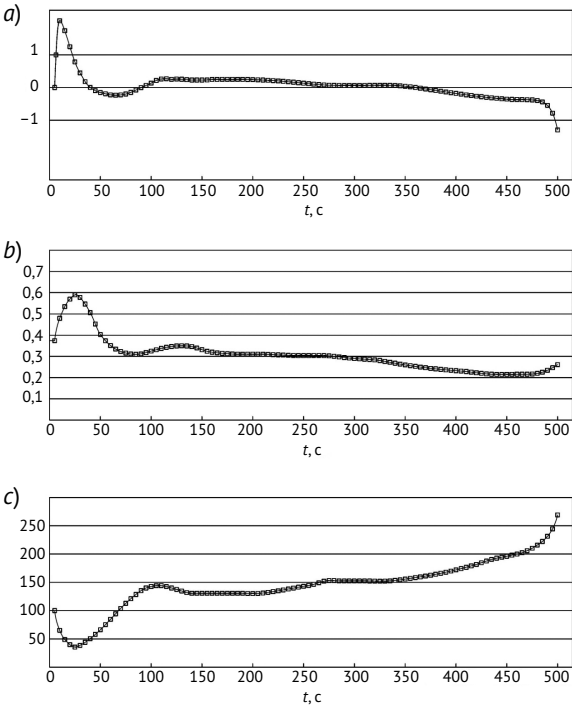

Fig. 16. Hydraulic stretching control process operating
 ΔD – distortion; V_T – speed of the press cones;
 q – ultra-high pressure value in inner cavity of the blank; t – simulation time

Литература

1. Готлиб Б. М., Вакалюк А. А. Производство бандажных колец мощных турбогенераторов: технология и управление // *Фундаментальные исследования*, 2011. № 12 (ч. 1). С. 96–101.
2. Готлиб Б. М., Добычин И. А., Готлиб М. Б. Автоматизированные кузнечнопрессовые комплексы (опыт создания и эксплуатации). Екатеринбург : УрГУПС, 1998. — 647 с.
3. Gotlib B., Tarasyan V., Vakalyuk A. Application of the hybrid controller for isothermal extrusion process control // *Acta Mechanica et Automatica*. Vol.2, № 4 (6) / Bialystok technical University, 2008. — Pp. 16–18.
4. Готлиб Б. М., Вакалюк А. А. Математическая модель процесса гидрорастяжения кольцевых заготовок большого диаметра // *Краевые задачи и математическое моделирование : тематич. сб. науч. ст.* Новокузнецк : КемГУ, 2010. Т. 1. С. 68–74.
5. Готлиб Б. М. Проектирование мехатронных систем. Ч.1. Информационное обеспечение процесса проектирования мехатронных систем : курс лекций для студентов специальности «мехатроника». — Екатеринбург : УрГУПС, 2007. — 115 с.
6. Готлиб Б. М., Вакалюк А. А. Нечеткое регулирование процесса гидрорастяжения бандажных колец большого диаметра на гидравлическом прессе усилием 300 МН // *Вестник УГАТУ*, 2012. Т. 16, № 2 (48). С. 70–75.

References

1. Готлиб Б. М., Вакалюк А. А. Производство бандажных колец мощных турбогенераторов: технология и управление // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 12 (ч. 1). С. 96–101. Gotlib B. M., Vakalyuk A. A. Proizvodstvo bandazhnykh kolets moshchnykh turbogeneratorov: tekhnologiya i upravlenie [Retaining ring manufacturing for high-power turbogenerators: technology and control] // *Fundamentalnye issledovaniya*. 2011. № 12 (ch. 1). P. 96–101.
2. Готлиб Б. М., Добычин И. А., Готлиб М. Б. Автоматизированные кузнечно-прессовые комплексы (опыт создания и эксплуатации). Екатеринбург : УрГУПС, 1998. — 647 с. Gotlib B. M., Dobychin I. A., Gotlib M. B. Avtomatizirovannye kuznechnopressovye komplekсы (opyt sozdaniya i ekspluatatsii). [Automated forge-and-press complexes (experience of design and operation)] Ekaterinburg : UrGUPS, 1998. — 647 p.
3. Gotlib B., Tarasyan V., Vakalyuk A. Application of the hybrid controller for isothermal extrusion process control // *Acta Mechanica et Automatica*. Vol.2, #4 (6). Bialystok technical University, 2008. — Pp 16–18.
4. Готлиб Б. М., Вакалюк А. А. Математическая модель процесса гидрорастяжения кольцевых заготовок большого диаметра // *Краевые задачи и математическое моделирование : тематич. сб. науч. ст.* Новокузнецк : КемГУ, 2010. Т. 1. С. 68–74. Gotlib B. M., Vakalyuk A. A. Matematicheskaya model protsessа gidrorastyazheniya koltsevykh zagotovok bolshogo diametra [Mathematical model of big diameter retaining ring hydrostretching process] // *Kraevye zadachi i matematicheskoe modelirovanie : tematich. sb. nauch. st.* Novokuznesk : KemGU, 2010. Т. 1. P. 68–74.
5. Готлиб Б. М. Проектирование мехатронных систем. Ч.1. Информационное обеспечение процесса проектирования мехатронных систем : курс лекций для студентов специальности «Мехатроника». — Екатеринбург : УрГУПС, 2007. — 115 с. Gotlib B. M. Proektirovanie mekhatronnykh sistem. Ch.1. Informatsionnoe obespechenie protsessа proektirovaniya mekhatronnykh sistem : kurs lektсий dlya studentov spetsialnosti «Mekhatronika». [Mechatronics systems design. Ch.1. Dataware of mechatronics systems design process : course of lectures for Mechatronics specialty students] — Ekaterinburg : UrGUPS, 2007. — 115 p.
6. Готлиб Б. М., Вакалюк А. А. Нечеткое регулирование процесса гидрорастяжения бандажных колец большого диаметра на гидравлическом прессе усилием 300 МН // *Вестник УГАТУ : науч. журн. Уфимск. гос. авиац. техн. ун-та*. 2012. Т. 16, № 2 (48). С. 70–75. Gotlib B. M., Vakalyuk A. A. Nechetkoe regulirovanie protsessа gidrorastyazheniya bandazhnykh kolets bolshogo diametra na gidravlicheskom presse usiliem 300 MN. [Fuzzy control of big diameter retaining rings hydrostretching process on 300 MN force hydraulic press] // *Vestnik UGATU : nauch. zhurn. Ufmsk. gos. aviats. tekhn. un-ta*. 2012. Т. 16, № 2 (48). P. 70–75.

Статья сдана в редакцию 24 сентября 2013 года

УДК 05.22.08

А. Э. Александров, А. В. Шипулин

Автоматизация построения прогнозного графика движения поездов

UDC 05.22.08

A. E. Aleksandrov, A. V. Shipulin

Automation of forecasting train scheduling

Аннотация

При реконструкции и развитии железнодорожных транспортных узлов возникают две важные взаимосвязанные задачи: моделирование движения поездов по примыкающим участкам и внутриузловым ходам и моделирование работы железнодорожных станций узла. Для решения второй задачи неоднократно и успешно использовалась имитационная система ИСТРА. Новым и перспективным направлением является разработка методики моделирования графика движения поездов при помощи этой системы.

В статье дано описание основ методики имитационного моделирования поездной работы железнодорожных участков. В имитационной модели учитываются различные способы регулирования движения поездов и управление. В результате выполняется построение технологически корректного графика движения с минимизацией задержек в операциях. Построенный график учитывает станционные и межпоездные интервалы, время хода для различных категорий поездов, схему путевого развития раздельных пунктов, приоритеты поездов, окна и предупреждения. Достоверность прогнозируемого ГДП оценена на основе сравнения с исполненным ГДП по результатам попадания моментов прибытия поездов в границы доверительного интервала. Примерно 85% экспериментов находились в этих пределах. Остальные эксперименты показали, что прогнозируемый ГДП эффективней, чем исполненный. Для определения эффективности результаты автоматизированного расчета сравнивались с наиболее распространенным на практике вариантом расчета, использующим среднее время хода поездов от точек их текущей дислокации. Точность предложенного автоматизированного расчета оказалась существенно выше. Методика может эффективно применяться при расчете моментов прибытия поездов на сортировочную станцию для системы прогноза поездобразования и при построении оптимизационных процедур, используемых при разработке нормативных и вариантных графиков движения поездов.

Ключевые слова: имитационная система, график движения поездов, межпоездной и станционный интервал, операции, взаимосвязь операций.

Summary

In reconstruction and development of railway transport junctions, there are two important interrelated tasks: modeling movement of trains on adjacent districts and intrasite sections and simulation of junction station operations. Simulation system ISTRA has been repeatedly and successfully used for the second task. A new and promising area is the development of train schedule modeling methods using this system.

The paper describes the basics of main simulation modeling methods of train operation at railway sections. Simulation model takes into account the different ways of regulation of movement of trains and control. As a result, technologically correct traffic schedule is developed, with minimum operational delays. The schedule takes into account station and inter-train intervals, travel times for various train categories, track development scheme of separate stations, train priorities, windows and warnings. Reliability of the forecast train schedule is evaluated by comparison with actual train schedule based on the percentage of train arrival times falling within the confidence interval. Approximately 85% of the experiments were within this range. The other experiments showed that the projected train schedule is more effective than the actual one. To determine the effectiveness, the results of automated calculation were compared with the most widely employed calculation type that uses the average train travel time from the points of their current deployment. The accuracy of this automated analysis was significantly higher. The method can be effectively used for predicting the time of arrival of trains at the marshalling yard for train formation forecasting system and for development of optimization procedures used in the development of regulatory and variant train schedules.

Keywords: simulation system, train schedule, inter-train and station interval, operations, relationship of operations.

Александр Эрнстович Александров, д-р техн. наук, профессор; кафедра «Управление эксплуатационной работой»; Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: AAlexandrov@uralmail.com.

Александр Валерьевич Шипулин, ассистент; кафедра «Управление эксплуатационной работой» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: Alexander@Shipulin.su.

Alexander Ernstovich Aleksandrov, DSc in Engineering, Professor, Operations Management Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: AAlexandrov@uralmail.com.

Alexander Vladimirovich Shipulin, Engineer, Operations Management Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: Alexander@Shipulin.su.

При реконструкции и развитии железнодорожных транспортных узлов возникают две важные взаимосвязанные задачи: моделирование движения поездов по прилегающим участкам и внутриузловым ходам и моделирование работы железнодорожных станций узла. Для решения второй задачи неоднократно и успешно использовалась имитационная система ИСТРА [1]. С помощью этой системы разработаны имитационные модели узловой станции Карымская, Демского железнодорожного узла в (Уфа), Осенцовского промышленного железнодорожного узла (Пермь), промышленной транспортной системы комбината «Ураласбест», промышленной транспортной системы Первоуральского новотрубного завода и других подобных сложных систем железнодорожного транспорта [2, 3].

Новым и перспективным направлением является разработка методики моделирования графика движения поездов при помощи системы ИСТРА [4–9].

Моделирование графика движения поездов в системе ИСТРА совместно с моделированием станций узла позволит построить единую узловую модель и в полной мере отобразить процессы взаимодействия. Однако вначале нужно разработать методику моделирования поездной работы железнодорожных участков.

Стратегическое направление инновационного развития ставит задачи создания и внедрения интеллектуальных систем управления перевозочным процессом на основе современных специализированных информационно-управляющих систем. На базе прогноза поездобразования можно разработать такую систему при условии, что точность, достоверность и горизонт прогноза будут увеличены. Достичь этого можно за счет использования прогнозируемого ГДП.

Уровень загрузки и напряженность труда поездного диспетчера

в настоящее время значительно возросли, поэтому необходимо существенно повысить уровень автоматизации работы поездного диспетчера. Автоматизация процесса построения исполненного ГДП и информационных функций в целом не позволяют перейти на новый качественный уровень. Ситуацию может изменить автоматизация таких интеллектуальных задач, как построение прогнозируемого ГДП.

Сегодня при решении задачи прогноза поездобразования диспетчеры станций и ДЦУП не могут воспользоваться результатами автоматизированного расчета прогнозируемого ГДП. Качественное текущее планирование работы сортировочной станции невозможно без достоверного прогноза подвода поездов. Такой прогноз может быть получен на основе автоматизированного построения прогнозируемого ГДП в АРМ ДНЦ.

Анализ методов и подходов к автоматизированному построению ГДП позволяет сделать вывод, что процесс построения графика содержит множество неформальных процедур, в которых используются частично формализованные знания. Для автоматизации таких процедур более всего подходит метод имитационного моделирования. Для этого и для решения задачи автоматизации построения прогнозируемого ГДП мы выбрали имитационную систему ИСТРА.

Техническая структура полигона прогнозирования (участка железной дороги) в имитационной системе ИСТРА представляется при помощи элементов. Каждый элемент отображает некоторое техническое устройство, элемент графика или группу устройств и элементов, занимаемых одновременно. Кроме того, элементы участвуют в описании процесса управления. Фрагмент структурной схемы из элементов имитационной системы ИСТРА представлен на рис. 1.

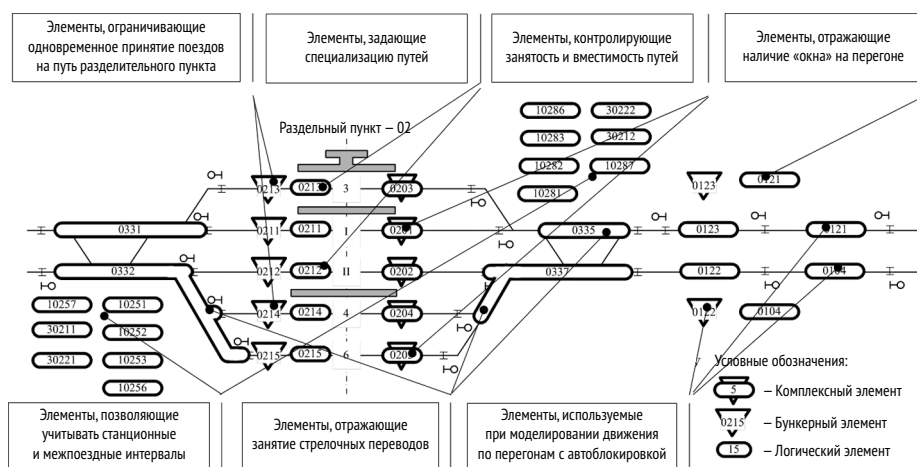

Рис. 1. Элементы имитационной системы ИСТРА

Функционирование имитационной системы ИСТРА реализуется за счет заложенных в ней базовых алгоритмов. Операции в имитационной модели представляют собой последовательность элементов с указанием параметров их использования; выполняются последовательно. Очередь регулируется временем и приоритетами.

Наше решение основано на использовании сочетания пар технологических операций графика движения; для построения графика в модели используются четыре типа модельных операций (рис. 2).

Моделирование движения поездов в имитационной системе различается для линий, оборудованных автоматической и полуавтоматической блокировкой. При этом перегоны могут быть однопутными или многопутными. Занятость элементов имитационной системы при движении поезда представлена на рис. 3.

В первом случае используется один элемент, относящийся к пути перегона, поэтому, когда он занят, другой поезд не может находиться на пути перегона. В условиях автоблокировки на перегоне может находиться несколько поездов, поэтому путь перегона представляется несколькими элементами. В данном

случае (рис. 3) на пути перегона не может одновременно находиться более трех поездов.

Моделирование интервалов выполняется с использованием специальных логических элементов модели, которые занимаются таким образом, что в других операциях при проверке доступности элемента могла бы возникнуть задержка вследствие невыполнения интервала. Регулируя атрибут операции «предельная задержка», можно выполнить перебор необходимых вариантов выполнения интервала. Перебор заключается в том, что при невыполнении операции, когда превышена предельная задержка, в очередь ставится другая операция, и так до тех пор, пока не будут выполнены интервалы и проверены все варианты или не кончится период расчета.

Выполнение и проверка интервалов сводится к нескольким задачам: определить количество специальных логических элементов; занять логический элемент в нужный момент на необходимое время; проверить в операции элемент в нужный момент времени.

Интервал скрещения представляет собой минимальное время от момента прибытия либо проследования раздельного пункта грузовым

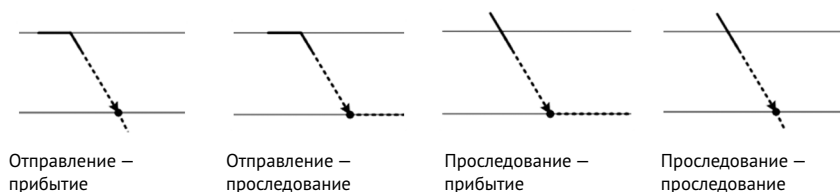

Рис. 2. Модельные операции

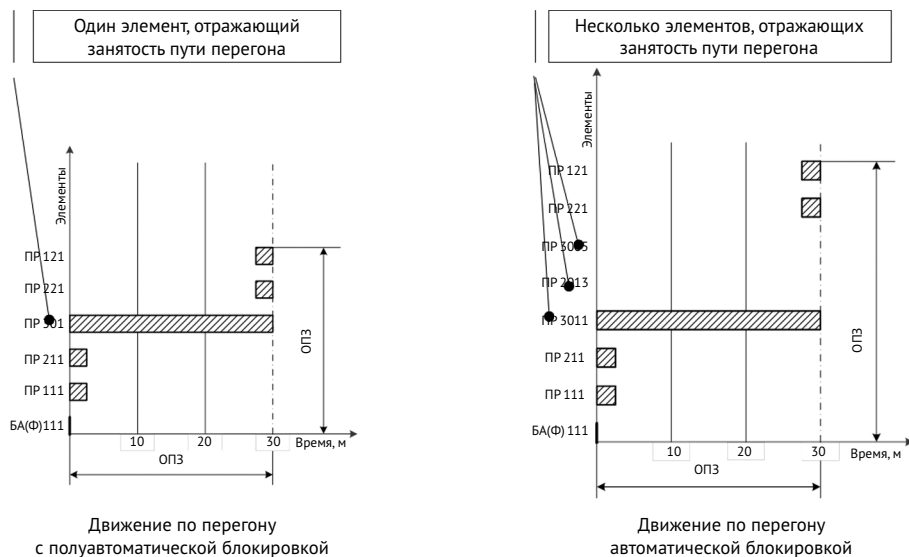

Рис. 3. Операции, имитирующие движение по пути перегона

или пассажирским поездом до момента отправления на тот же перегон встречного грузового или пассажирского поезда (рис. 4).

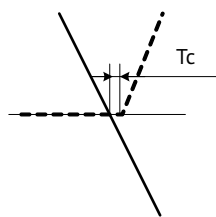

Рис. 4. Интервал скрещения поездов

Интервал скрещения поездов проверяется только для встречных поездов, следовательно, для каждого раздельного пункта должно быть как минимум два логических элемента. Один — на прибытие или про-

следование нечетного поезда и прибытие или проследование четного, а второй — для обратной ситуации. Проверка специального логического элемента, отведенного под интервал, выполняется в операциях, начинающихся с отправления. Занятие специального логического элемента на время выполнения интервала необходимо начинать в момент прибытия или проследования поезда. Поэтому вводится дополнительная операция; ей присваивается максимальный приоритет и глубина. Выполняется эта операция после прибытия или проследования поезда на раздельный пункт.

Пример записи в таблице взаимосвязей операций (ТВО):

ПРИ «Прием» ОП13 (ПР255)

Проверка интервала выполняется в операциях, начинающихся прибытием или проследованием до элементов, отражающих движение поезда. На рис. 5 представлены ситуации, при которых интервал выполняется. Операция ОП18 поступает в такое время, когда перегон занят ПР303 прибытием встречного поезда, в результате возникает задержка. После освобождения перегона возникает вторая задержка из-за ЛОГ523, то есть интервала, и только после нее выполняется отправление.

Интервал попутного следования на линиях, не оборудованных автоматической блокировкой, — минимальное время от момента прибытия на передидлежащий раздельный пункт (проследование через передидлежащий раздельный пункт) первого поезда до момента отправления с данного раздельного пункта (проследование через раздельный пункт) на освободившийся перегон второго поезда того же направления движения (рис. 6).

Интервал проверяется только для попутных поездов, поэтому для каж-

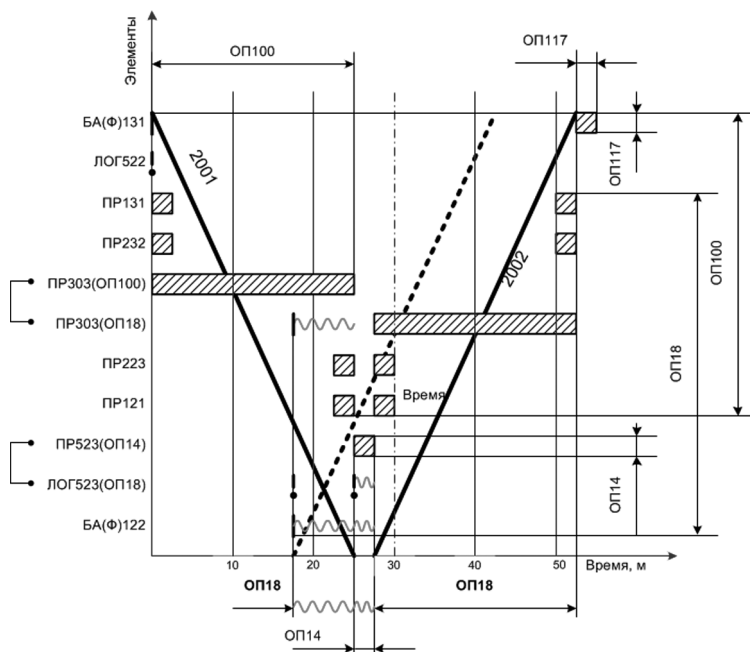

Рис. 5. Операции, учитывающие интервал скрещения поездов

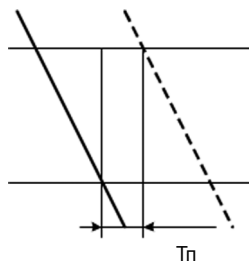

Рис. 6. Интервал попутного следования на линиях, не оборудованных автоматической блокировкой

дого перегона должно быть отведено два логических элемента. Один — на следование нечетного поезда, другой — для четного.

Занятие специального логического элемента на время выполнения интервала необходимо начинать в момент прибытия или проследования поезда. Поэтому вводится дополнительная операция и ей присваивается максимальный приоритет и глубина. Выполняется эта операция после прибытия или проследования поезда на раздельный пункт.

Пример записи в ТВО:

ПРИ «Прием» ОП100 (ПР255)

Проверка интервала выполняется во всех операциях проследования.

Операции, для которых учитывается интервал, представлены на рис. 7. При этом вторая операция ОП100 поступает в такое время, что интервал для нее не выполняется, в результате чего появляется задержка на элементе БА (Ф) 111.

Аналогично проработаны все станционные и межпоездные интервалы, для каждого составлен шаблон использования, обеспечивающий его выполнение.

Очередность пропуска поездов в имитационной модели регулируется с помощью приоритетов. Приоритеты операций бывают абсолютные, не зависящие от ситуации, либо относительные. В общем случае движение пассажирского поезда имеет приоритет выше движения грузового. Для каждого приоритета устанавливается глубина действия, которая отсчитывается от текущего модельного времени. Приоритет учитывается только в течение глубины действия. Наивысший приоритет и максимальную глубину имеют операции, отражающие занятость элементов станционных и межпоездных интервалов. Пример учета приоритетов движения поездов представлен на рис. 8. По времени операция отправления сборного поезда запланирована ранее проследования пассажирского.

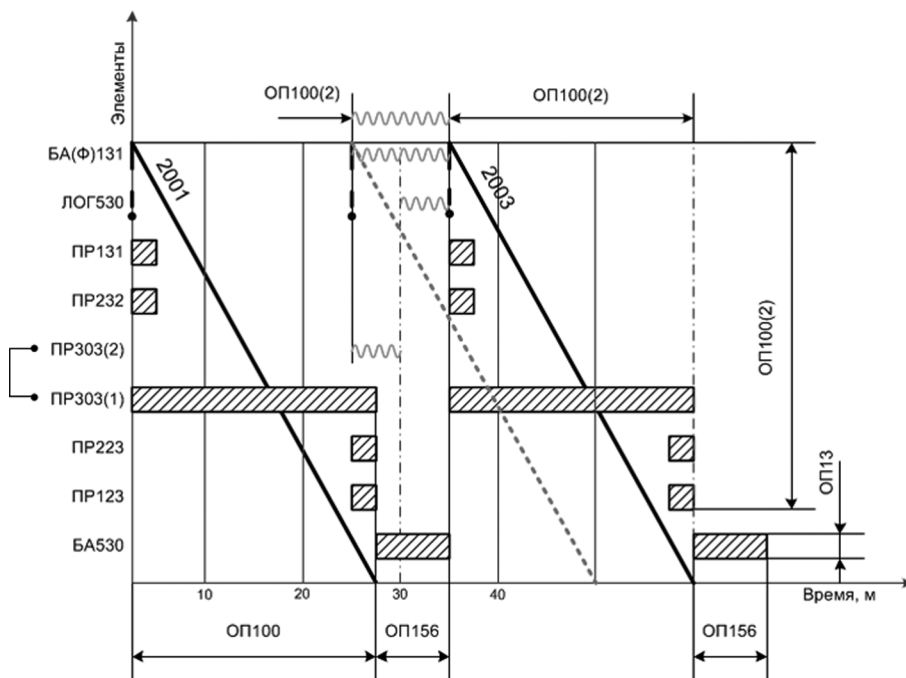

Рис. 7. Операции, учитывающие интервал попутного следования на линиях, не оборудованных автоматической блокировкой

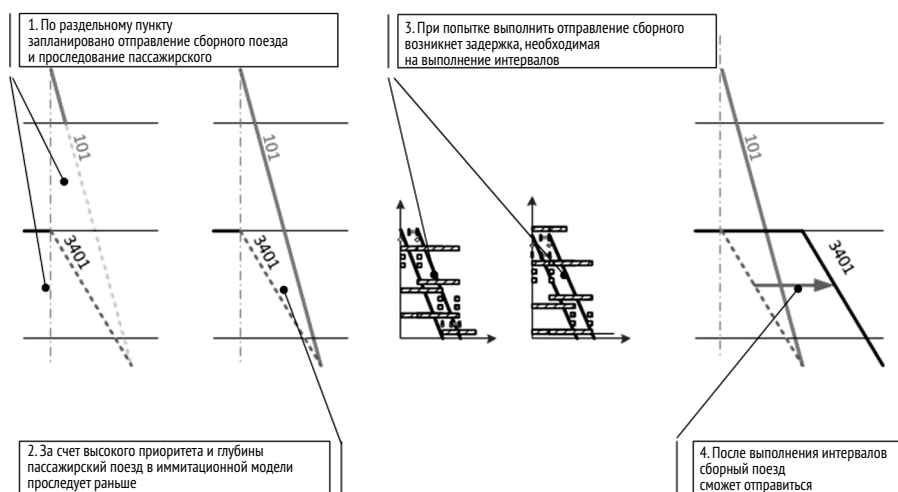

Рис. 8. Приоритеты поездов на примере отправления сборного и проследования пассажирского

За счет высокого приоритета пассажирского и заданной глубины приоритета имитационная система вначале выполнит операции с пассажирским поездом, а далее будет выполнена попытка опрвления сборного поезда.

Попытка отправления может быть отложена из-за невыполнения интервала попутного прибытия поездов, затем — из-за попутного отправления. В операции «отправление» формируется задержка, и только после этого она будет выполнена, то есть поезд будет отправлен.

В основе безостановочного пропуска поездов в имитационной модели лежит понятие «пробная операция проследования». Пробная операция идентична основной, ее выполнение происходит аналогично с той разницей, что занятие элементов не сохраняется. Такой подход позволяет проверить возможность выполнения одной или нескольких операций и на основе этой попытки выбрать нужную ветвь алгоритма пропуска поездов. Использование пробных операций позволяет реализовать логику принятия решения о выборе времени и раздельного пункта для совершения обгона или скрещения поезда.

Последовательность выполнения операций имитационной системы в условиях, когда пассажирский поезд отправлен вслед за грузовым, и имитационной системе предстоит решить, где и когда выполнить обгон, представлен на рис. 9.

За счет использования проверочных операций на шаге 6 будет получена задержка, в результате на шаге 7 операция «отправление — проследование» ОП5 будет заменена операцией «отправление — прибытие» ОП7. На следующем шаге при попытке выполнить проверочную операцию «отправление — проследование» ОП8 будет сформирована задержка. Таким образом, поезд № 2001 будет отправлен с задержкой после выполнения интервала попутного отправления на шаге 10.

Теоретическая модель имитационной системы ИСТРА включает достаточное количество элементов, алгоритмов формальных и неформальных процедур для отображения структуры ГДП и алгоритмов его построения. Универсальная структура абстрактной модели позволяет отобразить элементы ГДП: пути перегонов, станций, групп стрелочных переводов, «окна» и т.д.

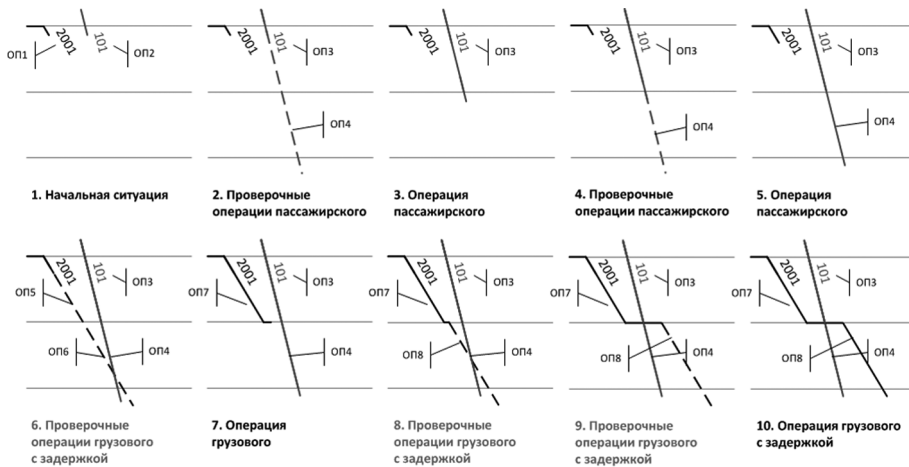

Рис. 9. Проверочные операции на примере пропуска пассажирского и грузового поездов

Наиболее важными с точки зрения автоматизированного построения ГДП являются алгоритмы имитации межпоездных, станционных интервалов и алгоритмы выбора очередности пропуска поездов. Разработан полный набор таких алгоритмов.

На точность и корректность графика влияют ограничение скорости, «окна», специализация, вместимость путей, условия пропуска опасных и негабаритных грузов и т.д.

Предложенная модель является открытой, что позволяет дополнять ее новыми необходимыми алгоритмами и ограничениями.

Разработаны методика и способ построения прогнозируемого ГДП. Для проверки исследован реальный взаимодействующий участок.

Разработаны последовательность и правила отображения элементов графика для данного участка с их конкретными характеристиками такими, как время хода поездов, станционные и межпоездные интервалы, условия пропуска поездов и др. в имитационной модели.

Разработаны способы отображения «окон» на путях перегонов и раздельных пунктов, ограничений скорости, вместимости и специализации

путей и других ограничений с учетом их конкретных характеристик в ГДП.

Расчет графика движения с использованием имитационной модели в системе ИСТРА сводится к заданию начальной ситуации. В ней определяется нахождение поездов на начало расчета, возможные «окна». Далее выполняется расчет, результаты транслируются в АРМ ДНЦ. Для расчета графика в новых условиях достаточно изменить начальную ситуацию. Пример расчета графика движения поездов с использованием имитационной модели в системе ИСТРА представлен на рис. 10.

Рациональность и технологическая корректность автоматически построенного ГДП на основе предложенной методики проверена и подтверждена множеством расчетов с использованием различных реальных исходных ситуаций. Проверка выполнялась на случайно выбранных шестичасовых интервалах из исполненного графика движения системы ГИД «Урал-ВНИИЖТ». При проведении экспериментов в имитационной модели задавалась начальная ситуация, соответствующая реальной поездной ситуации, складывающейся на начало выбранного интервала. Эксперименты проводились

таким образом, чтобы после построения графика движения с помощью имитационной системы результаты можно было сравнить с тем, как организовывал движение поездной диспетчер, и графиком, построенным подстановкой среднего времени хода.

Общая схема проведения экспериментов представлена на рис. 11.

Оценка результатов выполняется как с использованием аналитических методов (электронных таблиц Microsoft Excel, QlikView), так и в виде графика движения с наложением «ниток». Достоверность прибытия поездов оценивается с помощью среднеквадратического отклонения. Результаты по 80 расчетам приведены на рис. 12, где видно, что прогноз с помощью системы ИСТРА значительно точнее.

Анализ результатов показал, что можно выделить группу с точными прогнозами — это эксперименты, в которых результаты были близки к фактически исполненному графику, то есть бо́льшая часть поездов прибыла с отклонением в интервале от нуля до пяти минут.

Модель и методика, предложенные в статье, могут стать важной частью системы текущего планирования поездообразования и существенно повысить ее достоверность и эффективность. Дополнительный плюс при таком подходе — использование одной системы имитационного моделирования ИСТРА для построения моделей прогнозируемого графика и сортировочной станции. Это существенно облегчит организацию процесса взаимодействия моделей. ■

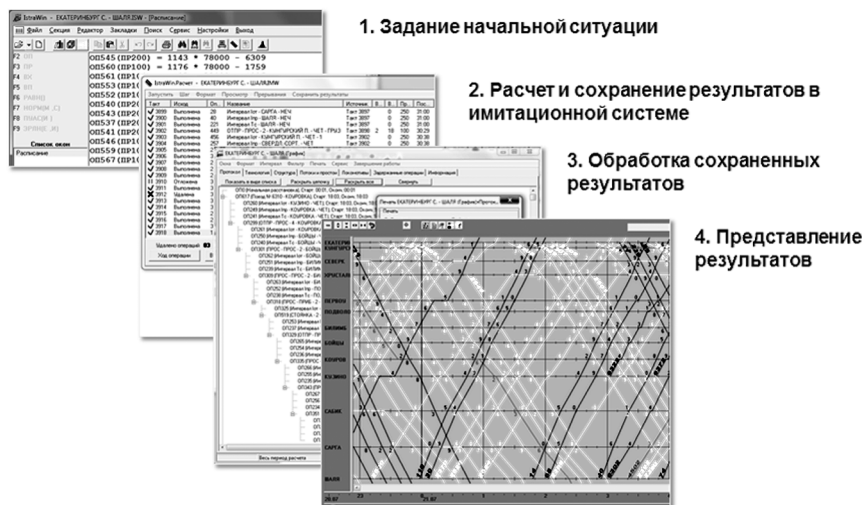

Рис. 10. Порядок расчет графика движения с использованием имитационной модели в системе ИСТРА

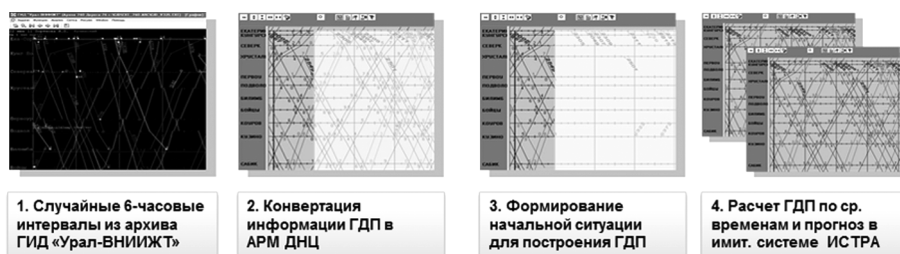

Рис. 11. Схема проведения экспериментов

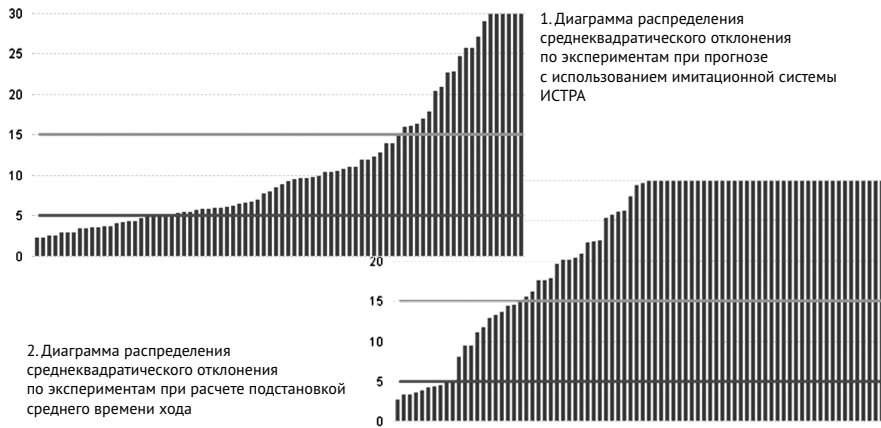

Рис. 12. Среднеквадратическое отклонение по 80 расчетам

Литература

1. Козлов П. А. Теоретические основы, организационные формы, методы оптимизации гибкой технологии транспортного обслуживания заводов черной металлургии : дис. ... на соиск. уч. ст. д-р техн. наук. М., 1987. 393 с.
2. Козлов П. А. Оценка инфраструктурных транспортных проектов методом моделирования / П. А. Козлов, А. Э. Александров // Транспорт Российской Федерации, 2006. № 5. С. 43–44.
3. Александров А. Э. Новиков П. А. Применение системы имитационного моделирования для расчета рациональной технической структуры и технологии промышленных транспортных систем // Вестник РГУПС, 2008. № 2. С. 31–37. ISSN 0201–727X.
4. Тишкин Е. М. Автоматизация разработки графика движения. М. : Транспорт, 1990. 423 с.
5. Державец Г. И. Разработка и применение алгоритмических и программных средств автоматизации составления графиков движения поездов для однопутных линий : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. техн. наук. М., 1984. 24 с.
6. Карась А. В. Создание и применение алгоритмических и программных средств для проектирования интенсивных технологий поездной работы двухпутных линий : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. техн. наук. М., 1990. 24 с.
7. Лизунов А. И. Диспетчерское планирование и регулирование движения поездов на двухпутных участках с применением прогнозных графиков : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. техн. наук. М., 1994. 26 с.
8. Типовые требования к регистрации, отображению, прогнозированию, учету и анализу движения поездов в автоматизированных системах диспетчерского контроля и управления на диспетчерских участках и в железнодорожных узлах / Г. М. Грошев, А. С. Башилов, В. В. Ипатов / Утв. МПС РФ 25.06.99 СПб : МПС РФ, 1999. 78 с.
9. Шипулин А. В. Использование имитационной системы ИСТРА для моделирования графика движения поездов / А. В. Шипулин, А. Э. Александров // Транспорт Урала, 2011. № 4. С. 67–72. ISSN 1815–9400.

References

1. Kozlov P. A. Teoreticheskie osnovy, organizatsionnye formy, metody optimizatsii gibkoy tekhnologii transportnogo obsluzhivaniya zavodov chernoy metallurgii : [Theoretical foundations, organizational forms, methods for optimizing flexible transport service procedure of ferrous metallurgy plants], DSc in Engineering Thesis, M., 1987. 393 p.
2. Kozlov P. A. Otsenka infrastrukturykh transportnykh projektov metodom modelirovaniya [Assessment of transport infrastructure projects by simulation method] / P. A. Kozlov, A. E. Alexandrov // Transport of the Russian Federation, 2006. № 5. Pp. 43–44.

3. Aleksandrov A. E. Novikov P. A. Primenenie sistemy imitatsionnogo modelirovaniya dlya rascheta ratsionalnoy tekhnicheskoy struktury i tekhnologii promyshlennykh transportnykh sistem [The use of simulation system in the design of rational technical structure and technology of industrial transport systems] // Herald of RGUPS 2008. № 2. Pp. 31–37. ISSN 0201–727H.
4. Tishkin E. M. Avtomatizatsiya razrabotki grafika dvizheniya. [Automation of train diagram development]. M. : Transport, 1990. 423.
5. Derzhavets G. I. Razrabotka i primeneniye algoritmicheskikh i programmnykh sredstv avtomatizatsii sostavleniya grafikov dvizheniya poezdov dlya odnopushtnykh liniy [Development and application of algorithmic and software automation tools to create train schedules for single-track lines] : synopsis of PhD in Engineering Thesis. M., 1984. 24 s.
6. Karas A. V. Sozdaniye i primeneniye algoritmicheskikh i programmnykh sredstv dlya proektirovaniya intensivnykh tekhnologiy poezdnoy raboty dvukhpustnykh liniy [Creation and application of algorithmic and software tools for the design of intensive technologies of train operation of double-track train lines] synopsis of PhD in Engineering Thesis. M., 1990. 24 s.
7. Lizunov A. I. Dispetcherskoye planirovaniye i regulirovaniye dvizheniya poezdov na dvukhpustnykh uchastkakh s primeneniemy prognoznykh grafikov [Dispatch planning and regulating of trains traffic on double-track sections using forecasting schedules] : synopsis of PhD in Engineering Thesis. M., 1994. 26.
8. Tipovyye trebovaniya k registratsii, otobrazheniyu, prognozirovaniyu, uchetu i analizu dvizheniya poezdov v avtomatizirovannykh sistemakh dispetcherskogo kontrolya i upravleniya na dispetcherskikh uchastkakh i v zheleznodorozhnykh uzlakhs [Typical requirements for registration, mapping, forecasting, accounting and analysis of train traffic in automated remote monitoring and control systems at dispatch stations and railway junctions] / G. M. Groshev, A. S. Bashilov, V. V. Ipatov / Approved by RF Ministry of Railways on 25.06.99 St. Petersburg : RF Ministry of Railways, 1999. 78.
9. Shipulin A. V. Ispolzovaniye imitatsionnoy sistemy ISTRA dlya modelirovaniya grafika dvizheniya poezdov [The use of ISTRA simulation system for train schedule modeling] / A. V. Shipulin, A. E. Alexandrov // Transport of the Urals, in 2011. № 4. Pp. 67–72. ISSN 1815–9400.

Статья сдана в редакцию 12 сентября 2013 года

УДК 681.5.01

А. А. Шапран, А. А. Устюгова

Синтез системы управления следящим приводом повышенной точности

UDC 681.5.01

A. A. Shapran, A. A. Ustyugova

Synthesis of high accuracy follower drive control system

Аннотация

Статья посвящена решению проблемы построения системы управления следящим приводом и изложен подход к его реализации. Целью поставленной задачи является достижение высокой точности воспроизведения заданного закона движения. Разработка такой системы и синтез закона управления должны обеспечить качественное функционирование в сочетании с высокими динамическими свойствами приводимого механизма. Поскольку такие системы работают в тяжелых динамических режимах, к ним предъявляются повышенные требования, в первую очередь по точности. В статье приводится сравнительный анализ различных методов реализации требуемого закона управления, базирующихся на известных из теории автоматического регулирования способах повышения точности. Обоснован метод исследования условий повышения точности системы, призванный на решение поставленной задачи и позволяющий синтезировать закон управления системой, обеспечивающий ее высокие динамические свойства.

Ключевые слова: оптимизация, инвариантность, управление приводом.

Summary

The paper addresses the problem of creation of follower drive control system and outlines the approach to its implementation. The goal of the problem is to achieve high reproduction accuracy of the given law of motion. Creation of such system and synthesis of control law should ensure high quality operation in combination with high dynamic characteristics of the driven machine. Since such systems operate under severe dynamic conditions, they are facing increased requirements, especially in terms of accuracy. The paper provides comparative analysis of various methods of implementation of the required control law based on well-known accuracy improvement techniques from automatic control theory. The method of investigation of the conditions to improve system accuracy is justified, designed to address this problem and allowing to synthesize the system control law which ensures its high dynamic performance.

Keywords: optimization, invariance, drive control.

Одно из основных требований, предъявляемое к системам управления следящим приводом, — точность отработки заданного закона движения. Как и в каждой системе автоматического управления, точность определяется величиной установившейся ошибки.

Существуют два возможных направления решения задачи повышения точности систем: использование для их реализации современных технических средств, обладающих более высокой чувствительностью, а следовательно, и меньшей погрешностью, и применение более совершенных законов управления, обеспечивающих наименьшее отклонение управляемой величины в любой точке траектории ее движения от заданного значения. Первое относится к области схмотехники; второй, которому и посвящена настоящая работа, имеет в основе системотехнический подход, базирующийся на известных из теории автоматического управления принципах.

Шапран Александр Андреевич, канд. техн. наук, ст. научн. сотр.; кафедра «Мехатроника» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. Тел.: +7(343)2212406.

Устюгова Анастасия Андреевна — аспирант; кафедра «Мехатроника» Уральского государственного университета путей сообщения, Екатеринбург, Россия.

Shapran Alexander Andreyevich, PhD in Engineering, Senior Research Associate, Professor of Mechatronics Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. Tel.: +7 (343) 2212406.

Ustyugova Anastasiya Andreevna, postgraduate student, Mechatronics Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia.

Для устранения или уменьшения величины установившейся ошибки могут применяться различные методы синтеза законов управления, из которых наибольшее предпочтение отдается методам, основанным либо на принципе инвариантности, либо оптимизации. Решение первого — построение комбинированной системы, второй подразумевает разработку оптимальной по точности системы управления. Цель настоящей работы — сравнительный анализ обоих методов решения поставленной проблемы и определение наиболее отвечающего повышенной точности.

В общем и достаточно широком смысле структурную схему следящей системы обработки угла рассогласования, работающей по принципу отклонения, согласно [3], можно представить так, как на рис. 1.

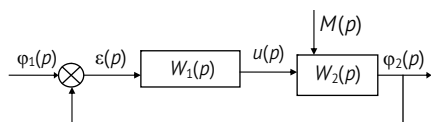

Рис. 1

Здесь $W_1(p)$ — передаточная функция регулятора; $W_2(p)$ — передаточная функция объекта управления; φ_1 — задающее воздействие (заданный угол поворота командной оси); φ_2 — управляемая величина (угол поворота исполнительной оси); U — управляющее воздействие; M — возмущающее воздействие (момент нагрузки на валу привода).

Задающее воздействие изменяется по закону $\varphi_1(t) = \alpha + \beta t$. Передаточная функция регулятора, реализующего П-закон регулирования, имеет выражение:

$$W_1(p) = K_1.$$

А поскольку управление ведется по углу поворота выходного вала привода, то объект управления будет содержать в себе астатизм 1-го порядка, и его передаточная функция

в случае, если для привода применен двигатель постоянного тока, описывается выражением:

$$W_2(p) = \frac{K_2^u}{T_M T_3 p^3 + T_M p^2 + p'},$$

где T_M — механическая постоянная времени; T_3 — электрическая постоянная времени; K_2^u — коэффициент передачи привода по управляющему воздействию.

Тогда передаточная функция системы по ошибке от задающего воздействия без учета возмущения по моменту нагрузки будет иметь вид

$$\Phi_u^e(p) = \frac{\varepsilon(p)}{\varphi_1(p)} = \frac{T_M T_3 p^3 + T_M p^2 + p}{T_M T_3 p^3 + T_M p^2 + p + K_1 K_2^u},$$

и в системе имеет место скоростная ошибка по задающему воздействию, равная

$$\varepsilon_{ск}^u = \frac{1}{K_1 K_2^u} \cdot \frac{d\varphi_1}{dt} = \frac{1}{K_1 K_2^u} \cdot \beta.$$

При использовании комбинированного принципа управления, отвечающего условию инвариантности, согласно [1], структурная схема системы примет вид, представленный на рис. 2.

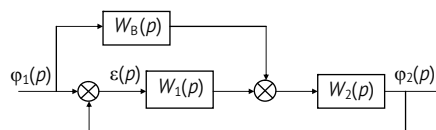

Рис. 2

Здесь $W_B(p)$ — передаточная функция канала связи по задающему воздействию, а передаточная функция комбинированной системы по ошибке опишется как

$$\Phi_k^e(p) = \frac{\varepsilon(p)}{\varphi_1(p)} = \frac{1 - W_B(p) \cdot W_2(p)}{1 + W_1(p) \cdot W_2(p)}$$

или

$$\Phi_k^e(p) = \frac{T_m T_3 p^3 + T_m p^2 + p - K_2^u \cdot W_B(p)}{T_m T_3 p^3 + T_m p^2 + p + K_1 K_2^u}.$$

Из последнего выражения следует, что комбинированный принцип управления дает возможность устранения скоростной ошибки. Для этого необходимо, чтобы полином числителя выражения $\Phi_k^e(p)$ не содержал членов, имеющих сомножитель p ниже второй степени, то есть необходимо выполнение условия:

$$p - K_2^u \cdot W_B(p) = 0.$$

Это условие выполняется, если передаточная функция канала связи $W_B(p)$ выражена следующим образом:

$$W_B(p) = k_B p,$$

при этом

$$\Phi_k^e(p) = \frac{T_m T_3 p^3 + T_m p^2 + (1 - K_2^u \cdot k_B) p}{T_m T_3 p^3 + T_m p^2 + p + K_1 K_2^u}.$$

А скоростная ошибка будет ликвидирована, если $1 - K_2^u \cdot k_B = 0$, что и может считаться условием достижения инвариантности.

Отсюда:

$$k_B = \frac{1}{K_2^u},$$

а скоростная ошибка системы по задающему воздействию отсутствует:

$$\varepsilon_{ск}^u = 0.$$

В отличие от комбинированного принципа управления, необходимого для достижения инвариантности, реализация оптимального по точности закона управления не связана с изменением структуры системы. Так, для того же объекта, описываемого уравнением:

$$T_m T_3 \frac{d^3 \varphi_2}{dt^3} + T_m \frac{d^2 \varphi_2}{dt^2} + \frac{d \varphi_2}{dt} = K_2^u \cdot u,$$

и того же задающего воздействия, когда управляемая величина ищется в виде

$$\varphi_2(t) = d_0 + d_1 t,$$

оптимальный по точности закон управления, отвечающий критерию:

$$Q = \int_0^\infty [(\varphi_1 - \varphi_2)^2 + u^2] dt,$$

и синтезируемый по методу динамического программирования, согласно [2], будет иметь вид

$$u^* = K_1 \cdot \sqrt{(\varphi_1 - \varphi_2)^2 + \beta^2 - d_1^2},$$

то есть остается пропорциональным законом управления, и в более общем виде может быть представлен как

$$u^* = K_1 \cdot \varepsilon,$$

при котором сохраняется скоростная ошибка системы.

Следовательно, комбинированный принцип управления, имеющий в основе построение инвариантной системы, казалось бы, имеет преимущество в смысле достижения более высокой точности. Но последнее утверждение справедливо только в том случае, если на объект управления не учитывать воздействий возмущений. В реальной системе к объекту всегда приложены возмущающие воздействия, главным из которых является момент нагрузки M на валу привода. А потому полная ошибка системы находится как сумма ошибок по задающему и по возмущающему воздействиям $\varepsilon = \varepsilon^u + \varepsilon^M$. Передаточная функция системы (рис.1) по ошибке от возмущения будет иметь выражение:

$$\begin{aligned} \Phi_M^e(p) &= \frac{\varepsilon(p)}{M(p)} = \\ &= - \frac{K_2^M}{T_m T_3 p^3 + T_m p^2 + p + K_1 K_2^u}, \end{aligned}$$

где K_2^M — коэффициент передачи объекта (привода) по моменту на грузки, и

$$\varepsilon^M = \frac{K_2^M}{K_1 K_2^u} \cdot M,$$

а полная ошибка

$$\varepsilon = \varepsilon^u + \varepsilon^M = \frac{1}{K_1 K_2^u} \cdot \beta + \frac{K_2^M}{K_1 K_2^u} \cdot M.$$

Поэтому в реальной системе, реализующей принцип инвариантности, при полной компенсации скоростной ошибки по задающему воздействию сохраняется статическая ошибка по возмущению, для устранения или уменьшения которой необходимо строить еще один контур компенсации, что приведет к значительному усложнению и удорожанию системы.

В оптимальной же системе закон управления синтезируется с учетом возмущений, априорная информация о которых может задаваться либо в виде регулярных значений, либо в виде стохастических характеристик. А потому компенсация составляющей ошибки по возмущению происходит без изменений структурной части системы, следовательно, без какого-либо ее усложнения.

Уравнение движения объекта с учетом момента нагрузки на валу будет:

$$T_M T_\varphi \frac{d^3 \varphi_2}{dt^3} + T_M \frac{d^2 \varphi_2}{dt^2} + \frac{d\varphi_2}{dt} = K_2^u \cdot u + K_2^M \cdot M.$$

Тогда применение метода динамического программирования даст выражение оптимального закона управления:

$$u^* = -\frac{K_2^M}{K_2^u} M + \sqrt{\left(\frac{K_2^M}{K_2^u} M\right)^2 + (\varphi_1 - \varphi_2)^2}.$$

Обозначив подкоренное выражение как $(K^*)^2 \cdot (\varphi_1 - \varphi_2)^2$, получим

$$u^* = (K^*) \cdot (\varphi_1 - \varphi_2) - \frac{K_2^M}{K_2^u} M,$$

и уравнение движения объекта можно представить в виде выражения:

$$T_M T_\varphi \frac{d^3 \varphi_2}{dt^3} + T_M \frac{d^2 \varphi_2}{dt^2} + \frac{d\varphi_2}{dt} = K_2^u \left[(K^*) \cdot (\varphi_1 - \varphi_2) - \frac{K_2^M}{K_2^u} M \right] + K_2^M \cdot M.$$

Приняв $K^* = K_1$, получим

$$T_M T_\varphi \frac{d^3 \varphi_2}{dt^3} + T_M \frac{d^2 \varphi_2}{dt^2} + \frac{d\varphi_2}{dt} - K_1 K_2^u \varphi_2 = K_1 K_2^u \varphi_1.$$

Отсюда следует, что для любого значения возмущающего воздействия M и при задающем воздействии $\varphi_1(t) = \alpha + \beta t$ управляемая величина будет изменяться по закону:

$$\varphi_2(t) = \alpha - \frac{1}{K_1 K_2^u} \cdot \beta + \beta t,$$

то есть точность системы определяется только скоростной ошибкой по полезному входному сигналу.

Таким образом, оптимальный по точности закон управления позволяет полностью скомпенсировать влияние возмущения, ликвидируя ошибку по моменту нагрузки, а в инвариантной системе при тех же внешних воздействиях управляемая величина изменяется по закону:

$$\varphi_2(t) = \alpha + \frac{K_2^M}{K_1 K_2^u} \cdot M + \beta t,$$

где

$$\frac{K_2^M}{K_1 K_2^u} \cdot M \gg \frac{1}{K_1 K_2^u} \beta.$$

То есть точность системы определяется величиной статической ошибки, которая в реальных условиях эксплуатации привода значительно превышает скоростную

ошибку от задающего воздействия, поэтому можно говорить о преимуществах оптимального управления в смысле достижения более высокой точности. ■

Литература

1. Зайцев Г. Ф. Синтез следящих систем высокой точности. Киев : «Техника», 1971. 280 с.
2. Фельдбаум А. А. Основы теории оптимальных автоматических систем. М. : Наука, 1966. 620 с.
3. Бесекерский В. А., Попов Е. П. Теория систем автоматического управления. СПб : «Профессия», 2007. 740 с.

References

1. Zaitsev G. F. Sintez sledyashchikh sistem vysokoy tochnosti. [Synthesis of high-precision servo systems.] Kiev : «Tekhnika» 1971. 280 p.
2. Feldbaum A. A. Osnovy teorii optimalnykh avtomaticheskikh sistem. [Fundamentals of the theory of optimal automatic systems]. M. : Nauka, 1966. 620.
3. Besekersky V. A., Popov E. P. Teoriya sistem avtomaticheskogo upravleniya. [Automatic control systems theory]. St. Petersburg : «Profession», 2007. 740 p.

Статья сдана в редакцию 14 июня 2013 года

Организация и логистика

УДК 656.225

А. Э. Александров, А. В. Сурин

Автоматизация сквозной технологии оперативного планирования поездообразования и поездной работы

UDC 656.225

A. E. Aleksandrov, A. V. Surin

Automation of integrated technology of operational planning of train formation and train operation

Аннотация

Оперативное планирование поездной и грузовой работы производится по сквозным технологиям, определяющим взаимодействие всех уровней управления эксплуатационной работой при использовании единых информационных баз и единого порядка решения задач. Конечной целью является повышение эффективности данной технологии на основе создания и использования соответствующей подсистемы в АСУ ЖТ. При создании подобных технологий руководствуются методами проектирования организационных структур управления, среди которых наибольшее распространение получил системный подход. В качестве инструментария выбрана технология IDEF0, которая сочетает в себе графическое описание с четко определенными рекомендациями, предназначенными для построения понятной модели системы. Исследование с использованием функциональной модели позволило сделать основной вывод: современная сквозная технология сменно-суточного планирования поездообразования и поездной работы требует автоматизации интеллектуальных прогнозных функций. Интеллектуальную прогнозную функцию должны выполнять блоки АСУ, построенные на основе математических моделей работы сортировочных станций и моделей продвижения поездов по полигону дороги. Кроме этого, необходима модель, выстраивающая процесс взаимодействия частных моделей при расчете плана работы всей дороги. Принципы построения перечисленных моделей на основе имитационного подхода изложены в статье. Этот материал использовался авторами в практической работе по автоматизации оперативного планирования на Свердловской железной дороге. Автоматизированный расчет дает существенно более высокую точность по времени продвижения поездов. На ручное прогнозирование диспетчерский аппарат затрачивает более трех часов, а автоматизированный прогноз выполняется за 15–20 мин. То есть выигрыш по времени — примерно в десять раз.

Ключевые слова: системный анализ, сквозные технологии, оперативное планирование, имитационная модель, потоки, модель продвижения поезда, оператор управления, автоматизированные системы управления.

Summary

Operational planning of train and freight operation is performed using integrated technologies, determining the interaction of all levels of control of operational work using common databases and uniform problem solving procedure. The ultimate goal is to improve the efficiency of the technology through establishment and use of appropriate subsystem within rail transport control system. When developing such technologies, organizational control structures methods are followed, among which system approach is the one most widely used. IDEF0 technology is selected as a tool set. It combines graphic description with clearly defined recommendations, designed to build a clear system model. The study with the use of functional model has allowed to make a basic conclusion: modern integrated technology of shift-day planning of train formation and train operation demands automation of intelligent forecasting functions. Intelligent forecasting function has to be performed by process control units built based on mathematical models of operation of marshalling yards and models of train movement across road polygon. In addition, a model is required to develop the process of interaction of individual models in the design of the operational plan of the whole road. Principles of construction of these models on the basis of simulation approach are described in the paper. This material was used by the authors in their practical work on operational planning automation at Sverdlovsk railway. Automated design yields significantly higher accuracy in terms of train traffic schedule. Dispatcher board spends more than three hours for manual forecasting, and automated forecasting is performed for 15–20 minutes. That is, about tenfold gain in time is ensured.

Keywords: system analysis, integrated technologies, operational planning, simulation model, flows, train movement model, control operator, automated control systems.

Александров Александр Эрнстович, д-р техн. наук, профессор; кафедра «Управление эксплуатационной работой» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: AAlexandrov@uralmail.com.

Сурин Александр Владимирович, аспирант; кафедра «Управление эксплуатационной работой» Уральский государственный университет путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: saleks-ek@yandex.ru.

Alexander Ernstovich Aleksandrov, DSc in Engineering, Professor, Operations Management Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: AAlexandrov@uralmail.com.

Alexander Vladimirovich Surin, postgraduate student, Operations Management Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: saleks-ek@yandex.ru.

Последняя редакция «Инструкции по оперативному планированию поездной и грузовой работы железных дорог» [1] содержит технологические и методологические основы для проектирования комплексов задач автоматизации оперативного планирования поездной и грузовой работы железных дорог.

Оперативное планирование поездной и грузовой работы производится по сквозным технологиям, определяющим взаимодействие всех уровней управления эксплуатационной работой при использовании единых информационных баз и единого порядка решения задач. Это: технология оперативного планирования поездобразования и поездной работы; технология оперативного нормирования и регулирования локомотивных парков и работы локомотивных бригад грузового движения; технология оперативного планирования грузовой работы и использования погрузочных ресурсов; технология оперативного планирования работы с местными вагонами.

Сквозные технологии, связанные с планированием поездной работы и эксплуатации локомотивов, охватывают три уровня управления: сеть ОАО «РЖД» — железная дорога — железнодорожная станция и эксплуатационное локомотивное депо.

Сквозные технологии, связанные с планированием грузовой и местной работы, охватывают четыре уровня: сеть ОАО «РЖД» — железная дорога — центр управления местной работой — железнодорожная станция.

С помощью системного подхода исследуем сквозную технологию оперативного планирования поездобразования и поездной работы на Свердловской железной дороге. На начальном этапе наиболее важным для достижения поставленной цели представляется функциональный анализ существующей системы.

Созданию моделей предшествует этап очерчивания границ изучаемой

системы и ее первичная структуризация. Сложность работы на данном этапе определяется тем, что многие процедуры, используемые в процессе планирования диспетчерским аппаратом ДЦУП, не описаны в «Технологическом процессе ДЦУП» и окончательно не формализованы.

На Свердловской железной дороге в планировании сдачи поездов по стыкам участвуют следующие работники ДЦУП: старший дорожный диспетчер (ДГПР), дежурные по районам управления (Западный, Центральный, Восточный, Северный, Полярный) (ДГПРУ). Планирование для дороги и районов управления выполняется одновременно, при сведении в общий план планы согласовываются. Результат планирования — количество сдаточных поездов по междорожным и межрайонным стыкам. Под сдаточным поездом понимается поезд, который к отчетному часу проследует через стык. Расчет оперативного плана поездобразования и поездной работы дороги можно разделить на несколько этапов.

Первый: определение количества сдаточных поездов из находящихся в ходу на дороге выполняется с помощью системы автоматизированного ведения графика исполненного движения «ГИД-Урал» (ГИД). Определение сдаточных поездов выполняется по всем участкам дороги.

Второй: определение количества сдаточных поездов из дальнего подхода выполняется с помощью ГИД соседних дорог. Таким образом анализируется наличие поездов на всех примыкающих к дороге участках.

Третий: определение количества сдаточных поездов с мест погрузки (выгрузки) маршрутов определяется с помощью автоматизированной системы управления линейным районом (АСУ ЛР). Анализируется наличие поездов, поездных локомотивов, вагонов на станциях и на подъездных путях.

Четвертый: определение количества сдаточных поездов, формируемых на дороге из порожних полувагонов в адрес станций Западно-Сибирской дороги, выполняется на основании информации из АСУ ЛР. Здесь используется информация по станциям, на которых выполняется массовая выгрузка полувагонов, и по станциям концентрации полувагонов.

Пятый (самый трудоемкий процесс): определение количества сдаточных поездов, формируемых сортировочными станциями дороги. Для его выполнения из АСУ ЛР выбираются данные о наличии вагонов на станциях по назначениям, идущим за пределы дороги или на сортировочные станции, расположенные ближе к стыку; поездов в парке приема и их разложении; поездов в парке отправления назначением за пределы дороги или на сортировочные станции, расположенные ближе к стыку, а также о разложении составов поездов, находящихся на подходе.

Собранную информацию о поездах и вагонах диспетчер анализирует и по большей части интуитивно, опираясь на свой опыт работы, определяет ориентировочное количество сдаточных поездов для всех стыков. Расчеты выполняются по пяти станциям, три из которых сетевые двухсистемные сортировочные станции.

Шестой — это итоговый расчет числа сдаточных поездов по каждому стыковому пункту; выполняется на основании результатов предыдущих этапов, установленных размеров движения по участкам, наличия «окош» на перегонах и станциях и опыта диспетчера. В процессе этого расчета определяется количество поездов, которое будет пропущено по Южному обходу Свердловского узла.

Традиционное текстовое описание расчета оперативного плана недостаточно структурировано. С его помощью затруднительно представить процесс планирования в целом и правильно выполнить анализ для

дальнейшего синтеза рациональной технологии на основе использования автоматизированной системы. Здесь может помочь функциональное моделирование.

Функциональное моделирование является важнейшим элементом анализа при описании процессов (модели «как есть» и «как должно быть»). В качестве инструментария мы выбрали технологию IDEF0, которая сочетает в себе небольшое по объему графическое описание со строгими и четко определенными рекомендациями, предназначенными для построения понятной модели системы [2, 3].

Первая диаграмма — общая, отображает границы моделирования системы. На ней процесс планирования представлен одним блоком (рис. 1); присутствуют все составляющие входов, управления, выхода и механизмов общих для всего процесса. На диаграмме A1 (рис. 2) можно выделить наиболее проблемный блок — это блок 3 «Прогноз поездообразования и продвижения поездов». Сбор и анализ информации автоматизированы; здесь диспетчеры используют несколько уже хорошо отлаженных систем, которые представляют информацию с нужной степенью детализации. Корректировка и утверждение плана во многом носят административный характер. Центральной же является деятельность по прогнозированию работы основных сортировочных станций и прогнозирование продвижения поездов различных категорий по полигону дороги. Это основная интеллектуальная нагрузка, которая ложится на диспетчера и выполняется им вручную. Очевидно, что здесь требуются достаточно сложные математические модели и организация взаимодействия этих моделей для выполнения прогнозных расчетов. Блок 3 из диаграммы A1 разворачивается в диаграмму A13 (рис. 3), которая помогает в определении набора необходимых математических моделей.

Рис. 1. A0 диаграмма. Сменно-суточное планирование работы дороги

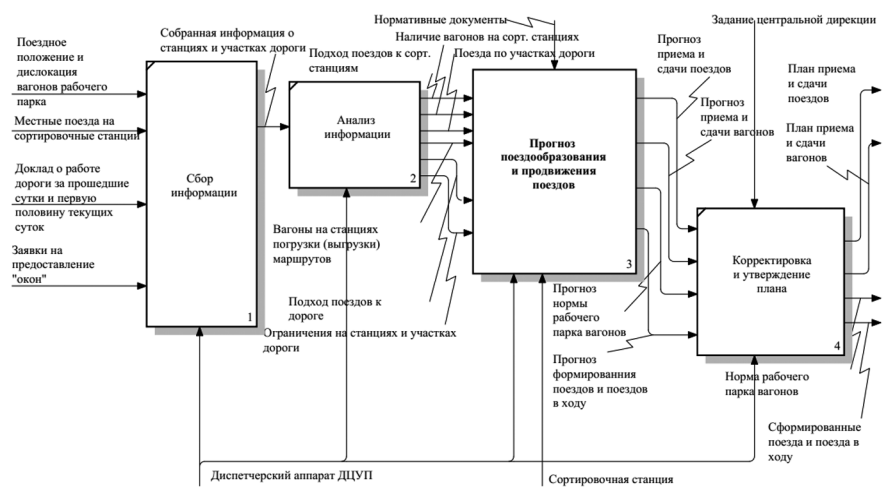

Рис. 2. A1 диаграмма. Сменно-суточное планирование поездной работы дороги

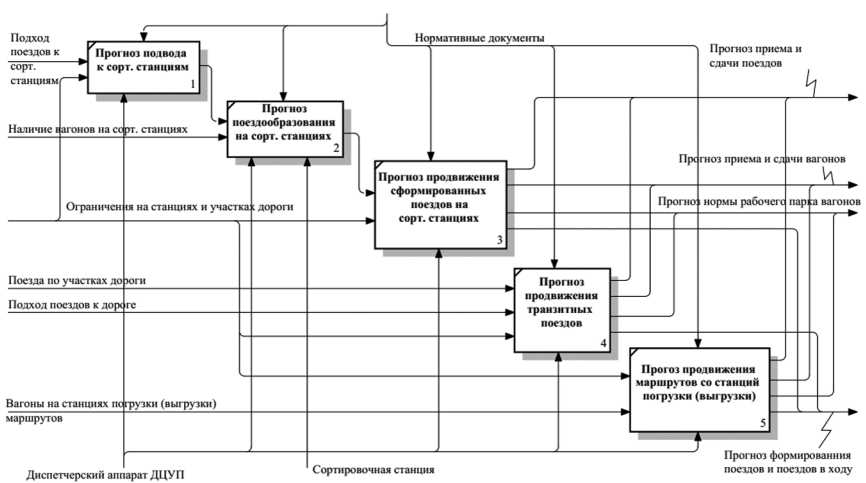

Рис. 3. A13 диаграмма. Прогноз поездообразования и продвижения поездов

В общем виде основа структуры информационно-аналитической подсистемы сменно-суточного планирования поездной работы и поездообразования может быть собрана из существующих и эксплуатирующихся систем (рис. 4). Анализ этой схемы позволяет сделать вывод о существенном дефиците систем интеллектуальной обработки данных. Исключить этот дефицит должны и блоки, построенные на основе математических моделей.

Результаты исследований, свидетельствующие, что для моделирования крупных железнодорожных станций и узлов предпочтительно использовать системы имитационного моделирования, представлены в работах [5–8]. На кафедре «Управление эксплуатационной работой» (УрГУПС) разработана имитационная система ИСТРА. Ее теоретическая основа и наиболее важные алгоритмы изложены в работе [4]. Вполне логично использовать ее для моделирования работы станций при автоматизации сквозной технологии планирования поездообразования и поездной работы.

Модель полигона железной дороги представляет собой множество участков $P = \{P_1, P_2, P_3, \dots, P_n\}$. Каждый участок состоит из двух подмножеств: множество отдельных пунктов P^S

и множество перегонов P^W , их соединяющих $P_{i,i \in [1,n]} = \{P_i^S \cup P_i^W\}$.

Во множество станций P^S входят отдельные пункты, имеющие путевое развитие. К ним относятся разъезды, обгонные пункты, промежуточные, грузовые, участковые и сортировочные станции. Одна станция относится только к одному участку (за исключением участковых и сортировочных станций, которые являются границами смежных участков).

Характеристики станций, входящих в состав участка: тип станции; количество путей на станции, предназначенных для пропуска поездов в каждом из направлений движения; перечень технологических операций выполняемых на станции; величины станционных интервалов; продолжительность технологических операций.

Во множество перегонов P^W входят все перегоны. Один перегон относится только к одному участку.

Характеристики перегонов, входящих в состав участка: количество путей и их специализация (перегоны могут быть однопутные, двухпутные и многопутные); тип средств сигнализации (полуавтоблокировка — на одном пути перегона может находиться только один поезд; автоблокировка — на одном пути перегона может находиться более одного поезда попутного направления); время хода

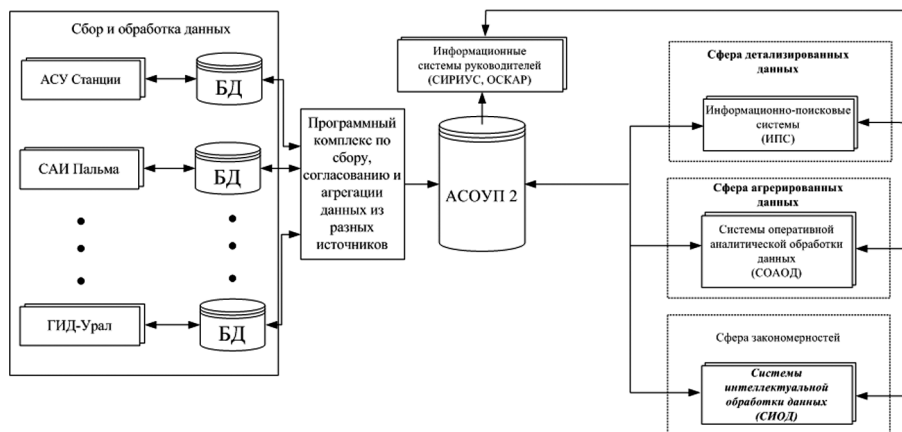

Рис. 4. Обобщенный вид структуры информационно-аналитической подсистемы сменно-суточного планирования поездной работы и поездообразования

по перегону в обоих направлениях для каждой категории поездопотока (пассажирский, грузовой); время разгона t_p и замедления t_3 ; величина межпоездного интервала.

Входным потоком I для полигона являются поезда, поступающие на полигон по стыковым участковым станциям

$$I = I_1 + I_2 + I_3 + \dots + I_m.$$

Входной поток по каждому стыковому пункту можно разделить на составляющие — в зависимости от работы с ним на полигоне: транзитный поток I^T и поток в разборку I^R на сортировочные станции полигона.

Выходным потоком O для полигона являются поезда, сдаваемые с полигона по стыковым участковым станциям

$$O = O_1 + O_2 + O_3 + \dots + O_m.$$

Выходной поток по каждому стыковому пункту можно разделить на составляющие в зависимости от способа его зарождения на полигоне: транзитный поток O^T , поток, сформированный на сортировочных станциях O^F , и поток, сформированный станциями погрузки/выгрузки маршрутов или на станциях концентрации подвижного состава O^G .

Модель продвижения поездов M по железнодорожному полигону P представляет собой объединение множеств согласованных моделей F^W движения поездов по участкам, входящим в состав полигона, моделей обработки поездов на участковых F^{SU} и сортировочных F^{SS} станциях, расположенных на маршруте движения поезда

$$M = F^W \cup F^{SU} \cup F^{SS},$$

где F^W — множество моделей движения поездов по участкам; F^{SU} — множество моделей обработки поезда на участковых станциях; F^{SS} —

множество моделей обработки поезда на сортировочной станции.

Модели из множеств F^{SU} и F^{SS} строятся при помощи ИСТРА. Далее сосредоточимся на описании модели движения поездов по участку F^W .

Оперативное планирование производится заблаговременно, поэтому при прогнозе поездной работы точно предсказать исходное поездное положение на момент расчета невозможно. Построение полностью корректного графика движения не даст точного результата из-за неточности исходных данных, имеющих на момент расчета. На наш взгляд, для прогноза в этом случае следует строить модель, которая корректно отобразит пропускную способность участка и время следования отдельных поездов по участку.

Входным потоком для модели F^W являются выходные потоки моделей F^{SU} и F^{SS} или данные из информационных систем. Элементом этого потока является поезд. Поезд как элемент входного потока для модели F^W порождает в ней цепочку операций движения его по участку.

Каждая из моделей представляет собой совокупность подмножества элементов полигона, относящихся к данному участку X_i , множества операций K_i и оператора управления Z_i .

В модели F^W элементы отличаются от элементов системы ИСТРА. Есть элементы двух типов: перегон и станция. Для этих элементов определяется максимальное количество поездов, которые на расчетном периоде могут находиться на станции или перегоне. Если в результате выполнения операции в некоторый момент количество поездов превысит предельно допустимое, то операция не выполняется и формируется задержка, моделирующая простой поезда на станции. Задержка увеличивает занятость элемента, на котором находится поезд. Длительность задержки определяется в зависимости от момента невыполненного запроса

на использование перегона или станции для продвижения поезда до ближайшего момента времени, когда этот запрос может быть выполнен.

Операциями являются движение поезда между двумя соседними станциями и запланированная в расписании стоянка для обработки поезда.

Операция движения поезда занимает соответствующие элементы — перегоны и станции и имеет множество возможных длительностей выполнения (на проход, с разгоном, с замедлением, уменьшение времени хода по перегону на допустимое время нагона, увеличение времени хода по перегону на допустимое время замедления, с ограничением по скорости). В модели учитывается возможное изменение длительности выполнения операций с поездами, вызванное наличием «окон» на перегоне для выполнения обслуживания или ремонта инфраструктуры перегона, ограничения скорости на перегоне, «окон» на станциях и стрелочных переводах, входящих в маршруты приема, отправления и проследования для выполнения обслуживания или ремонта инфраструктуры станции, ограничения скорости на путях и стрелочных переводах, входящих в маршруты приема, отправления и проследования, а также выходом из работы технических средств и устройств, влияющих на продолжительность обслуживания составов поездов, длиной состава поезда больше полезной длины самого длинного пути станции.

Оператор Z_i распознает ситуацию и выбирает длительность выполнения операции. Ситуация определяется на основе уже выполненных операций и по состоянию элементов — станций и перегонов. При выполнении операции определяется время ее поступления на обслуживание. Оно равняется времени поступления поезда на участок по данным из информационных систем, из моделей F^{SU} и F^{SS} или времени окончания преды-

дущей операции для данного поезда в модели F^W . Оператор управления корректирует время начала выполнения операции в модели F^W . Время начала корректируется с учетом межоперационных простоев на станциях, станционных и межпоездных интервалов. Станционные и межпоездные интервалы увеличивают занятость поездами соответствующих элементов. В процессе прогона модели формируется очередь, которая упорядочивается с использованием системы динамических приоритетов, подобно тому, как это делается в системе ИСТРА.

При выполнении прогноза по полигону дороги, модели станций и участков рассчитываются в последовательности, обеспечивающей поступление необходимых данных из одних моделей в другие. Так, например, вначале считаются подходы к участковым и сортировочным станциям на моделях F^W . Далее прогноз подходов, полученный на моделях F^W , используется в качестве исходных данных для расчета прогноза поездообразования в моделях F^{SU} и F^{SS} . Прогноз поездообразования на второй итерации прогона моделей F^W дополняет их исходными данными и позволяет увеличить глубину прогноза. При этом потоки с одних сортировочных и участковых станций передаются на соседние через соединяющие их участки. Так формируются исходные данные для более глубокого прогноза на второй итерации прогона моделей F^{SU} и F^{SS} . Последовательность продолжает работать до завершения прогноза на заданном периоде оперативного планирования.

Формирование модели продвижения поездов по участку в соответствующем блоке автоматизированной системы можно разделить на формирование шаблона модели и наполнение шаблона информацией. Исходные данные для наполнения шаблона модели: информация о последней

выполненной операции с поездом на участке, характеристика его состава, информация о локомотиве и локомотивной бригаде. Источники информации для формирования модели продвижения: информационные системы и результаты расчетов моделей прогноза сортировочных и участковых станций. Результаты расчета модели продвижения поездов по участку являются источниками исходных данных для моделей сортировочных и участковых станций. В результате серии взаимосвязанных расчетов моделей поездобразования сортировочных станций и моделей продвижения поездов по участкам получается план поездобразования полигона в целом и план сдачи поездов по его стыкам.

На практике планирование работы полигона на следующие сутки выполняется в 11.00 часов московского времени текущих суток. Основная цель расчета: величина междорожного обмена поездами и порожним подвижным составом. Исходная информация для прогноза поездобразования берется из систем ГИД-Урал, АСУ станции, ГИР, АСУТ. Расчет прогноза выполняется автоматизировано, с учетом корректировки па-

раметров. Перерасчет плана может быть выполнен в любой момент при возникновении ситуаций, влияющих на выполнение исходного плана. При расчете прогноза поездобразования можно учесть следующие параметры: период расчета; планируемое отклонение поездов по Южному обходу дороги (РАМ); обработка на станции прогноза длинносоставных поездов; корректировка размера поступающего поездопотока; прием и обработка поездов в противоположную сортировочную систему станции прогноза; корректировка основных технологических времен обработки поездов на станции прогноза.

При возникновении задержек по неприему на станцию Екатеринбург-Сортировочный транзитных поездов по факту расчета модели прогноза существует возможность их отклонения по Южному обходу (рис. 5). При этом учитывается режим работы локомотивной бригады, а для локомотивов депо приписки — количество секций, количество километров или времени, оставшегося до проведения очередного технического осмотра.

При неприеме поездов в специализированную по направлению следования сортировочную систему поезда

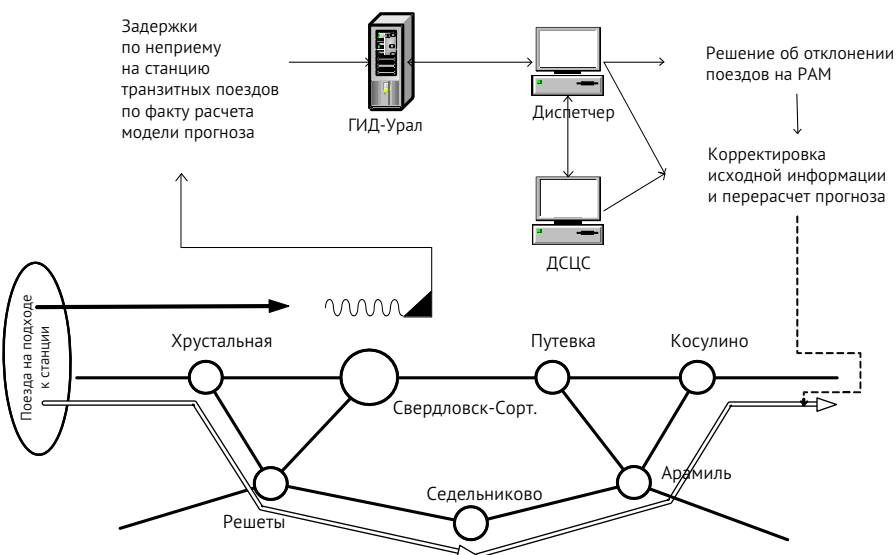

Рис. 5. Отклонение поездов по Южному обходу

могут перенаправляться в противоположную систему (рис. 6).

Такого рода корректировки при использовании автоматизированной системы производятся не по сложившейся в работе ситуации, а предусматриваются в процессе планирования, что намного эффективней.

Результаты расчета плана сдачи поездов по стыкам используются для

планирования работы сортировочных станций главного хода, организации поездной работы дороги, формирования предварительного наряда локомотивных бригад и определения потребности в локомотивах.

Структурно-технологическая схема выполнения прогноза поездообразования на полигоне представлена на рис. 7.

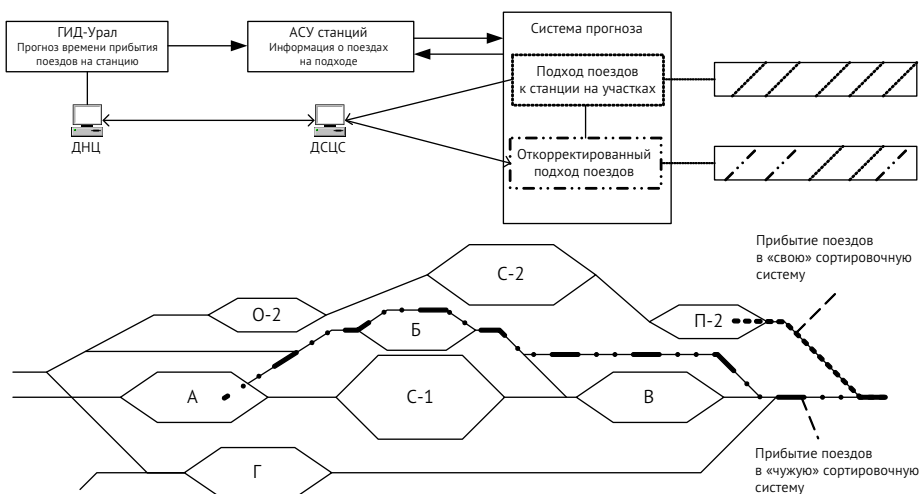

Рис. 6. Прием поездов в противоположную сортировочную систему

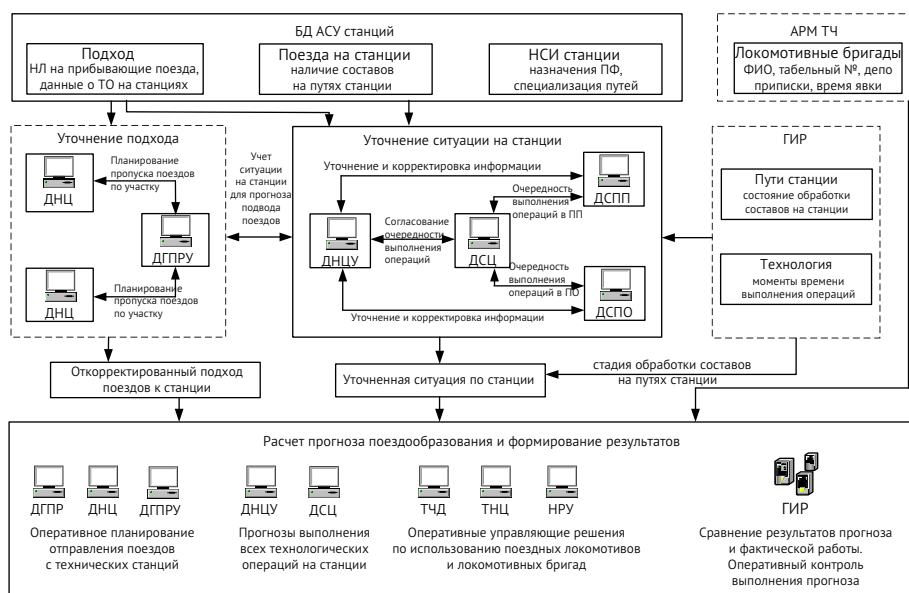

Рис. 7. Структурно-технологическая схема выполнения прогноза поездообразования

Принципы построения моделей поездообразования, движения поездов по участкам и принципы организации взаимодействия этих моделей проверены на практике; их эффективность подтверждена. Автоматизированный расчет дает существенно более высокую точность

по контрольным временам продвижения поездов по полигону дороги. Кроме того, диспетчерский аппарат затрачивает на ручное прогнозирование более трех часов, а автоматизированный прогноз выполняется за 15–20 мин; выигрыш во времени — примерно десять раз. ■

Литература

1. Инструкция по оперативному планированию поездной и грузовой работы железных дорог. М. : Транспорт, 2008. 23 с.
2. Методология функционального моделирования IDEF0. М. : Изд-во стандартов, 2000. 75 с.
3. Александров А. Э., Сурин А. В. Системный анализ сквозной технологии оперативного планирования поездообразования и поездной работы // Транспорт Урала, 2011. № 4. С. 63–66. ISSN 1815–9400.
4. Козлов П. А. Теоретические основы, организационные формы, методы оптимизации гибкой технологии транспортного обслуживания заводов черной металлургии : дисс. ... на соиск. уч. ст. д-р. техн. наук. М., 1987. 393 с.
5. Козлов П. А., Александров А. Э. Автоматизированный программный комплекс расчета, регистрации и отображения работы сортировочной станции // Железнодорожный транспорт, 2003. № 9. С. 65–67. ISSN 0044–4448.
6. Александров А. Э. Использование моделей при расчете и оптимизации систем железнодорожного транспорта // Наука и техника транспорта, 2008. № 2. С. 54–56.
7. Козлов П. А., Александров А. Э. Автоматизированный программный комплекс расчета, регистрации и отображения работы сортировочной станции // Железнодорожный транспорт, 2003. № 9. С. 65–67. ISSN 0044–4448.
8. Александров А. Э. Планирование поездообразования в системе АСУ станции // Транспорт Урала, 2008. № 2. С. 47–51. ISSN 1815–9400.

References

1. Instruktsiya po operativnomu planirovaniyu poezdnoy i gruzovoy raboty zheleznnykh dorog. [Instructions for operational planning of train and rail freight operations.] М. : Transport, 2008. 23 p.
2. Metodologiya funktsionalnogo modelirovaniya IDEF0. [Functional simulation methodology IDEF0]. М. : Standards Press, 2000. 75.
3. Aleksandrov A. E., Surin A. V. Sistemny analiz skvoznoy tekhnologii operativnogo planirovaniya poezdoobrazovaniya i poezdnoy raboty. [System analysis of integrated operational planning technology of train formation and train operation] // Transport of the Urals, 2011. № 4. Pp. 63–66. ISSN 1815–9400.
4. Kozlov P. A. Teoreticheskie osnovy, organizatsionnye formy, metody optimizatsii gibkoy tekhnologii transportnogo obsluzhivaniya zavodov chernoy metallurgii : [Theoretical foundations, organizational forms, methods for optimizing flexible transport service procedure of ferrous metallurgy plants] DSc in Engineering Thesis, M., 1987. 393 p.
5. Kozlov P. A., Aleksandrov A. E. Avtomatizirovanny programmy kompleks rascheta, registratsii i otobrazheniya raboty sortirovochnoy stantsii [Automated software package for design, registration and displaying operation of marshalling station] // Rail Transport, 2003. № 9. Pp. 65–67. ISSN 0044–4448.
6. Aleksandrov A. E. Ispolzovanie modeley pri raschete i optimizatsii sistem zheleznodorozhnogo transporta [The use of models in design and optimization of rail transport systems] // Nauka i tekhnika transporta, 2008. № 2. Pp. 54–56.
7. Kozlov P. A., Aleksandrov A. E. Avtomatizirovanny programmy kompleks rascheta, registratsii i otobrazheniya raboty sortirovochnoy stantsii [Automated software package for design, registration and displaying operation of marshalling station] // Rail Transport, 2003. № 9. Pp. 65–67. ISSN 0044–4448.
8. Aleksandrov A. E. Planirovanie poezdoobrazovaniya v sisteme ASU stantsii [Planning of train formation in automated control system of the station] // Transport of the Urals, 2008. № 2. Pp. 47–51. ISSN 1815–9400.

Статья сдана в редакцию 1 сентября 2013 года

УДК 656.222.2:656:222.4.021.8

С. А. Плехотич

Организация пропуска тяжеловесных поездов на основе использования станций преобразования

UDC 656.222.2:656:222.4.021.8

S. A. Plakhotich

Organization of heavy trains passage using conversion stations

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы организации обращения поездов повышенной массы и длины, соединенных, тяжеловесных и длинносоставных на грузонапряженных железнодорожных направлениях с сохранением обращения параллельно грузовых поездов нормативной массы и длины (сборных, участковых, вывозных) и пассажирских. Особое внимание уделено организации обращения грузовых блок-поездов как разновидности поездов повышенной массы и длины, представляющих собой систему из двух (трех) грузовых поездов, каждый со своим поездным локомотивом, то есть систему многих единиц поездов.

Для реализации технологии пропуска блок-поездов предлагается перед железнодорожными узлами или сортировочными станциями, где производится смена локомотива, технический и коммерческий осмотр, создать станции преобразования (расцепки и сцепки) блок-поездов. Создание таких станций основывается на реконструкции существующего путевого развития для удлинения путей до двойной длины. Приведено шесть вариантов путевого развития предузловых станций преобразования, выполнено их сравнение, в том числе по признаку ввода в узел и вывода из узла составов блок-поездов (поездной, когда работают только поездные локомотивы, и вывозной — участвует маневровый узловой локомотив).

В статье приводятся расчеты времени на формирование и расформирование блок-поездов, общее время занятия удлиненных путей станций преобразования блок-поездами, средняя длина удлиненных путей этих станций. Приведены варианты поездного положения на станции преобразования при обращении блок-поездов.

Выведена зависимость степени использования одного удлиненного пути станции преобразования от доли блок-поездов в общем поездопотоке в одном направлении движения. Рассчитана пропускная способность удлиненного пути станции преобразования.

Ключевые слова: грузовой блок-поезд, одинарный состав поезда, поездопоток, предузловая станция преобразования, расформирование блок-поезда, состав двойной длины, тяжеловесный поезд, формирование блок-поезда.

Summary

The paper describes organization of circulation of trains with increased weight and length, connected trains, heavy trains and long trains on congested rail lines while maintaining circulation of freight trains of standard weight and length (assorted, district or pick-up trains) and passenger trains. Particular attention is paid to organization of circulation of freight block trains as a type of trains with increased weight and length, representing a system of two (three) freight trains, each with its own train locomotive, that is, a multiple-unit train system.

In order to organize block trains passage it is proposed to create block train conversion (coupling an uncoupling) stations before railway junctions and marshalling yards, where change of locomotive, technical and commercial inspection is carried out. These stations can be created based on reconstruction of the existing tracks layout to extend the tracks up to double length. Six options of tracks arrangement for pre-junction conversion stations are proposed, and their comparison is carried out, including on the basis of the type of driving block trains in and out from the junction (train-type driving, when only train locomotives are operating, and pick-up, when junction shunting locomotive is involved).

The paper presents calculations of time required for composing and splitting block trains, total duration of stay of block trains on extended tracks at conversion stations, average length of elongated tracks of these stations. Various train positions at conversion station during circulation of trains are described.

The dependence of single elongated conversion station track utilization factor from the share of block trains in the general unidirectional train traffic is derived. The capacity of extended conversion station tracks is calculated.

Keywords: freight block train, single train formation, train traffic, pre-junction conversion station, block train splitting, double length formation, heavy train, block train composition.

Сергей Алексеевич Плехотич, канд. техн. наук, доцент; заведующий кафедрой «Станции, узлы и грузовая работа» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: Splakhotitch@usurt.ru.

Sergey Alekseevich Plakhotich, PhD in Engineering, Professor, Head of «Stations, Junctions and Freight Work» Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: Splakhotitch@usurt.ru.

Для повышения эффективности поездной работы необходим комплекс технико-технологических параметров железнодорожных направлений, обеспечивающий стабильный пропуск грузовых поездов различных весовых категорий; предполагается также наличие на станциях удлиненных приемо-отправочных путей и использование электровозов по системе многих единиц (СМЕ). Технология здесь связана с организацией формирования и пропуска блок-поездов. Блок-поезд — это поездное формирование, состоящее из двух (трех) соединенных составов нормативной (графической) массы и длины и поездных локомотивов в голове каждого состава либо только в голове, то есть блок-поезд — это система многих единиц поездов (СМЕП) [1, 2].

Совместный пропуск на железнодорожных линиях поездов повышенной и стандартной массы и длины требует удлинения приемо-отправочных путей на промежуточных (для обгона) и технических (для производства осмотров составов и смены локомотивов и бригад) станциях. Необходимое число удлиненных путей на этих станциях определяется скоростями и размерами движения поездов. Количество станций с удлиненными приемо-отправочными путями будет зависеть от технологии совместного пропуска поездов различной весовой категории. Для организации обращения блок-поездов необходимо иметь удлиненные станционные пути для преобразования блок-поездов. Целесообразнее для этой цели использовать предузловые станции, что исключает реконструкцию путевого развития сортировочной станции.

На направлении, на котором требуется пропускать поезда различной весовой категории, необходимо иметь удлиненные приемо-отправочные пути на технических, обгонных промежуточных и предузловых станциях преобразования блок-поездов.

Расчет удлинения станционных путей и их количество на технических станциях и обгонных пунктах подробно изложен в научных исследованиях [1–4 и др.], поэтому рассмотрим лишь расчет пропускной способности удлиненных приемо-отправочных путей на технической станции. Основное внимание уделим расчету числа удлиненных путей на предузловых станциях преобразования, зависящему от технологических вариантов организации пропуска блок-поездов совместно с остальным поездопотоком на железнодорожном направлении.

Рассмотрим вопрос технического обеспечения технического и коммерческого осмотров, а также смены локомотивов и бригад одинарных тяжеловесных поездов на технических станциях. Очевидно, что число стоянок на таких станциях будет определяться дальностью следования тяжеловесных поездов или технологическим вариантом их пропуска на направлении. Технический осмотр груженых поездов с вагонами на подшипниках скольжения производится через каждые 200 км их пробега, а с вагонами на роликовых подшипниках — 400 км. Естественно, что более качественный технический и коммерческий осмотр гарантирует безотказное проследование поездов на более дальние расстояния.

Статистический анализ путевого развития технических станций на грузонапряженных направлениях показал, что, как правило, на технической станции имеется один приемо-отправочный путь, способный вместить по длине одинарный тяжеловесный поезд (1050–1250 м). Простой тяжеловесного поезда по неприему станцией не должен влиять на режим движения последующих поездов. Среднесуточные размеры движения грузовых и пассажирских поездов на грузонапряженных двухпутных участках между техническими станциями составляют 110–120 пар.

Средний интервал между поездами не превышает 13 мин. Следовательно, простой тяжеловесного одинарного поезда по неприяму технической станцией не должен превышать 13 мин.

Среднее время ожидания приема тяжеловесного поезда на станцию [4]:

$$t_{ож}^{пр} = \frac{\psi_{п}(v_{вх}^2 + v_{зан}^2)}{2\mu_{п}(1 - \psi_{п})}, \text{ ч}, \quad (1)$$

где $\psi_{п}$ — коэффициент загрузки приемо-отправочного пути; $\mu_{п}$ — интенсивность обслуживания потока тяжеловесных поездов; $v_{вх}$ — коэффициент вариации интервалов прибытия тяжеловесных поездов; $v_{зан}$ — коэффициент вариации времени занятия приемо-отправочного пути.

В свою очередь, загрузка одного станционного пути составляет

$$\psi_{п} = \frac{\lambda}{\mu_{п}} = \frac{N_{гр}(P_{т} + P_{т}^{yc} + \phi_{п}P_{п}) \cdot 60 \cdot T \cdot \tau}{1440 \cdot E \cdot y}, \quad (2)$$

где λ — интенсивность входящего потока тяжеловесных поездов,

$$\lambda = \frac{\sum_{нег} N_{гр}(P_{т} + P_{т}^{yc} + \phi_{п}P_{п})}{24}, \quad (3)$$

где $N_{гр}$ — число одинарных транзитных грузовых поездов в исходном потоке по направлениям движения; $P_{т}(P_{т}^{yc})$ и $P_{п}$ — соответственно доля одинарных тяжеловесных и потенциальных к преобразованию в тяжеловесные поездов в общем потоке по направлениям движения; m — средний состав одинарного тяжеловесного поезда, ваг.; x — число групп в бригаде ПТО; y — число бригад ПТО.

Интенсивность обслуживания потока тяжеловесных поездов — величина, обратная времени занятия приемо-отправочного пути $t_{зан}$:

$$t_{зан} = t_{пр} + t_{от} + t_{обр} + t_{ож}^{от}, \text{ ч}, \quad (4)$$

где $t_{пр}$, $t_{от}$ — время занятия пути маршрутами приема и отправления, обычно принимается равным 0,16 ч; $t_{обр}$ — средняя продолжительность обработки состава (технический осмотр и безотцепочный ремонт вагонов); $t_{ож}^{от}$ — простой состава в ожидании отправления, можно принять равным половине среднего интервала между нитками графика движения, т.е. примерно 6–7 мин.

Средняя продолжительность обработки одного тяжеловесного состава определяется [5]:

$$t_{обр} = (1 - \alpha_{б,р}) \frac{\tau \cdot T}{E} + \alpha_{б,р} \left(t_{рем} + \frac{\tau \cdot T}{2E} \right), \text{ ч}, \quad (5)$$

где $\alpha_{б,р}$ — доля тяжеловесных составов, требующих безотцепочного ремонта вагонов, $\alpha_{б,р} = 0,7$; $t_{рем}$ — среднее время безотцепочного ремонта вагонов, 0,4 ч; τ — средняя продолжительность технического осмотра одного вагона, 0,016 ч.

При указанных значениях параметров среднее время обработки одного тяжеловесного поезда будет равно 0,63 ч, а время занятия приемо-отправочного пути — 0,9 ч. Принимая коэффициент вариации входящего потока тяжеловесных поездов $v_{вх} = 0,85$ и коэффициент вариации времени занятия приемо-отправочного пути $v_{зан} = 0,2$, можно получить зависимость среднего времени ожидания приема одинарного тяжеловесного поезда на техническую станцию от числа этих поездов. Эта зависимость показана на рис. 1 при двух- и трехгрупповом осмотрах тяжеловесных поездов.

Выполненные расчеты позволяют сделать вывод: при двухгрупповом осмотре тяжеловесных одинарных поездов техническая станция может пропустить в сутки всего 10 поездов по одному приемо-отправочному пути длиной 1050 м, при трехгрупповом осмотре — 14. При

больших размерах движения тяжеловесных поездов и случайном характере подхода этих поездов к технической станции задержки по неприятию будут оказывать существенное влияние на режим пропуска поездопотока через техническую станцию, резко снижая пропускную способность прилегающих участков.

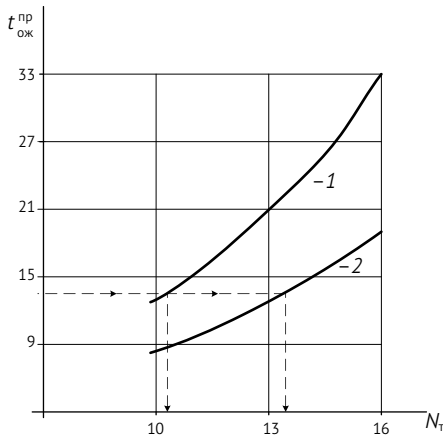

Рис. 1. Зависимость времени простоя одинарного тяжеловесного поезда по неприятию от размеров движения
1 – двухгрупповой осмотр; 2 – трехгрупповой

Одним из важных элементов в системе организации движения блок-поездов (двойных или тройных по массе и длине) являются станции преобразования одинарного поездопотока в поток блок-поездов в комплексе с прилегающим железнодорожным узлом. Наличие станций преобразования исключает существенные изменения конструкций и технологии работы сортировочных или участковых станций в узле, так как последние являются настолько загруженными поездной и маневровой работой на современном этапе, что ввод новых функций в работу таких станций может вызвать дополнительные осложнения.

Эффективнее всего в качестве пунктов преобразования поездопотоков использовать предузловые станции, расположенные на подходах

к узловым сортировочным или участковым станциям, причем эти предузловые станции должны находиться внутри тех участков, на которых вводится в обращение преобразованный поездопоток. При выборе предузловой станции в качестве станции преобразования необходимо учитывать удаленность этой станции от узла (или сортировочной станции) и существующие конструкции и длину приемо-отправочных путей. Расстояние от сортировочной станции (узла) до предузловой в 126 узлах 14 дорог — от 1,5 до 32 км. Отсутствие на подходах к узлу близко расположенной промежуточной станции (например, расстояние до ближайшей промежуточной станции от узла составляет более 30 км) требует сооружения новой промежуточной станции, которая служила бы составляющим элементом в системе преобразования. При этом место сооружения такой станции преобразования должно быть удалено от основной сортировочной или участковой станции так, чтобы по новому перегону обеспечивалось преследование грузовых поездов без снижения скоростей движения и дополнительных задержек. Расстояние между узлом и станцией преобразования ($L_{сп}$) на двухпутных линиях можно определить следующим образом.

Максимальное:

$$L_{сп}^{max} = \frac{1440 - T_{тех}}{\gamma(N_{гр} + N_{пс} + N_{сб})} - (t_m + 0,1 + t_o + t_n) V_{гр} - 0,001L_p \left(\frac{\Delta}{1 - \Delta} \right), \text{ км}; \quad (6)$$

минимальное:

$$L_{сп}^{min} = \frac{I_p - \tau_{пп}}{(1 - \Delta) \cdot 60} V_{гр} = \frac{I_p - (t_m + 0,1 + t_o + t_n)}{(1 - \Delta) \cdot 60} V_{гр} - 0,001L_p \left(\frac{\Delta}{1 - \Delta} \right), \text{ км}; \quad (7)$$

где $N_{гр}$, $N_{пс}$, $N_{сб}$ — число грузовых, пассажирских и сборных поездов, отправляемых за сутки узловой станцией на данный участок соответственно; γ — коэффициент, учитывающий нестабильность размеров движения поездов в течение суток; $\tau_{нп}$ — интервал неодновременного попутного прибытия пассажирского поезда, [6], мин; t_m — время, необходимое для подготовки маршрута приема пассажирского поезда, мин; L_p — расстояние, проходимое пассажирским поездом и определяемое из схемы взаимного расположения поездов [6], км; t_o — время возможного опоздания на перегоне грузового поезда, 1–1,5 мин; t_n — возможного время прохода пассажирского поезда по перегону, 0,921–2 мин; $V_{гр}$ — скорость движения грузового поезда, км/ч; $T_{тех}$ — технологически необходимое время для производства ремонтно-восстановительных работ, мин; Δ — отношение скоростей движения грузового и пассажирского поездов; I_p — интервал движения между поездами при автоблокировке, мин.

Длина приемо-отправочных путей на станции преобразования должна соответствовать длине блок-поезда. Средняя длина путей на станции преобразования может быть рассчитана

$$\bar{\ell}_{\text{пуп}}^{\text{уд}} = \left\{ \sum_{j=\ell_{\text{сб}}^{\text{мин}}}^{j=\ell_{\text{сб}}^{\text{макс}}} P_{2j} \left[\left(\ell_j + \frac{\Delta \ell}{2} \right) + \ell_{\text{лок}j} \right] \right\} + a, \text{ м}, \quad (8)$$

где P_{2j} — частота распределения двойных поездов по длине в j -м диапазоне; ℓ_j — длина j -я двойного поезда в распределении, м; $\ell_{\text{лок}j}$ — длина локомотива в j -м блок-поезде, м; $\Delta \ell$ — интервал в распределении поездов по длине, м; a — установочное расстояние, м.

Но должно быть не менее

$$\ell_{\text{пуп}}^{\text{уд}} = 2\ell_{\text{поезд}}^{\text{макс}} + \ell_{\text{лок}} + a, \text{ м}. \quad (9)$$

Наиболее вероятная длина приемо-отправочного пути на станции преобразования равна двум принятым

по СНиП стандартам (850 м), то есть 1700 м. Расчету длины станционных путей под двойные поезда (блок-поезда) посвящены работы [5], а расчет необходимого числа таких путей приведен в [1, 3, 7 и др.].

Назначение станций преобразования:

- прием и отправление блок-поездов с различной схемой формирования (ЛСС, ЛЛСС и др.);
- смена локомотивных бригад (если блок-поезда не подлежат расформированию и следуют дальше транзитом без отцепки локомотива);
- соединение и разъединение составов при использовании различных схем блок-поездов и организации подвода и вывода одинарных составов при их преобразовании (вывозной или поездной режимы работы);
- беспрепятственный пропуск поездов по главным путям;
- обгон блок-поездов и одинарных грузовых поездов пассажирскими.

Этим требованиям с учетом необходимых технологических операций должны отвечать схемы станций преобразования и обгона. Важным условием бесперебойной работы станций является возможность приема одинарных поездов в головную или в хвостовую часть удлиненного пути. На рис. 2 представлено несколько конструкций станций преобразования в зависимости от схемы формирования блок-поезда. На станциях (рис. 2, *г*, *д*, *ж*) пути 5 и 6 предназначены для выполнения маневровых рейсов поездных локомотивов: при формировании блок-поезда — проследование локомотива второго поезда в голову первого и последующее их объединение в одну тяговую систему; при расформировании — проследование локомотива в голову второго состава после разъединения тяговой системы. Тупики 5, 6, 7, 8 (рис. 2, *в*, *з*, *д*, *ж*) необходимы для предотвращения случайного

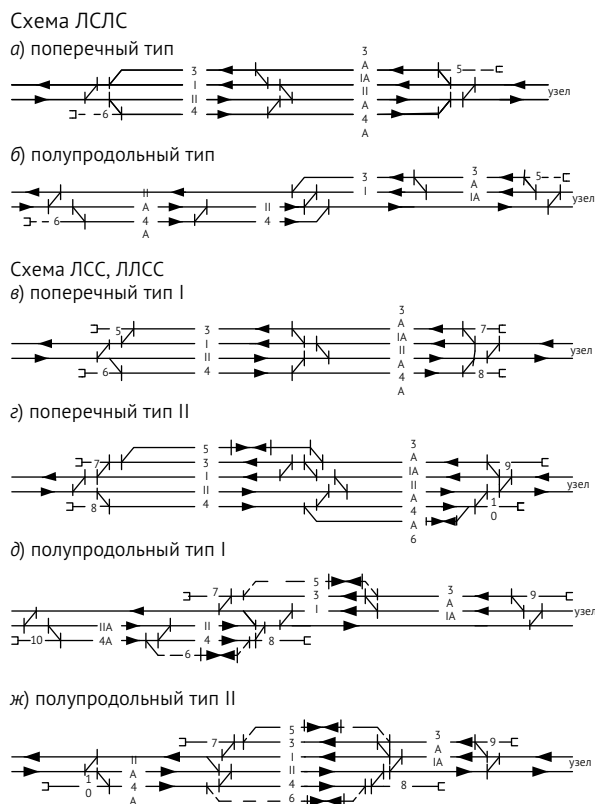

Рис. 2. Станции преобразования поездопотока для различных схем формирования блок-поездов

попадания составов на главные пути и отстоя локомотивов в ожидании прицепки к составам.

Технология работы станций преобразования предусматривает два режима работы локомотивов и бригад: поездной и вывозной. В зависимости от схемы формирования и типа локомотива по секционности в блок-поезде, выбирается технология процессов преобразования. При поездном режиме работы каждый одинарный поезд поступает на станцию преобразования со своим поездным локомотивом, после чего производится объединение локомотивов в одну тяговую систему (при схеме ЛЛСС, где Л — локомотив нормативной комплектации для одинарного нормативного (графикового по массе и длине) состава, С — одинарный нормативный (графиковый по массе и длине)

состав). Рассмотрены варианты очередности поступления сначала «тяжелого» и «легкого» (вариант 1), затем «легкого» и «тяжелого» (вариант 2) по массе одинарных составов на станцию.

Среднюю величину простоя в ожидании формирования в расчете на один объединяемый поезд можно определить через средний интервал прибытия одинарных поездов на станцию преобразования при условии, что суммарная масса блок-поезда требует использования спаренных двухсекционных локомотивов (ЛЛСС)

$$I_{Л4} = \frac{(n_c - 1)(1440 - T_{\text{тех}})}{n_c \cdot P_{\text{бп(Л4)}}(1 - P_T - P_T^{\text{yc}} - P_{\text{п}} - P_{\text{н}})N_{\text{гр}} \cdot L_{\text{сп}}(1 - P_{\text{отк}})}, \text{ мин} \quad (10)$$

где P_t — доля тяжеловесных грузовых поездов в общем поездопотоке; P_t^{yc} — доля тяжеловесных поездов в «усеченном» поездопотоке (понятие «усеченный поездопоток» подробно рассмотрено в [1, с. 34–49; 2]); $P_{п}$ — доля грузовых поездов, потенциальных к преобразованию в тяжеловесные грузовые поезда, в общем грузовом поездопотоке [1, с. 40]; $P_{н}$ — доля грузовых поездов в исходном поездопотоке, не подлежащих соединению в блок-поезда (сборные, людские, поезда с негабаритными грузами, транспортерами, т.п.) [1, с. 67]; $L_{сп}$ — расстояние между узлом (основной сортировочной станцией) и станцией преобразования, км; $P_{отк}$ — величина вероятности отказа приема поездов любого типа на путь станции преобразования по техническим причинам (1 поезд на 1-го км пути станции [1, с. 100]).

Тогда время ожидания составит: вариант 1 —

$$t_{ож} \approx I_{л4} + 5,1 - t_{пр1}, \text{ мин.},$$

вариант 2 —

$$t_{ож} \approx I_{л4} + 4,1 - t_{пр1}, \text{ мин.}$$

Средняя продолжительность технологических операций по формированию блок-поездов со схемой ЛЛСС в поездном режиме работы на станции преобразования с учетом простоя в ожидании прибытия второго состава:

$$t_{ф} = 40 - I_p + I_{л4}, \text{ мин.} \quad (11)$$

В процессе расформирования блок-поезда со схемой ЛЛСС в поездном режиме на одинарные составы существует задержка готовых к отправлению одинарных поездов и блок-поездов на участок, которая на один состав блок-поезда составит

$$t_{от} = \frac{N_{пс}[(1 - \Delta)t_{гр} + \tau_{нп}] + N_{гр}^{ол} \cdot I_p}{N_{бп}} \times \frac{I_p(N_{гр}^{ол} + \varepsilon_{пс}N_{пс})}{1440 - T_{тех} - I_{бп} \cdot N_{бп}} + I_p - t'_{рф}, \text{ мин.} \quad (12)$$

где $N_{пс}$ — размеры движения пассажирских поездов; $t_{гр}$ — время хода грузового поезда на перегоне в сторону узла, мин; $P_{гр}^{ол}$ — размеры движения одинарных (не участвующих в преобразовании) грузовых поездов; $N_{бп}$ — размеры движения блок-поездов, поступающих на расформирование на станцию преобразования; $I_{бп}$ — интервал движения между блок-поездами, мин; $t_{рф}$ — средняя продолжительность технологических операций для каждого из двух составов расформируемого блок-поезда, 23,1 мин.

Если выражение (12) имеет отрицательное значение, то время простоя в ожидании можно не учитывать.

При вывозном режиме работы в системе «узел — станция преобразования» в обращение вводятся вывозные локомотивы. Средний простой в ожидании формирования блок-поездов со схемой ЛСС на станции преобразования при обращении вывозных локомотивов определяется аналогично (10):

$$I_{л2, л3} = \frac{(n_c - 1)(1440 - T_{тех})}{n_c(P_{бп(л2)} + P_{бп(л3)}) \times (1 - P_t - P_t^{yc} - P_{п} - P_{н}) \times N_{гр}L_{сп}(1 - P_{отк})} \times \quad (13)$$

Тогда время ожидания прибытия второго поезда составит:

вариант 1 —

$$t_{ож} \approx I_{л2, л3} + 5,1 - t_{пр1}, \text{ мин.},$$

вариант 2 —

$$t_{ож} \approx I_{л2, л3} + 4,1 - t_{пр1}, \text{ мин.}$$

Задержки готовых к отправлению составов после расформирования блок-поездов будут аналогичными рассмотренному случаю (см. (12)). Средняя продолжительность технологических операций для каждого из двух составов расформируемого блок-поезда в случае (а) равна $t'_{рф} = 16,5$ мин, (I) — $t'_{рф} = 20,6$ мин [1, с. 105].

Анализ технологических графиков выполнения преобразования показал, что наиболее приемлемым случаем является вариант с вывозным режимом, то есть когда обращаются вывозные локомотивы. На рис. 3, а

и 3, б показаны варианты поездного положения на станции преобразования в зависимости от схемы блок-поезда и очередности поступления одинарных составов.

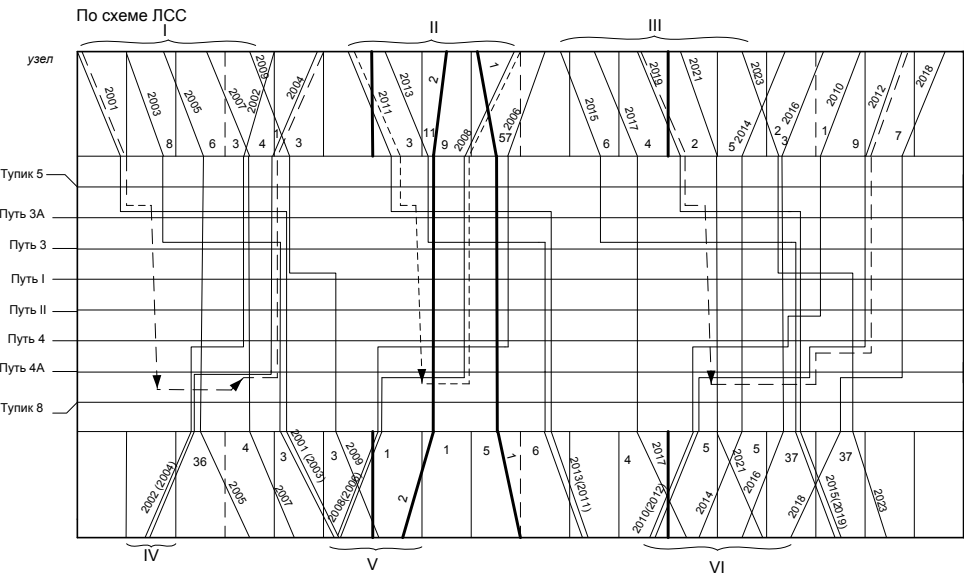

Рис. 3, а. Варианты поездного положения на станции преобразования
————— — пассажирский поезд; ————— — грузовой поезд; — блок-поезд;
- - - - - — вывозной локомотив; III — номер варианта

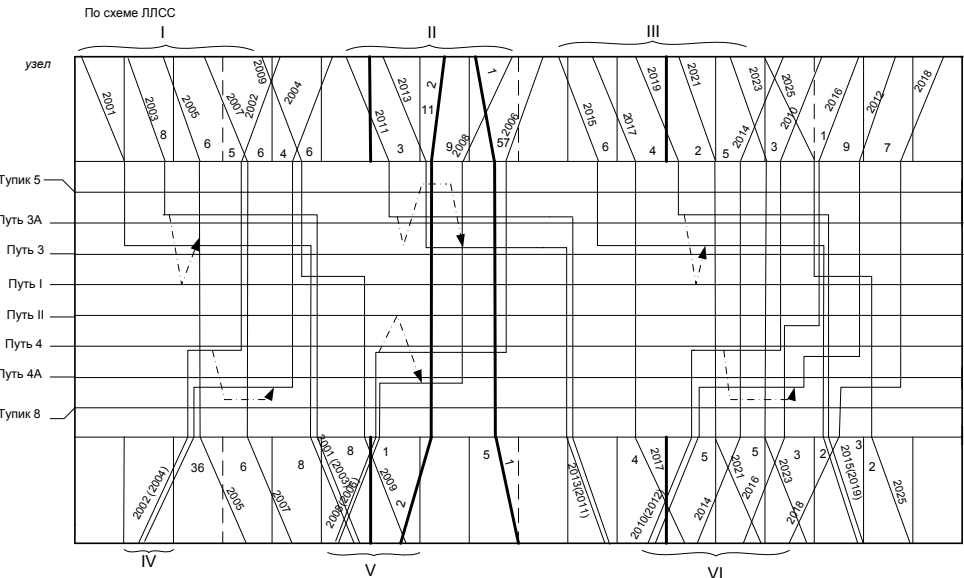

Рис. 3, б. Варианты поездного положения на станции преобразования
————— — пассажирский поезд; ————— — грузовой поезд; — блок-поезд;
- - - - - — поездной локомотив; III — номер варианта

Время занятия удлинённого пути одним блок-поездом под операциями формирования и расформирования (с учетом (10)–(13) и технологических графиков [1, с. 99–105; 9] составит соответственно:

при формировании —

$$t_{з(ЛК)}^{\Phi} = t_{с(ЛК)} + \frac{(n_c - 1)(1440 - T_{\text{тех}})}{n_c \cdot P_{\text{бп(ЛК)}}(1 - P_{\text{т}} - P_{\text{т}}^{\text{yc}} - P_{\text{п}} - P_{\text{н}})N_{\text{гр}}L_{\text{сп}}(1 - P_{\text{отк}})} + I_{\text{р}}, \text{ мин}, \quad (14)$$

при расформировании —

$$t_{з(ЛК)}^{\text{р}} = t_{\text{рф(ЛК)}} + \left\{ \frac{N_{\text{пс}}[(1 - \Delta)t_{\text{гр}} + \tau_{\text{нп}}] + N_{\text{гр}}^{\text{од}}I_{\text{р}}}{N_{\text{бп}}} \cdot \frac{I_{\text{р}}(N_{\text{гр}}^{\text{од}} + \varepsilon_{\text{пс}}N_{\text{пс}})}{1440 - T_{\text{тех}} - I_{\text{бп}}N_{\text{бп}}} + I_{\text{р}} \right\} - t'_{\text{рф}}, \text{ мин}, \quad (15)$$

где $t_{с(ЛК)}$ — «чистое» время, необходимое на операции по соединению составов, подцепки локомотивов, опробование тормозов и отправление блок-поезда на перегон, при схеме ЛЛСС — 32,1 мин [1, с. 99–101], при ЛСС — 24,1 мин [1, с. 103–104]; $t_{\text{рф(ЛК)}}$ — общая продолжительность операций по расформированию блок-поезда, при схеме ЛЛСС — 34,6 мин [1, с. 102], при ЛСС — 32,1 мин [1, с. 105]; $L_{\text{к}}$ — число секций локомотивов в одной тяговой позиции.

Если величина, заключенная в фигурных скобках (15), становится отрицательной, то ее принимают равной нулю. Общее время занятия удлинённых путей станции преобразования будет представлять сумму продолжительности операций по формированию (расформированию) всех блок-поездов с соответствующими схемами (ЛЛСС, ЛСС), поступающих на данную станцию за сутки:

$$T_3^{\Phi} = \sum_{n_c=2}^{n_c=n_{\text{доп}}} \sum_{\text{ЛК}=2}^{\text{ЛК}=K_{\text{доп}}} N_{\text{бп(ЛК)}} \cdot t_{з(ЛК)}^{\Phi}; \quad T_3^{\text{р}} = \sum_{n_c=2}^{n_c=n_{\text{доп}}} \sum_{\text{ЛК}=2}^{\text{ЛК}=K_{\text{доп}}} N_{\text{бп(ЛК)}} \cdot t_{з(ЛК)}^{\text{р}}, \text{ мин}. \quad (16)$$

Приближенное значение числа удлинённых путей по направлениям движения (технологическим операциям) можно получить из следующего выражения:

$$m_{\text{уд.п}} = \frac{T_3}{1440 - T_{\text{тех}}}, \text{ путь}. \quad (17)$$

Пропускная способность удлинённого пути станции преобразования:

$$N_{\text{уд.п}} = \frac{1440 - T_{\text{тех}}}{t_3^{\text{cp}}} = \frac{N_{\text{бп}}}{\alpha_{\text{исп}}^{\text{уд.п}}}, \text{ поезд / сут}, \quad (18)$$

где t_3^{cp} — средняя продолжительность занятия пути блок-поездом, мин; $\alpha_{\text{исп}}^{\text{уд.п}}$ — степень использования удлинённых путей.

Степень использования удлинённого пути на станции преобразования зависит от преобразуемого поездопотока (рис. 4). Так, увеличение доли формируемых блок-поездов свыше 60–70 % от общего поездопотока, достигающего по величине в исходном состоянии 100–140 пар, потребует сооружения на станции преобразования второго пути двойной длины в каждом направлении движения.

Таким образом, удлинённые приемо-отправочные пути на технических станциях и предузловые станции преобразования блок-поездов являются

необходимой составной частью технической основы организации совместного пропуска поездов различных весовых категорий.

Для организации стабильного пропуска поездов повышенной массы и длины совместно с поездами других весовых категорий необходимо иметь на определенной части станций направления удлиненные приемо-отправочные пути. В первую очередь удлиненные пути должны иметь технические станции (1050–1250 м), обгонные пункты и станции преобразования (двойной длины — 1700 м и более).

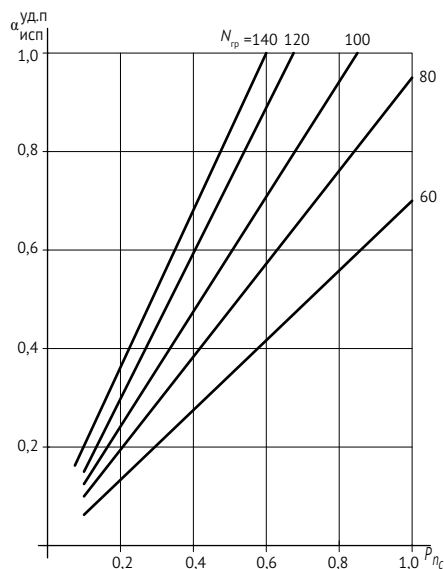

Рис. 4. Зависимость степени использования одного удлиненного пути на станции преобразования от величины доли блок-поездов в общем поездопотоке в одном направлении движения

Для организации обращения блок-поездов необходимо иметь удлиненные станционные пути, на которых производятся преобразования одинарных поездов в блок-поезда и обратно. Для этой цели целесообразно использовать предузловые станции,

ограничивающие участок обращения блок-поездов. Конструкция предузловых станций преобразования должна обеспечивать соединение и разъединение блок-поездов со схемами ЛСС и ЛЛСС (то есть при постановке локомотивов в голову блок-поезда). Расстояние между станцией преобразования и узловой технической станцией, ограничивающей участок обращения блок-поездов, не должно превышать при размерах суточного движения 90–100 пар грузовых поездов и 20–30 пар пассажирских по максимуму 9,6–15,3 км и по минимуму 4 ($I_p = 8$ мин) — 10,6 ($I_p = 10$ мин) км.

Работа пунктов преобразования может быть организована по двум вариантам: поезвному и вывозному. Поездной принцип заключается в том, что в процессе преобразования блок-поездов участвуют только поездные локомотивы, следующие в голове блок-поезда или одинарных составов. Вывозной принцип предусматривает наличие определенной группы локомотивов, обращающихся между предузловой станцией преобразования и узлом. Работу станций преобразования целесообразно организовывать по вывозному принципу.

Расчет потребного числа путей двойной длины на станциях преобразования и выбор принципиальных схем путевого развития этих станций показал, что для формирования блок-поездов один удлиненный станционный путь должен обеспечивать пропуск от 31 до 35 блок-поездов в зависимости от расстояния между станцией преобразования и узлом, размеров движения грузовых и пассажирских поездов по участку и доли блок-поездов в общем потоке. Пропускная способность удлиненного пути, на котором осуществляется разъединение составов, составляет 24–41 блок-поезд. При вывозном принципе соответственно 35 и 41, при поездном — 31 и 24 [8, 9]. ■

Литература

1. Плахотич С. А. Технико-технологические параметры железнодорожных направлений в условиях параллельных норм массы и длины грузовых поездов : монография. — Екатеринбург : УрГУПС, 2011. — 172 с. ISBN 978-5-94614-180-2.
2. Фролова И. С. Формализация задачи организации параллельного обращения поездов разной категории и норм массы и длины // Транспорт XXI века: исследования, инновации, инфраструктура : материалы науч.-техн. конф., посв. 55-летию УрГУПС : в 2-х т. / Уральский государственный университет путей сообщения. — Екатеринбург, 2011. — Вып. 97 (180), т. 1. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — С. 1042–1050.
3. Макарович А. М., Дьяков Ю. В. Использование и развитие пропускной способности железных дорог // Новое в жизни, науке, технике (Сер. : Транспорт). — М. : Знание, 1985. — № 12. — 64 с.
4. Макарович А. М. Пути повышения пропускной способности транспортных систем (повышение пропускной способности железных дорог и интенсификация поездной работы) // Итоги науки и техники (Сер. : Железнодорожный транспорт). — 1987. — Т. 15. — С. 3–70.
5. Сотников И. Б. Взаимодействие станций и участков железных дорог — М. : Транспорт, 1985. — 270 с.
6. Инструкция по определению станционных и межпоездных интервалов : Утв. Глав. упр. движ. МПС, № ЦД/3732 : Введ. 11.01.79 взамен ЦД/2702 от 20.04.70. — М. : Транспорт, 1980. — 32 с.
7. Павловский И. Г., Перминов А. С., Чернюгов А. Д. Организация движения соединенных поездов. — М. : Транспорт, 1977. — 128 с.
8. Плахотич С. А. Пропускная способность двухпутных участков в условиях обращения грузовых поездов различной массы и длины // Вестник УрГУПС, 2009. № 3–4. С. 48–55. ISSN 2079–0392.
9. Плахотич С. А. Обеспечение пропуска грузовых поездов различной категории по массе и длине на основе использования предузловых станций преобразования // Транспорт Урала, 2012. № 1 (32). С. 85–92. ISSN 1815–9400.

References

1. Plakhotich S. A. Tekhniko-tekhnologicheskie parametry zheleznodorozhnykh napravleniy v usloviyakh parallelnykh norm massy i dliny gruzovykh poezdov [Technical and technological parameters of railway lines with parallel mass and length standards of freight trains] : Monograph. — Ekaterinburg : USURT, 2011. — 172 p. ISBN 978-5-94614-180-2.
2. Frolova I. S. Formalizatsiya zadachi organizatsii parallelnogo obrashcheniya poezdov raznoy kategorii i norm massy i dliny [Formalization of the task of organizing parallel circulation of trains of different categories and mass and length standards] // Transport XXI veka: issledovaniya, innovatsii, infrastruktura. Proceedings of the Scientific Conference dedicated. To the 55th anniversary of USURT : in 2 volumes / Ural State University of Railway Transport. — Ekaterinburg, 2011. — Issue 97 (180), Vol 1. — 1 CD (CD-ROM). — P. 1042–1050.
3. Makarochkin A. M., Dyakov Yu. V. Ispolzovanie i razvitie propusknoy sposobnosti zheleznykh dorog // [Utilization and development of railway lines capacity] // Novoe v zhizni, nauke, tekhnike (Series : Transport). — M. : Znanie, 1985. — № 12. — 64 p.
4. Makarochkin A. M. Puti povysheniya propusknoy sposobnosti transportnykh sistem (povyshenie propusknoy sposobnosti zheleznykh dorog i intensifikatsiya poezdnoy raboty) [Ways to improve the capacity of transport systems (increase of rail capacity and intensification of train operation)] // Itogi nauki i tekhniki (Series : Rail transport). — 1987. — Vol. 15. — Pp. 3–70.
5. I. B. Sotnikov Vzaimodeystvie stantsiy i uchastkov zheleznykh dorog [Interaction of stations and railway lines] — M. : Transport, 1985. — 270 p.
6. Instructions for determining station and inter-train intervals: Approved by the Chief Traffic Directorate of the Ministry of Railways № TSD/3732 : Introduced on 11/01/79 instead of TSD/2702 of 20/04/70 — M. : Transport, 1980. — 32.

7. Pavlovsky I.G., Perminov A.S., Chernyugov A.D. Organizatsiya dvizheniya soedinennykh poezdov [Organization of connected train traffic]. — M. : Transport, 1977. — 128 p.
8. Plakhotich S.A. Propusknaya sposobnost dvukhputnykh uchastkov v usloviyakh obrashcheniya gruzovykh poezdov razlichnoy massy i dliny [Capacity of double-track sections in circulation of freight trains of various weight and length] // Herald of USURT, 2009. № 3–4. Pp. 48–55. ISSN 2079–0392.
9. Plahotich S.A. Obespechenie propuska gruzovykh poezdov razlichnoy kategorii po masse i dline na osnove ispolzovaniya preduzlovykh stantsiy preobrazovaniya [Organization of passage of freight trains of different weight and length categories based on the use of pre-junction conversion stations] // Transport of the Urals, 2012. № 1 (32). Pp. 85–92. ISSN 1815–9400.

Статья сдана в редакцию 20 июля 2013 года

Управление. Экономика

УДК 304.9

Е. П. Пьяных, М. Г. Тарасян, И. В. Неуймина

Ценностные ориентации студенческой молодежи

UDC 304.9

E. P. Pyanykh, I. V. Neuyimina, M. G. Tarasyan

Value orientations of student youth

Аннотация

Статья является исследовательской работой, цель которой — выявить структуру терминальных ценностей современной студенческой молодежи.

Анализ ценностных ориентаций данной социальной категории актуален в первую очередь тем, что дает возможность выявить (прогнозировать) тенденции социальных изменений. Выбранные молодежью социальные ориентиры и ценности во многом определяют будущее экономическое и социально-политическое развитие общества.

Основная идея статьи: экономические и социально-политические процессы, происходящие в обществе в первое десятилетие XXI века, неизбежно отражаются на жизненных целях молодежи, формируя соответствующие ценностные ориентации. Основные выводы состоят в следующем: отмечается сдвиг показателей в сторону снижения политической активности молодежи к 2013 г. по сравнению с 2000 г., выявлена тенденция к снижению значимости института семьи; в 2013 году сфера образования у студентов занимает по важности последнее (третье) место; наиболее важные терминальные ценности студентов: «достижения», «высокое материальное положение», «сохранение собственной индивидуальности», «креативность», «духовное удовлетворение».

Авторы анализируют данные изменения в экономическом, политическом и социокультурном контексте, пытаясь выявить их причины.

Ключевые слова: терминальные ценности, саморазвитие, креативность, собственный престиж, социальная активность, достижение, духовность, индивидуализм.

Summary

The paper is a research effort aimed at identification of the structure of terminal values of contemporary young students.

Analysis of value orientations of this social category is relevant first of all because it gives an opportunity to identify (predict) social change trends. Social goals and values selected by youth largely determine the future of economic and socio-political development of the society.

The main idea of the paper: economic and socio-political processes taking place in society in the first decade of the XXI century are bound to affect the life goals of young people, creating the appropriate value orientations. The main conclusions are as follows: the values are shifting towards reduction of political activity of young people in 2013 compared to 2000; a trend is revealed towards decrease of the importance of the family; in 2013, the field of education ranks last (third) for the students in terms of importance; the most important terminal values of students appear to be in the following order: «achievements», «high financial position», «preservation of own individuality», «creativity», «spiritual satisfaction».

The authors analyze the changes in economic, political and social context, trying to reveal the causes.

Keywords: terminal values, self-development, creativity, own prestige, social activity, achievement, spirituality, individualism.

Елена Павловна Пьяных, канд. философ. наук, доцент; кафедра философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: lena.cogito@yandex.ru.

Мария Георгиевна Тарасян, ст. преподаватель; кафедра философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: tarasyan.mariya@yandex.ru.

Ирина Васильевна Неуймина, ст. преподаватель; кафедра философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: niv123@rambler.ru.

Elena Pavlovna Pyanykh, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: lena.cogito@yandex.ru.

Maria Georgievna Tarasyan, Senior Lecturer, Department of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: tarasyan.mariya @ yandex.ru.

Irina Vasilievna Neuyimina, Senior Lecturer, Department of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: niv123@rambler.ru.

Выбранные молодежью социальные ориентиры и ценности во многом определяют будущее экономическое и социально-политическое развитие общества. Именно молодому поколению предстоит решать возникающие в обществе проблемы. От того, каких принципов, норм и ценностей оно придерживается, во многом зависит успех или неудача предпринимаемых в стране реформ.

По результатам множества предыдущих социологических опросов и психологических исследований можно проследить четкую взаимосвязь ценностных ориентаций с социальными условиями, в которых функционирует молодая личность.

Так, в 50-х–начале 60-х годов XX века молодежь, отвечая на вопрос о составляющих счастья, на первые места выдвигала любимую работу, желание любить и быть любимым, уважение окружения. В 80-х годах среди основных в системе ценностных ориентаций были выделены «политическая культура как важная ценность в формировании личности нового образца», «общественно-политическая активность как одна из важнейших ценностей советского человека», «искусство как средство ценностной ориентации личности», «труд как высшая ценность социалистического образа жизни».

К числу первых по важности жизненных ценностей, с точки зрения советской молодежи, принадлежали: стремление быть полезным обществу, иметь интересную творческую работу, заслужить уважение людей, любить и быть любимым и только после этого — материальное благосостояние; меньше всего ценилась спокойная жизнь, подчиненная собственным интересам слава. Центром всей системы ценностей, способом самоутверждения, совершенствования каждого человека была общественно полезная работа.

В настоящее время отмечается своеобразный мировоззренческий

надлом большинства российских граждан: утрата или размывание прежних духовных ценностей (коллективизм, патриотизм, труд на общественное благо, социальная справедливость, равенство и др.), личностной идентификации с социальными структурами, традиционной морали.

Общество старается выйти из этого состояния, свидетельством чего можно считать артикуляцию требований к государственной власти, возросшую гражданскую активность представителей среднего класса, попытки сформулировать национальную идентичность. Включенность России в глобализационные процессы, открытость западным идеалам и стандартам обусловили распространение либерально-рыночных ценностей: предприимчивость, инициатива, конкуренция, индивидуализм, свобода, права личности, равноправие и др. Человек, поставленный в новые экономические условия, не может более полагаться на всемогущее и всеблагое государство советского типа с системой бесплатных социальных благ. Рынок и конкуренция заставляют рассчитывать только на себя, рисковать, самостоятельно делать выбор и нести за него ответственность. Для человека, привыкшего к патронажу государства и надежной социальной страховке, личная свобода и ответственность являются в большей степени бременем, нежели условием развития и потому благом. Усвоение на этом фоне новых ценностей сопровождается противоречиями. Например, как сочетать индивидуальную свободу и креативность, либерализацию общественной жизни с необходимостью жесткого порядка и сильной руки, способной его навести?

На современном этапе ценности российской молодежи существенно изменились по сравнению с ценностями предыдущих поколений. В отсутствие четких морально-нравственных ориентиров и представлений о том, какого типа личность востребована

в современном российском обществе, ценностные ориентации молодежи развиваются во многом хаотически, находятся под противоречивым воздействием, с одной стороны, традиций народной культуры, а с другой, меняющихся социальных условий, неустойчивости, риска [1]. Поэтому необходимо понять, что для молодых людей сегодня является важным, каковы их жизненные ценности.

Объект исследования — студенческая молодежь; эта социальная категория обладает рядом особенностей. Студенчество максимально организовано (включено в организованный образовательный процесс подготовки квалифицированных кадров); динамично, восприимчиво к новым веяниям и различным влияниям, быстро реагирует на любые изменения в различных сферах социума; инициативно и готово к освоению и выполнению новых социальных ролей; амбициозно, находится на стартовых позициях и потому неизбежно ориентировано на карьерный рост; настроено весьма критично по отношению к предыдущему и настоящему социальному опыту; обладает большей способностью к кооперации.

Предметом исследования являются терминальные ценности — основные цели человека. Они отражают долговременную жизненную перспективу, то, что он ценит сейчас и к чему стремится в будущем. Они определяют смысл жизни человека, указывают, что для него особенно значимо.

Исследование терминальных ценностей студенчества проводилось в два этапа. Первый этап исследования состоялся в 1999–2001 гг. (выборка — 130 чел.). Второй этап — 2013 год (120 чел.).

В исследовании применялась методика «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ) [2]. Опросник основан на теоретических положениях М. Рокича о структуре человеческих ценностей: жизненные сферы, в той или иной мере представленные

в жизни каждого человека, обладают для разных людей различной степенью значимости и в каждой из них реализуются различные для каждого человека желания и стремления, которые являются одним из компонентов направленности его личности.

Терминальные ценности, диагностируемые в опроснике

Собственный престиж (СПР) — завоевание своего признания в обществе путем следования определенным социальным требованиям.

Высокое материальное положение (ВМП) — обращение к факторам материального благополучия как к главному смыслу существования.

Креативность (КРЕ) — реализация своих творческих возможностей, стремление изменять окружающую действительность.

Активные социальные контакты (СОЦ) — установление благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, расширение своих межличностных связей, реализация своей социальной роли.

Развитие себя (РАЗ) — познание своих индивидуальных особенностей, постоянное развитие своих способностей и других личностных характеристик.

Достижения (ДСТ) — постановка и решение определенных жизненных задач как главных жизненных факторов.

Духовное удовлетворение (ДУХ) — руководство морально-нравственными принципами, преобладание духовных потребностей над материальными.

Сохранение собственной индивидуальности (ИНД) — преобладание собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, защита своей неповторимости и независимости.

Значимость для личности жизненных сфер: сфера профессиональной жизни (ПРЖ); обучения и образования (ООЖ); семейной жизни (СЕЖ); общественной жизни (ОБЖ); увлечений (УВЖ).

Результаты методики представлены в стандартизированной шкале — стенах. Показатели, находящиеся в пределах от 4 до 7 стен, считаются близкими среднему значению, от 1 до 3 — низкие значения, а от 8 до 10 — высокие. Имеются данные об удовлетворительной надежности опросника (коэффициент надежности ретестовой — 0,52–0,77;

коэффициент надежности частей теста — 0,71–0,87), а также валидности конструктивной и валидности критериальной.

Результаты исследования значимости жизненных сфер студентов представлены в таблице 1 и на рис. 1. В таблице 2 и на рис. 2 представлены результаты исследования показателей терминальных ценностей.

Таблица 1

Результаты исследования
показателей значимости жизненных сфер студентов

Показатель	Среднее значение, 2000 г.	Среднее значение, 2013 г.	<i>t</i> -статистика	<i>t</i> критическое двухстороннее
ПРЖ	7,15	7,12	0,14	1,97
ООЖ	7,14	6,50	2,08*	1,97
СЕЖ	7,44	7,08	1,40	1,97
ОБЖ	7,86	7,41	1,80	1,97
УВЖ	6,85	6,83	0,05	1,97

*Статистически достоверные различия; $p = 0,05$.

Таблица 2

Результаты исследования показателей терминальных ценностей студентов

Показатель	Среднее значение, 2000 г.	Среднее значение, 2013 г.	<i>t</i> -статистика	<i>t</i> критическое двухстороннее
СПР	5,94	6,07	0,45	1,97
ВМП	7,98	8,08	0,53	1,97
КРЕ	6,30	5,28	3,86*	1,97
СОЦ	6,73	6,39	1,30	1,97
РАЗ	7,01	6,91	0,43	1,97
ДСТ	8,12	8,15	0,15	1,97
ДУХ	5,75	5,64	0,40	1,97
ИНД	7,62	6,93	2,40**	1,97

* $p = 0,01$; ** $p = 0,05$.

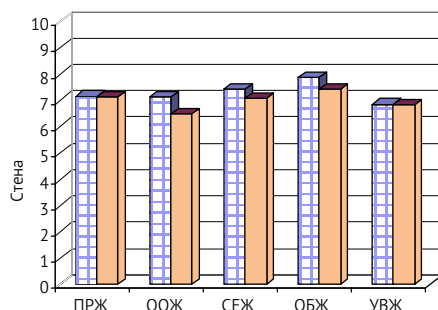

Рис. 1. Значимость
жизненных сфер студентов
■ — среднее значение, 2000 г.;
■ — среднее значение 2013 г.

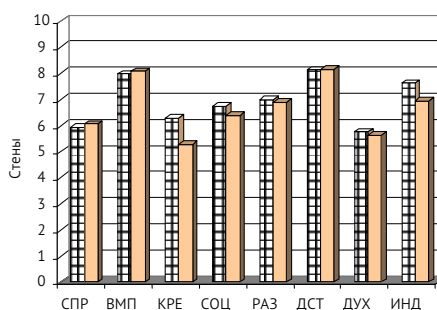

Рис. 2. Терминальные
ценности студентов
■ — среднее значение, 2000 г.;
■ — среднее значение 2013 г.

Для выявления статистических различий показателей методики между выборками использовался *t*-критерий Стьюдента. Так как результаты представлены в стандартизированной шкале (стенах), то предварительной проверки на нормальность распределения не требовалось.

Жизненные сферы

По результатам методики ясно видно, что для студентов сфера общественной жизни является наиболее важной. Высокий балл по данному показателю отражает высокую значимость для человека проблем жизни общества. Такие люди, как правило, быстро вовлекаются в общественно-политическую жизнь; степень же включенности или невключенности молодежи в политические процессы во многом определяет и общую политическую ситуацию в стране.

Во все времена студенчество было и считалось наиболее политически активной частью общества. В 2011 году в основном студенты и пользователи социальных сетей повлияли на смену власти в странах Северной Африки (Тунис, Марокко, Йемен, Ливия). В нашей стране, по данным эксперта Левада-Центра Н. Зоркой, более 60% участников протеста на Болотной площади и проспекте Сахарова (*декабрь 2011 года — прим. авт.*) — молодые люди до 40 лет, 12% — студенты.

Вовлечение молодых людей в новые социальные связи и взаимодействия (учеба, работа, армия, ориентация на карьерный рост), приобретение нового социального опыта с необходимостью приводит к перераспределению жизненных ценностей в сторону общественно-политического участия. Можно назвать это политическим пробуждением вследствие осознания того факта, что реализация личных жизненных планов в немалой степени зависит от условий и гарантий, предоставленных государством и обществом.

Еще одним фактором, повлиявшим на увеличение значимости сферы общественной жизни, можно считать развернувшиеся в СМИ, социальных сетях дискуссии на актуальные темы, включая будущее России, необходимость реформ в экономической и социально-политической сферах, права и свободы, национальную идею и др.

Отметим сдвиг показателей в сторону снижения политической активности молодежи в 2013 году по сравнению с 2000 годом. За последний год фиксируется спад протестных настроений в российском обществе; причина — стабилизация ситуации после выборов, преодоление кризиса легитимности и доверия к власти, устаревание выборной тематики, реформы политической системы [3].

Социологи фиксируют падение доверия населения к властным институтам, поскольку последние не нашли решения наиболее важных и болезненных общественных проблем [4]. Политическая либерализация оказалась фиктивной, громкие инициативы власти не привели к системным изменениям. Столь желанная на рубеже XX–XXI вв. экономическая и политическая стабильность воспринимается в обществе как очередная застой, диалог власти и общества так и не налажен, социальные лифты для молодого поколения практически не работают, возможности сделать карьеру только личными усилиями и заслугами скованы клановыми, патронажно-клиентальными отношениями, бюрократическая истерия набирает обороты, коррупция не обуздана, права личности и бизнеса не гарантированы, реформы (пенсионная, избирательная) не закончены, объединяющая идея не найдена. Политика носит большей частью непубличный характер, решения по важнейшим вопросам социальной жизни принимаются в высших эшелонах власти безо всякого обсуждения с обществом.

Необходимо также отметить, что различные социальные группы российского общества (в том числе и молодежь) не имеют достаточных ресурсов, чтобы влиять на политику. У большинства граждан преобладает пассивная, конформистская позиция, отсутствует опыт взаимодействия со структурами гражданского общества, сами эти структуры слабо противодействуют произволу власти и не готовы к конструктивному диалогу с государством.

Свою роль сыграло и ужесточение наказаний за организацию и участие в несанкционированных акциях, а также за нарушение правил поведения на акция разрешенных.

Несмотря на эпизодический интерес к политике, студенческая молодежь обладает определенным потенциалом. Она свободна от тоталитарного страха, скептически в оценках настоящего, не укоренена в политической или экономической системе (не связана специфическими интересами (власть, бизнес)). Роль сторонних наблюдателей не для данной категории. Потребность в изменении существующего порядка вещей диктуется молодежными предпочтениями в сфере политики: свободное общество, демократия свобода выбора, слова, мнений.

Социально-политический потенциал молодежи может и должен быть реализован. Самостоятельные организации, молодежные крылья при партийных структурах («Молодая гвардия», «Идущие вместе», «Наши» и др.), различные форумы существуют в сегодняшней России. Но в силу указанных причин подобные варианты не всегда адекватны молодежным запросам. Недоверие к институализированным политическим структурам заставляет молодых людей искать политически неангажированные формы социально-политического влияния. Например, в последние годы большое распространение получило волонтерское движение,

вдохновителем и движущей силой которого стала именно студенческая молодежь. Помощь детским домам, людям, пострадавшим от стихийных бедствий, «Синие ведерки», наблюдатели на выборах, экологические движения, независимая журналистика и другие варианты свидетельствуют, что гражданское общество в лице молодежи себя осознало.

Возрождение движения студенческих отрядов, организация разнообразных флэш-мобов, интернет-активность, участие в соответствующих блогах и форумах — все это свидетельствует о несомненном интересе и потребности молодых людей в обсуждении и включении в общественную жизнь. Интернет (Рунет) стал сферой живой политической рефлексии для молодежной аудитории. Разнообразные социальные сети, с одной стороны, вызывают социальную активность молодежи, с другой, учат этой активности и формам ее реализации.

Отчуждение молодежи от политической сферы, лишение ее законных возможностей влиять на процессы, происходящие в обществе, может повлечь, как минимум, социальную апатию, как максимум, незаконные формы политического участия. И то и другое представляет серьезную опасность как для реализации демократических перспектив (нежелание, неготовность к переменам), так и для политического режима в целом («цветные революции»).

Второе место по значимости у студентов занимает сфера семейной жизни.

Значимость семейной сферы ожидается: семья — это традиционная ценность, передающаяся из поколения в поколение. Создание семьи входит в жизненные задачи большинства старшекурсников, что говорит о наступающей зрелости.

Однако также отмечается тенденция к снижению значимости института семьи для студентов.

Действительно, институт семьи и брака, особенно в традиционном формате, давно уже находится в глубоком кризисе. Это не только российская особенность — западное общество переживает этот кризис уже почти сорок лет. Причины этого обычно усматриваются социологами во внешних факторах, которые носят универсальный характер. Не имея возможности останавливаться на данном вопросе подробно, назовем основные из них. Во-первых, это активно внедряемые в последние десятилетия либеральные ценности индивидуализма и свободы: нарастающая индивидуализация, атомизация индивидов, сопровождающаяся ограничением личного пространства, эгоизмом в сочетании со слабой культурой консенсуса. Общество потребления и рынков смещают интересы и ценности современной молодежи в сторону получения разнообразных удовольствий, развлечений, потребления, что само по себе не требует персональной ответственности. Создание семьи — ответственный шаг, требующий кроме экономической базы значительных усилий и определенных качеств личности, работы по установлению внутрисемейных коммуникаций и т.п.

Во-вторых, освобождение современной семьи от институционализированных форм (брак). Желание сохранить личную свободу (в том числе и свободу выбора партнера) привело к распространению так называемого гражданского брака. Нынешняя молодежь стала жертвой подмены понятий, называя гражданским браком обычное сожительство, практически ни к чему не обязывающее*. Легкость создания и распада таких гражданско-брачных союзов свидетельствует о неготовности нести юридическую ответственность за семейные отношения перед обществом. Хотя семья и является личной сферой, между тем она была и остается

ячейкой социума, воспроизводящей и воспитывающей будущих членов этого общества. Это сфера воспроизводства общества в целом. С одной стороны, современная молодежь это понимает, с другой, пытается сузить сущность семьи до сугубо интимной сферы, свободной от общественных уз.

Распространение в нашей стране информации об альтернативных формах брака также не способствует сохранению традиционных семейных установок. Гостевой брак, шведская семья, не узаконенные в нашей стране формы однополых браков вызывают в обществе отношение весьма неоднозначное отношение, заставляя молодых включаться в соответствующие дискуссии.

В-третьих, изменение ролевой структуры современной семьи. Традиционные роли — мужчина-кормилец, женщина-хранительница домашнего очага — не выдерживают натиска изменившихся социальных условий. Женщины все более вовлечены в разнообразные социальные взаимодействия, ориентированы на карьеру, успех, признание. Роль матери принимает эпизодический характер, важнейшая функция семьи ставится под вопрос. Мужчина же, освобожденный от роли добытчика, совсем не обязательно с этим смирится. Разрушение традиционных гендерных установок затрудняет процесс самоопределения молодежи на этапе планирования семьи и способно стать причиной ее краха.

Снижает ориентацию на создание семьи также неуверенность в будущем, утрата базовых ценностей, необходимых для воспитания детей и создания межпоколенческих связей, расшатывание традиционных моральных норм, последствия сексуальной революции.

Кроме того, институт семьи не конкурентоспособен в сравнении с Интернетом, СМИ, поэтому сложно го-

*Гражданский брак оформляется в соответствующих органах государственной власти, без участия церкви.

ворить об его определяющем влиянии в процессе социализации.

Если данные тенденции сохранятся, то в ближайшем будущем можно ожидать только дальнейшего упадка института семьи и брака, что неизбежно скажется на демографической и моральной ситуации в обществе.

Сфера обучения и образования. Высокий балл по данному показателю отражает стремление человека повышать уровень своей образованности, расширять кругозор. Такие люди считают, как правило, что самое главное в жизни — это учиться и получать новые знания. Результаты по данной шкале у студентов лежат в области средних значений. К 2013 году значимость сферы обучения и образования для студентов достоверно снизилась по сравнению с 2000 годом. Причем в 2013 годом сфера образования у студентов занимает по важности последнее место. Можно констатировать падение в молодежной среде престижа образования, что связано не в последнюю очередь с его общедоступностью. По данным доклада «Взгляд на образование. 2012 год», подготовленного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в России людей с высшим образованием больше, чем в других развитых странах. В среднем по «Большой двадцатке» высшее образование имеют 26 % людей в возрасте от 25 до 64 лет. У партнеров России по БРИКС (организация, включающая Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР) их доля не превышает 11 %, а в России уже в 2002 г. 54 % взрослого населения имело высшее образование. За прошедшее десятилетие выпуск специалистов из российских вузов вырос в 1,6 раза — с 900 тысяч до полутора миллионов [5].

В настоящее время наличие высшего образования стало социальной нормой. Это привело к избыточности дипломированных людей

по отношению к рыночным запросам квалифицированных кадров в различных отраслях. Как минимум половина выпускников работает не по полученной в вузе специальности, а каждый четвертый выпускник вуза в стране занимается работой, не требующей высшего образования. Это означает девальвацию общественных и личных ресурсов, вложенных в таких выпускников.

Проблемы трудоустройства выпускников вузов существовали и в советское время. Однако система распределения выпускников вузов гарантировала трудоустройство большинству специалистов. Система среднего профессионального образования (техникумы и профтехучилища) была ориентирована на подготовку рабочих кадров для промышленных предприятий. Современная система образования практически не учитывает запросы рынка — налицо перепроизводство одних кадров (экономисты, юристы, менеджеры и др.) и хроническая нехватка других.

Одной из ключевых проблем в данной ситуации является отсутствие эффективной системы профориентации молодежи. Не секрет, что выбор вуза, направления подготовки или специальности для многих выпускников школ случаен. Как следствие — разочарование, необходимость переквалифицироваться, а это новые затраты. Система гибкого обучения, принятая во многих западных странах, в России не развита. Общепринятым трендом является откладывание выбора профессии на более поздний возраст (20–23 года), когда человек может делать свой выбор самостоятельно и осознанно. В нашей стране профессиональное самоопределение начинается в профильных классах, то есть в 13–14 лет.

Отсутствие перспектив и эффективных социальных лифтов для выпускников вузов заставляет многих из них искать варианты трудоустройства в других странах.

Образовательные реформы, осуществляемые в России уже второе десятилетие, также не способствует росту престижа образования. Реализация важнейшей цели образовательного процесса — подготовка современного мобильного, ответственного, инициативного, компетентного профессионала и гражданина — противоречит средствам ее достижения (сокращение учебных часов, внедрение тестовых методик, натаскивание на тестовый результат, большой объем самостоятельной работы, выполняемый исключительно благодаря Интернету и т.п.). Заявленные в ГОСах компетенции бакалавров, специалистов и магистров не формируются должным образом, в результате уровень образованности выпускников вузов часто оказывается ниже требований, предъявляемых работодателями и обществом в целом.

Итог: число россиян с дипломами резко контрастирует с результатами научных достижений; технологическое отставание нашей страны от европейских стран, США — общепризнанный факт.

Поэтому нет ничего случайного в том, что сфера образования занимает последнее место по важности в шкале жизненных сфер: связывать большие надежды исключительно с получением диплома выпускникам вузов не приходится.

Наиболее важной терминальной ценностью для студентов является ценность «достижения». Высокий балл по этому показателю говорит о стремлении человека к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни. Такие люди, как правило, тщательно планируют свою жизнь, ставят конкретные цели на каждом ее этапе и считая, что главное — добиться этих целей. Сегодняшняя молодежь в массе своей — это амбициозные люди, направленные на достижение результатов.

Однако понятие «достижения» не обязательно связано с трудом и про-

фессиональной карьерой, а с иными успехами (общественная деятельность, спорт, увлечения). И здесь обнаруживается еще одна важная проблема: в современном российском обществе совершенно отсутствует важнейшая ценность производительного труда. Здесь Россия находится в общемировом тренде: в развитых странах вместо трудовой деятельности на первый план выходит свободное время, индивиду предлагается реализовать свою активность не в производстве, а в потреблении и развлечениях. Современное российское общество по уровню развития является все-таки индустриальным, а навязанная система ценностей в большей степени соответствует постиндустриальному обществу. В обществе индустриального типа ценность труда есть ценность производства, а человек определяется прежде всего как трудовой ресурс, чья ценность зависит от того, сколько можно из него «выжать» ради приумножения материальных благ и общественной прибыли. Постиндустриальное общество ориентировано на удовлетворение потребностей работника в самореализации, общественном признании. Ориентация на достижения может привести к противоречию: от выпускника вуза потребуются исключительно профессиональная эффективность, не предполагающая самовыражения и признания.

На втором месте у студенчества такая терминальная ценность, как «высокое материальное положение». Высокий балл по данному показателю отражает стремление человека к максимальному уровню своего материального благосостояния. Такие люди часто бывают убеждены в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия. Причем к 2013 году значимость данного показателя возрастает, не достигая критических величин. Таким образом, можно говорить о тенденции увеличения стремления

к материальному благополучию среди студенчества.

Постиндустриальное общество, ценности которого преобладают в настоящее время в нашей стране, диктует стремление к зарабатыванию денег не столько ради достижения материального благосостояния, сколько ради определенного статуса. Высокое материальное положение — признак конкурентоспособности личности, ее востребованности и признания. Это позитивно. Но настораживает, что молодые люди не соотносят данную ценность с трудом и с образованием. Это негативно.

Во времена СССР сдержанность в материальном плане считалась достоинством. Постиндустриальное общество ставит на первый план получение удовольствия. Люди хотят получать радость от удовлетворения своих желаний. Неограниченное удовлетворение — в соответствии с навязанными обществом же нормами — потребностей преподносится СМИ как модель нормального, естественного, единственно правильного человеческого поведения*.

У людей фактически исчезла моральная заинтересованность в труде. Между тем труд как основной способ самоутверждения человека в мире является нравственной ценностью. К сожалению, современная молодежь эту ценность не осознает.

Необходимо отметить, что произошло падение значимости для студентов и такой терминальной ценности, как «сохранение собственной индивидуальности». Данная терминальная ценность выражается в стремлении человека к независимости от других людей. Такие люди, как правило, считают, что самое важное в жизни — сохранить неповторимость и своеобразие своей личности, своих взглядов, убеждений, своего стиля жизни, стремясь как можно меньше

поддаваться влиянию массовых тенденций. По этому показателю выявлены достоверные различия в сторону снижения значимости данной ценности к 2013 году.

Общество массового потребления характеризуется парадоксом: следование общепринятым стандартам стирает индивидуальность, а чтобы отличаться от других, нужно, опять же, следовать логике потребления («Обладание брендовой вещью выделит тебя из толпы»). В результате — поверхностный характер индивидуализации, ее смещение с внутренних духовных качеств во внешние (одежда, прическа, аксессуары, манеры и т.п.). Продукция масс-медиа также ориентирована на некий усредненный человеческий вкус. Поскольку вся жизнь и среда под влиянием рекламы, моды, разнообразных стандартов и технологий постоянно шаблонизируется, выделенность, индивидуальность более настораживает или даже пугает. Если сравнивать с временами СССР, то психология потребления тогда носила более индивидуализированный характер: обладать дефицитной вещью могли отдельные люди, что и отличало их от остальных. В настоящее время возможности следовать моде увеличились, это стало массовой тенденцией.

Еще один фактор, снижающий значение индивидуальности в российском обществе, — кризис идентичности. Молодой человек обязательно занят поиском социальной, национальной, психологической, гендерной, религиозной идентичности. Процессы глобализации и изменения, захватывающие все сферы общественной жизни, привели к росту социальной вариативности. Возникают новые социальные общности, социальные роли, виды деятельности, нормы и ценности. Повышенная социальная мобильность, размывание

*Данная ситуация восходит к 1990-м гг., когда материальное положение человека зачастую оказывалось не связанным с добросовестным трудом и не зависело от уровня образования.

прежних критериев социальной стратификации, ролевой идентификации ставят человека перед необходимостью постоянного самоопределения, выработки собственной индивидуальности и личностной идентичности.

В этих условиях личностная самоидентификация студенческой молодежи характеризуется неопределенностью, неустойчивостью, вариативностью, поскольку данная социальная группа в наибольшей степени восприимчива к социокультурным переменам и инновациям. Молодые люди, в отличие от своих родителей, оказываются в непростой ситуации: как остаться собой в меняющемся мире, устоять перед натиском СМИ, порождающим шаблоны и стереотипы, осознать свою индивидуальность, отличность от других. Многие выбирают вариант отождествления с группой, чему способствует и развитие интернет-коммуникаций, господство социальных сетей.

Наименее значимы для студенчества такие терминальные ценности, как «креативность» и «духовное удовлетворение».

Креативность выражается в стремлении человека к реализации своих творческих возможностей, внесению различных изменений во все сферы своей жизни, стремлении избегать стереотипов и разнообразить свою жизнь. Возможно, в нашем обществе радость творчества заменяется заботой о материальном благополучии. Причем к 2013 году ценность креативности у студентов достоверно снижается.

Общество потребления также навязывает массу стереотипов, которым молодой человек вынужден следовать. Большинство потребностей нынешней молодежи (и не только) носит исключительно утилитарный характер. Творчество же является процессом духовным, что требует определенных усилий. Проявление креативных качеств может привести к непониманию (зачем это?), конфликту (это ни-

кому не нравится, мешает, раздражает и т.д.). В этом смысле креативная личность всегда уязвима.

Аутсайдером у студентов является такая терминальная ценность, как «духовное удовлетворение», то есть руководство морально-нравственными принципами, преобладание духовных потребностей над материальными. Возможно, это связано с общим падением духовности в обществе, преобладанием материальной стороны жизни. Также стоит иметь в виду и слабую развитость духовной сферы в нашей стране. Доверие к религиозным институтам падает, актуальность достижений мировой и отечественной культуры для большинства молодых людей сомнительна. Засилье массовой культуры делает практически невозможным рефлексию по поводу «разумного, доброго, вечного».

По системе ценностей студенческой молодежи можно судить о взаимосвязи социальных явлений и тенденциях развития общества.

Наиболее важна (несмотря на некоторое снижение показателей значимости) для студентов сфера общественной жизни — это говорит о высокой общественно-политической активности данной социальной категории. На общественную сцену выходит поколение, для которого безразличны социально-политические перспективы. Молодежь активна и способна к изменениям. Речь идет не столько о политических переменах (молодые люди в массе своей аполитичны), сколько об изменениях в сфере гражданского общества.

О пробуждении «низовой» активности людей. Если государство заинтересовано в молодежи как активной социальной силе с артикулированной гражданской позицией, то его непосредственная задача — поощрять ее законные инициативы. Государству необходимо формировать новые общественные ожидания, взаимодействовать с рациональными об-

щественными группами. Молодежь, стоящая на пороге самостоятельной жизни, в первую очередь заинтересована в перспективах своего жизненного пути и потому может рассматриваться как такая группа.

Тревожным симптомом является падение значимости семейной сферы. Можно прогнозировать все большую свободу в выборе партнеров и меньшую степень ответственности за создание семейно-брачных связей. Влияние западной культуры, СМИ, фактическая пропаганда однополых связей ставит под угрозу традиционные семейные ценности и семью в целом. Между тем именно семья является главным институтом социализации. Утрата или неэффективное выполнение функций семьи чревато культурной деформацией будущих поколений, распадом межпоколенных связей, дальнейшей атомизацией индивидов.

Достоверно снизилась для студенчества значимость сферы обучения и образования. Образование является институтом успешной личностной и профессиональной социализации. Именно оно способно обеспечить рост социально-экономических ресурсов государства. К сожалению, образовательные реформы в нашей стране проводятся без какой-либо внятной идеологии. В угоду Болонскому процессу принесена едва ли не самая лучшая образовательная система мира. Студенческая молодежь ощущает себя подопытным кроликом, на котором бездумно апробируются западные образовательные технологии. При этом качество образования неуклонно снижается, ориентация на производительную деятельность отсутствует. Рынок труда и рынок образовательных услуг никак не коррелируют между собой. Ценность высшего образования утрачена: дипломированному специалисту (бакалавру) государство практически ничего не гарантирует, кроме принципа «крутись как можешь».

Нынешние студенты не считают высшее образование трамплином к успешной карьере и по той причине, что заработная плата у начинающего специалиста не соответствует жизненным притязаниям и амбициям. В России существуют серьезные ножницы между требованиями рынка и предлагаемым вознаграждением. Многие студенты имеют завышенные ожидания, несбыточность которых приводит к состоянию депривации (несовпадение «ценностных ожиданий» (блага и условия жизни, которые, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (блага и условия жизни, которые люди, как опять же им представляется, могут получить в реальности), разочарованию в избранной жизненной траектории.

Если говорить о ценности труда как такового, то необходимо закрепить эту ценность не на уровне деклараций и лозунгов, а на уровне соответствующих вознаграждений. Тогда понятие «социальная справедливость» избавится от нынешних деформаций, что снизит социально-политические риски.

Современная молодежь со студенческой скамьи ориентирована на личные достижения, особенно в материальном плане. От современных реалий уйти невозможно — общество потребления ориентирует именно на это. Можно прогнозировать дальнейшее моральное обнищание молодого поколения. Можно и обратиться к известной пирамиде потребностей А. Маслоу и вспомнить, что высшие потребности появляются у человека только после реализации низших. Поэтому вполне закономерно, что на первый план у молодых людей выходят потребности материального плана. Впрочем, это наше мнение, и оно может быть оспорено.

Невостребованность духовных ценностей обусловлена также и деморализацией современного искусства, отсутствием моральных

идеалов и национальной идеи, объединяющей людей, серьезными проблемами в нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения. Духовный вакуум, возникший в результате социальных перемен конца XX в. в нашей стране, заполнился ценностями потребительства, моды, глянца и гламура, что привело к отрицательными последствиям.

Таким образом, молодежное сознание определяется рядом объективных обстоятельств. Это сознание довольно противоречиво: важность вовлеченности в общественную сферу соседствует с аполитичностью; приоритет материальных благ не связан с ценностью труда и образования; потребность в изменении существующего порядка вещей не связывается с ценностями креативности и духовности; индивидуализм, столь уважаемый на либеральном Западе, не находит должного места

в системе ценностных предпочтений студенчества.

Поскольку социокультурные факторы являются определяющими в процессе формирования ценностных ориентаций человека, постольку любая личность — продукт своего времени. Нынешняя молодежь не желает начинать с нуля, трудиться за низкую заработную плату на одном энтузиазме. Не сочетает образование, престиж и профессионализм, не видит иных целей, кроме материального благополучия. Ориентированная сугубо прагматично, не замечает актуальности духовного. Не может соотносить ценности рынка и капитализма с общечеловеческими ценностями.

Современная молодежь со студенческой скамьи ориентирована на личные достижения. На первый план у молодых людей выходят потребности материального плана. Духовные ценности у молодого поколения не востребованы. ■

Литература

1. Волосков И. В. Особенности социализации учащейся молодежи // Социологические исследования, 2009. № 6. С. 107–109. ISSN 0132–1625.
2. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. НПЦ «Психодиагностика», Фонд гражданских инициатив «Содействие». Ярославль, 1991.
3. Подхомутникова М. В. Политическая активность молодежи как важный компонент политического процесса в России. URL: www.teoria-practica.ru (дата обращения: 6.06.2013).
4. Исходная позиция // Русский репортер. — 2012. — 10 дек.
5. Социологи измерили доверие к власти. URL: <http://Ng.ru> (дата обращения: 18.08.2013).
6. Взгляд на образование: индикаторы ОЭСР 2012. URL: <http://www.hse.ru> (дата обращения: 18.08.2013).

References

1. Voloskov I. V. Osobennosti sotsializatsii uchashcheyasya molodezhi [Socialization features of young students] // Sotsiologicheskie issledovaniya, 2009. № 6. Pp. 107–109. ISSN 0132–1625.
2. Senin I. G. Oprosnik terminalnykh tsennostey. [Terminal values questionnaire]. SPC «Psychoddiagnostika», Foundation for Civil Initiatives «Sodeystvie». Yaroslavl, 1991.
3. Podhomutnikova M. V. Politicheskaya aktivnost molodezhi kak vazhny komponent politicheskogo protsessa v Rossii. [Political activity of young people as an important part of the political process in Russia.] URL: www.teoria-practica.ru (date accessed: 6.06.2013).
4. Iskhodnaya pozitsiya [Starting position] // Russkiy reporter. — 2012. — December 10.
5. Sotsiologi izmerili doverie k vlasti. [Social scientists have measured credibility of the government.] URL: <http://Ng.ru> (date accessed: 18.08.2013).
6. Vzglyad na obrazovanie: indikatory OESR 2012. [Education at glance: OECD Indicators 2012.] URL: <http://www.hse.ru> (date accessed: 18.08.2013).

Статья сдана в редакцию 2 сентября 2013 года

УДК 330.341

Л. И. Васильцова, Н. А. Александрова

Корпоративные программы в системе социальной поддержки работников

UDC 330.341

L. I. Vasil'tsova, N. A. Aleksandrova

Corporate programs in employees social support system: analysis of the experience of domestic organizations

Аннотация

В статье рассмотрены важнейшие преобразования в системе социальной защиты населения России, которые связаны с переходом к страховой форме, предполагающей прямое и косвенное участие в формировании финансовой базы социального обеспечения государства, работодателей и работников, повышение их ответственности за решение социальных проблем.

Авторы рассматривают корпоративные социальные программы, в частности программы дополнительного пенсионного страхования как один из векторов развития социальной защиты населения РФ, отвечающее потребностям государств и граждан. Именно по этой причине крупнейшие российские организации — Газпром, ОАО «РЖД», ЛУКОЙЛ и др. — реализуют проекты корпоративных пенсионных программ, которые требуют научного анализа и обобщения. В этих условиях возникает необходимость исследования их опыта для решения проблем социальной защиты настоящих и бывших работников предприятий, развития рынка пенсионного страхования.

В работе определены инструменты реализации новых функций, связанных с перераспределением социальной нагрузки между различными поколениями, воспитанием социальной ответственности за свое будущее. Показано место корпоративной политики в системе социальной защиты работников.

Ключевые слова: социальная защита населения, корпоративная социальная политика, корпоративные программы, социальное страхование, реформа пенсионной системы, корпоративные пенсионные программы.

Summary

The paper addresses the most important changes in the social protection system of Russia, associated with the transition to insurance form, providing for direct and indirect involvement of the state, employers and employees in the formation of social security financial base, increasing their responsibility for solving social problems.

The authors consider corporate social programs, particularly supplementary pension insurance programs as one of the vectors of development of social protection in Russia that meets the needs of state and citizens. For that particular reason the largest Russian companies — Gazprom, Russian Railways OJSC, Lukoil and others implement corporate pension projects that require scientific analysis and synthesis. In this context, the need arises to study their experience to address the issues of social protection of current and former employees of enterprises, and the development of pension insurance market.

The paper defines the tools of implementation of new features associated with redistribution of social burden between generations, raising social responsibility for own future. The place of corporate policy in social protection of workers is shown.

Keywords: social protection, corporate social policy, corporate programs, social security, pension reform, corporate pension plans.

Людмила Ивановна Васильцова, д-р экон. наук, профессор; кафедра региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета; Екатеринбург, Россия. E-mail: vasiltsow2010@yandex.ru.

Надежда Анатольевна Александрова, канд. филос. наук, доцент; кафедра управления персоналом и социологии Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: ana1856@mail.ru.

Vasil'tsova Lyudmila Ivanovna, DSc in Economics, Professor, Department of Regional, Municipal Economy and Management, Ural State University of Economics; Ekaterinburg, Russia. E-mail: vasiltsow2010@yandex.ru.

Aleksandrova Nadezhda Anatolyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Human Resources Management and Sociology Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: ana1856@mail.ru.

Россия как социально-ориентированное государство главной целью ставит повышение качества жизни населения. Достижение цели зависит от многих факторов — роста заработной платы, доходов, социальной ответственности бизнеса, мотивации населения к личному участию в накопительных системах и т.д. Участие бизнеса в финансировании различных государственных программ, социально-ориентированных инициатив — устойчивая традиция последних лет. Большинство федеральных и региональных целевых программ предусматривают привлечение внебюджетного финансирования. Компании софинансируют строительство или реконструкцию объектов социальной сферы, проводят различные конкурсы социально-ориентированных проектов, предоставляют гранты, направленные на обучение, поддержку молодых специалистов, научные исследования, благотворительность и т.д.

Корпоративная социальная политика — новое направление, предусматривающее дополнительные гарантии и компенсации, медицинское и пенсионное страхование персонала. Несмотря на дополнительные затраты, они признаются целесообразными, поскольку улучшают материальное положение работников, служат сокращению текучести кадров, снижению заболеваемости, а в целом — укреплению конкурентоспособности предприятий.

Известно, что основные положения корпоративной социальной политики отражены в документе, определяющем развитие социальной сферы РФ в ближайшей и долгосрочной перспективе, — «Новой стратегии роста»*. Основные цели Стратегии заключаются в оптимизации государственного участия в экономике, сосредоточении государства на ключевых функциях. Государство стремится сделать

трудоспособных людей ответственными за свое благополучие за счет собственной экономической деятельности. Основная масса людей — здоровых и трудоспособных — должна сама себе зарабатывать, обеспечивать удовлетворение своих основных жизненных потребностей.

В соответствии с документом, новая социальная политика должна полнее учитывать интересы тех слоев общества, которые способны реализовать потенциал инновационного развития. С экономической точки зрения, это креативный класс, доходы и социальные установки представителей которого позволяют им выбирать модели трудового поведения и потребления. В целом это отвечает вызовам времени — во всем мире признается ценность человеческого капитала, его приращение за счет инвестиций в экономически активное население. Однако креативному классу предстоит выполнить новые функции, связанные с перераспределением социальной нагрузки между различными поколениями, воспитанием социальной ответственности за свое будущее.

Особого внимания заслуживают сложившиеся условия для реализации корпоративной социальной политики: высокие налоги и нагрузка социального страхования работников, отсутствие традиций обязательного участия всех предпринимателей в системе социального страхования (15% работающего населения не платит страховых взносов), перспектива выплат профессиональных пенсий работодателями (досрочные пенсии должны перейти в формат корпоративных) и т.д.

Корпоративная социальная политика в значительной степени зависит от действующей модели пенсионного страхования. В настоящее время в России, как и многих развитых странах, реализуется солидарная

*Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. <http://www.kommersant.ru>.

пенсионная система, основанная на солидарности поколений и общественном договоре — работающие сегодня содержат тех, кто приобрел право на пенсии раньше. Однако в ней содержится противоречие между солидарными выплатами и индивидуализацией страховых взносов. Несмотря на персонифицированные счета, будущие пенсионеры получают пенсии исходя из объема собираемых взносов. Преимущества корпоративных пенсий заключаются в том, что они индивидуализованы и зависят от экономического положения предприятия, поэтому есть мотивация к эффективной работе.

В этих условиях растет роль дополнительного пенсионного страхования работников, развития таких новых институтов, как корпоративные программы организаций, негосударственные пенсионные фонды. Дополнительное пенсионное страхование — это органическая часть пенсионной системы, предполагающая в дополнение к государственному пенсионному обеспечению и обязательному пенсионному страхованию предоставление пенсий за счет накопленных добровольных взносов работодателей и застрахованных лиц. Работодатели принимают на себя добровольные обязательства по финансированию негосударственных пенсий для лиц, необходимых для успешной деятельности организации, а работники участвуют в таких программах по принципу взаимной ответственности.

В ближайшей перспективе (до 2018 г.) корпоративными программами должно быть охвачено до 70% работающих граждан. Однако выполнить такую задачу чрезвычайно сложно. Во-первых, большинство предприятий, имеющих такую возможность, уже реализуют корпоративные программы. Во-вторых, в течение первого полугодия 2013 г. по разным данным закрылось до 600 тыс. малых предприятий, не выдержавших уве-

личения страховых выплат. О корпоративных программах на таких предприятиях речи не идет.

Граждане страны все больше принимают, что страховой накопительно-инвестиционный механизм способен обеспечить достойную жизнь и старость. Не случайно дополнительное социальное страхование, прежде всего пенсионное, пользуется самой широкой популярностью среди населения развитых стран.

Корпоративные пенсионные программы как примеры социально-направленной деятельности работодателей набирают силу. Число корпоративных пенсионных программ из года в год увеличивается, но они еще недоступны для большинства работников, особенно бюджетной сфере. Наиболее успешно они используются в отраслях, связанных с добычей полезных ископаемых, металлургической промышленности, банковской сфере. Достаточно развитые корпоративные пенсионные системы имеются в Газпроме, ОАО «РЖД», ЛУКОЙле, РАО «ЕС России», горно-металлургическом комбинате «Норильский никель», Магнитогорском и Новолипецком металлургическом комбинатах, Сургутнефтегазе, Сбербанке. Обобщение отечественного опыта показывает, что в компаниях работники при наступлении пенсионного возраста получают корпоративную пенсию, размер которой составляет 40–60% от государственной пенсии. Однако есть сомнения в справедливости такого подхода с точки зрения интересов большой группы населения, которое вынуждено оплачивать услуги по стоимости, включающей затраты на корпоративные программы.

В ряде публикаций подробно рассматривается практический опыт организации корпоративной пенсионной системы в ЛУКОЙле, организации негосударственного пенсионного обеспечения работников железнодорожного транспорта России, зарубежный опыт использования

накопительного компонента в пенсионных системах [1–5].

Рассмотрим опыт ОАО «ЛУКОЙЛ» с точки зрения системы управления персоналом. Для дополнительной социальной защиты используется Социальный кодекс, который содержит корпоративные социальные гарантии работникам и неработающим пенсионерам по многим направлениям*. Среди них выделим добровольное медицинское страхование, негосударственное пенсионное обеспечение.

Добровольное медицинское страхование направлено на повышение доступности, объема и качества медицинской помощи работникам предприятия. При этом компания: обеспечивает финансирование мероприятий, направленных на охрану здоровья работников; обеспечивает разработку и внедрение корпоративных норм по организации медицинской помощи на производстве работникам с учетом российского законодательства и международных стандартов в области охраны здоровья; организует учет и анализ заболеваемости работников, причины выхода на инвалидность и смертности в организациях; обеспечивает мониторинг условий труда и здоровья работников для оценки профессиональных рисков ущерба здоровью; по результатам периодических медицинских осмотров и анализа заболеваемости разрабатывает долгосрочные и ежегодные программы по профилактике общей заболеваемости и оздоровлению работников, включая профилактическую вакцинацию и санаторно-курортное лечение, организует регулярные профилактические осмотры работников, выделяет целевые средства для обеспечения санаторно-курортного лечения работников; осуществляет контроль за целевой и специализированной защитой прав беременных женщин, кормящих матерей, многодетных матерей, а также

женщин репродуктивного возраста, работающих во вредных и опасных условиях.

Таким образом, работники имеют преимущества в сфере здравоохранения, которые компенсируют проблемы получения качественной медицинской помощи.

Негосударственное пенсионное обеспечение работников в рамках корпоративной пенсионной системы направлено на повышение уровня возмещения утраченного заработка. Это серьезная проблема пенсионной системы России, решение которой определяет направления пенсионной реформы. В первую очередь население страны обеспокоено увеличением возрастного ценза выхода на пенсию, который является щадящим по сравнению с большинством стран. В ходе публичного обсуждения реформы, приоритет получили размер трудового стажа, мотивация более позднего выхода на пенсию.

Предприятия находят дополнительные возможности для замещения утраченного заработка за счет сохранения и развития единой системы негосударственного пенсионного обеспечения работников за счет средств работодателя; создания условий для развития долевого участия работника в формировании собственных пенсионных накоплений; постепенного перехода от действующей системы негосударственного пенсионного обеспечения с установленными выплатами к системе с установленными взносами и т.д.

Компания развивает и поддерживает личное страхование на корпоративном уровне: дополнительное личное страхование от несчастных случаев на производстве; страхование от критических заболеваний; страхование жизни на случай смерти по любой причине. Все виды личного страхования в рамках корпоративной системы могут производиться

*Подробнее: <http://www.lukoil.ru/static.asp?id=62>.

при долевом участии работника в их финансировании, за исключением дополнительного страхования от несчастных случаев на производстве, финансирование которого осуществляется за счет средств работодателя. По ряду элементов корпоративной системы страхования можно сделать вывод, что они используются при разработке новаций государственной системы страхования, например, при переводе досрочных пенсии в формат корпоративных.

В настоящее время идет конкуренция за привлечение работников, способных эффективно работать в мотивированной команде профессионалов. Компания проявляет социальную ответственность в условиях глубокой дифференциации населения по доступности социальных благ, принимая добровольные обязательства. Тем самым она не только участвует в решении социальных проблем на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, но и выигрывает борьбу за привлечение перспективных работников.

Опыт организации негосударственного пенсионного обеспечения работников железнодорожного транспорта России насчитывает почти два десятилетия. С 1994 г. на ряде железных дорог для дополнительного пенсионного обеспечения работников стали организовываться негосударственные пенсионные фонды (НПФ). Решение о создании единой отраслевой негосударственной пенсионной системы принято в декабре 1999 г.

Первоначально отличительной особенностью была ориентация отраслевого негосударственного пенсионного обеспечения на работников пенсионного и предпенсионного возрастов. Финансирование корпоративных пенсий железнодорожников осуществлялось полностью за счет пенсионных взносов компании; максимально

возможный размер корпоративной пенсии работников составлял 40 % от средней заработной платы за последние годы работы.

На следующем этапе переключились на потребности молодых работников и работников средних возрастов. С 2002 г. начался переход на пенсионную схему, предусматривающую паритетное участие работника и работодателя в финансировании его будущей корпоративной пенсии. Такая мера решает две задачи — увеличивает размер негосударственной пенсии и усиливает эффективность кадровой политики.

В 2006 году были снижены минимальный страховой стаж, необходимый для получения права на негосударственную пенсию (с десяти до пяти лет). Другим новшеством стало введение порядка исчисления размера корпоративной пенсии исходя из величины заработной платы за любые пять лет (по выбору работника).

В настоящее время делается акцент на дифференцированное участие в корпоративных программах работников различных специальностей, особенно дефицитных. Так, работникам локомотивных бригад была предоставлена возможность получать негосударственную пенсию без прекращения трудовой деятельности.

В реализации программ большую роль играет НПФ «Благосостояние», с помощью которого управляется накопительная часть пенсии. Более 1,4 млн россиян доверили ему управление своей трудовой пенсией, около 770 тыс. человек формируют дополнительную пенсию, более 250 тыс. человек ее уже получают*.

Создание полноценного негосударственного пенсионного обеспечения является неоспоримым вектором развития пенсионной системы. Для этого необходимо реализовать правовые, организационные и экономические меры, связанные с разработкой

*<http://chelt.ru/new/?p=181>.

законодательной базы, совершенствованием механизмов и институтов, обеспечивающих экономическую устойчивость НПФ и защиту накопленного пенсионного капитала, созданием экономических стимулов для работодателей и работников в процессе накопления пенсионных прав.

В настоящее время предпринимаются некоторые попытки для развития страховых пенсионных программ. В августе 2012 г. Министерство финансов представило законопроект, который предусматривает использование полисов страхования жизни и пенсии для финансирования пенсионных выплат негосударственных пенсионных фондов и страховых компаний*.

Новая инициатива министерства открывает доступ для страховщиков на рынок пенсионного страхования. Страховые организации и НПФ смогут предложить клиентам несколько программ, отличающихся характером формирования резервов и порядком выплат. Например, предлагаются три пенсионные программы, основанные на накопительном принципе финансирования, которые предусматривают поступление средств в виде уплаты взносов в течение длительного времени (не менее десяти лет).

Одна из новаций состоит в том, что пенсионная программа предполагает единовременное внесение в финансовое учреждение всей денежной суммы средств в объеме, который в состоянии обеспечить оговоренные в данной программе регулярные пенсионные выплаты. Законо-

проект предполагает обязательное наличие у страховых компаний и НПФ компенсационных механизмов для защиты операционных и инвестиционных рисков (компенсационные и гарантийные фонды, страхование, перестрахование и т.п.).

Новые законопроекты «О страховой пенсии», «О накопительной пенсии» предполагают введение нового порядка формирования пенсионных прав граждан и назначение трудовой пенсии по старости. Разработчики отмечают принципы новаций. Во-первых, гарантия приемлемого уровня пенсионного обеспечения граждан. Во-вторых, создание необходимых условий для сбалансированности пенсионной системы, в том числе в части страховых пенсий. В-третьих, сохранение уровня страховой нагрузки для работодателей на приемлемом уровне**. Новые правила отражают зависимость размера пенсии от трудового стажа и официальной заработной платы. По отдельным положениям можно судить о том, что вектор развития пенсионной системы смещается в сторону отказа от солидарной системы в долгосрочной перспективе, повышения ответственности граждан за формирование пенсионных прав, в том числе за счет дополнительных корпоративных программ.

Очевидно, что новации отражают поиск более совершенной модели социальной защиты работников, учитывающей вызовы времени, возможности государств и населения, зарубежный опыт добровольного социального страхования. ■

Литература

1. Люблинский В. В. Социальная политика в странах Запада: новые вызовы и характер трансформации // Вестник Института социологии, 2010. № 1. ISSN 0132–1625.
2. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика / <http://www.kommersant.ru>. (дата обращения: 15.05.2013).
3. Сухорукова Е. Корпоративные пенсионные программы: опыт ОАО «РЖД» // Человек и труд, № 1, 2012. ISSN 0132–1552.

*<http://www.sluchay.ru>.

**<http://www.rosmintrud.ru/pensions/razvitie/195>.

4. Сухорукова Е. Корпоративные пенсионные программы: опыт ОАО «РЖД» // Социальная политика, № 7, 2012.
5. Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер В. Социальные итоги трансформации или двадцать лет спустя // Вопросы экономики, № 8. 2011. ISSN 0042–8736.

References

1. Lublinsky V. V. Sotsialnaya politika v stranakh Zapada: novye vyzovy i kharakter transformatsii [Social policy in the West: New Challenges and Transformation Nature] // Herald of the Institute of Sociology, 2010. № 1. ISSN 0132–1625.
2. Strategy 2020: New Growth Model — New Social Policy [Strategiya-2020: novaya model rosta — novaya sotsialnaya politika] / <http://www.kommersant.ru>. (date accessed: 15.05.2013).
3. Sukhorukova E. Korporativnye pensionnye programmy: opyt OAO RZhD [Corporate pension plans: the experience of JSC Russian Railways] // Chelovek i trud, № 1, 2012. ISSN 0132–1552.
4. Sukhorukova E. Korporativnye pensionnye programmy: opyt OAO RZhD [Corporate pension plans: the experience of JSC Russian Railways] // Sotsialnaya politika, № 7, 2012.
5. Yasin E., Andrushchak G., Ivanter B. Sotsialnye itogi transformatsii ili dvadtsat let spustya [Social results of transformation or twenty years later] // Voprosy ekonomiki, № 8, 2011. ISSN 0042–8736.

Статья сдана в редакцию 2 июня 2013 года

УДК 001.89

В. А. Антропов

Реформа Российской академии наук глазами вузовского профессора

UDC 001.89

V. A. Antropov

Reform of the Russian academy of sciences in the eyes of a university professor

Аннотация

До сих пор не прекращается обсуждение проблемы реформирования Российской академии наук, сформулированные в проекте Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Он должен определить правовое положение, полномочия и функции, установить порядок управления и финансового обеспечения РАН.

Будущее Академии тревожит и активную часть вузовских ученых, однако их мнение в полной мере в прессе не обсуждается. Причины такой ситуации рассмотрены в предлагаемой дискуссионной статье.

Ключевые слова: Российская академия наук, наука, реформирование, университет, преподаватель вуза, интеграция.

Summary

The discussion of the issue of reform of the Russian Academy of Sciences set out in the draft Federal Law «On the Russian Academy of Sciences, Reorganization of State Academies of Sciences and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» is still going on. The law must determine the legal status, powers and functions, set the order of control and financial support of the RAS.

The active part of university scientists is concerned with future of the Academy as well, but their opinion is not fully covered in the press. The reasons for this situation are addressed in the proposed discussion paper.

Keywords: Russian Academy of Sciences, science, reform, university, university teacher, integration.

Летние отпуска закончились, и перед российскими учеными снова встала притихшая на это время проблема реформирования Российской академии наук. Но сбор и анализ предложений по редактированию проекта ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] не прекращается.

Предполагается, что законопроект должен определить правовое положение, полномочия и функции Российской академии наук (РАН), а также установить порядок управления и финансового обеспечения РАН. Сейчас он находится на рассмотрении в Госдуме и готовится к третьему чтению.

Задевает ли проблема реформы РАН вузовских ученых? А студентов? И насколько? С этих позиций, по-моему, проблема в широкой научной прессе еще не рассматривалась.

Почему так происходит?

Если проблема реформирования РАН не волнует вузы и вузовских преподавателей, то получается, что и на самом деле наука сейчас находится в стороне от учебного процесса,

Владимир Алексеевич Антропов, д-р экон. наук, профессор; кафедра «Управление в социальных и экономических системах» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: antrvl@list.ru.

Vladimir Alexeevich Antropov, DSc in Economics, Professor, Department of Management in Social and Economic Systems, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: antrvl@list.ru.

от подготовки кадров для инновационной экономики России. А широко обсуждаемые проблемы и механизмы интеграции [2], создаваемые и уже функционирующие научно-образовательные центры (НОЦ) [3], кластеры [4] и другие интегративные структуры мало кого затрагивают и мало что меняют.

Или вузовские профессора смиренно ждут, как решится вопрос реформ, а они подстроятся под новую ситуацию? Верхушки деревьев качаются от сильного ветра, а внизу все спокойно? Или правительственная реформа РАН — это решение не существующей для вузов проблемы?

Мне могут возразить, что, дескать, успешный вузовский преподаватель всегда относится к учебному процессу как к научному поиску, ведет учебно-исследовательскую и научно-исследовательскую (УИРС и НИРС) работы, выполняет заказы предприятий на научные разработки, готовит аспирантов и докторантов, участвует в конкурсах российских и международных грантов, пишет не только учебники и учебные пособия, но и научные монографии, участвует в заседаниях диссертационных советов. То есть он в теме обсуждаемых проблем, а потому вместе со всем научным сообществом, через академические институты, уже высказывает свое мнение?

Возможен и совсем простой ответ: предложенная реформа реорганизации науки в России выгодна вузам, там ее противников нет, а потому вузовские ученые и молчат.

Мой пример. Я доктор наук, работаю профессором университетской кафедры, член двух диссертационных советов, руковожу аспирантами, консультирую докторантов, пишу и издаю монографии и учебники по своим курсам. Вроде, меня как работ-

ника вуза реформа РАН напрямую не касается. Но! Выходит на защиту аспирант в диссертационный совет академического института, и я (или мои коллеги, находящиеся в аналогичных обстоятельствах*) погружаюсь в среду науки уже академической. То же происходит и на научных конференциях, где обсуждаются объединяющие ученых проблемы вне зависимости от места работы.

Не следует забывать и встречного движения — когда научные работники на правах совместителей работают со студентами, ведут спецкурсы, руководят дипломными проектами, председательствуют в государственных аттестационных комиссиях (ГАК). Правда, невелик этот ручеек, вузы, конечно, мечтают о большем привлечении академических работников к кафедральной научно-методической работе.

Так как же ответить на вновь и вновь возникающий вопрос — что изменится в вузах, если внесенный проект ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» будет принят? Насколько он коснется высшей школы?

Рассмотрим предлагаемый проект через вузовскую действительность. Где и как в нем упоминается сфера высшего профессионального образования?

Например, в разделе «Правовое положение Российской академии наук» говорится: «Российская академия наук создается в целях координации фундаментальных и поисковых научных исследований, проводимых в Российской Федерации по важнейшим направлениям естественных, технических, медицинских, сельскохозяйственных, общественных

*Проблемы, которыми я занимаюсь со своими коллегами, — это проблемы экономики и педагогики профессионального образования [5]. Эта тема практически не представлена в РАН по разным причинам, а защиты по вузовской тематике членами диссертационных советов до сих пор встречаются настороженно.

и гуманитарных наук, экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти, научно-методического руководства научной и научно-технической деятельностью научных организаций и образовательных организаций высшего образования» (гл. I, ст. 2).

Итак, за РАН этим документом закрепляется «научно-методическое руководство научной и научно-технической деятельностью... образовательных организаций высшего образования». Каким же будет механизм этого руководства? Чем он будет отличаться от существующего? Какой критерий качества в нем думать заложить?

Не следует забывать, что в вузах существует госбюджетная научно-исследовательская работа (НИР), которой занимаются преподаватели в соответствии со своим годовым планом работы под руководством своих ученых — вузовских профессоров. На это отпущено немалое время — 10–15 % всей годовой учебной нагрузки. Как это учесть, какими дополнительными элементами существующего механизма? Или от чего следует избавиться, что не устраивает реформаторов РАН в структуре научной деятельности вузовского ученого?

В главе II проекта «Цели деятельности и основные функции Российской академии наук», ст. 7 «Цели деятельности Российской академии наук», декларируется, что «целями деятельности Российской академии наук являются... укрепление связей между наукой и образованием».

Согласен, укреплять связи надо, нет предела их совершенству. Если будет создан механизм руководства, то связи, конечно, укрепятся. Вот и получается, что данная статья декларативна и не привносит в документ элементов нового, концептуального, более совершенного.

В статье 8 «Задачи и функции Российской академии наук» объявлено, что «основными задачами Российской академии наук являются... по-

вышение степени интеграции науки и образования».

Сравним статьи 7 и 8. В чем разница: «укрепление связей» и «повышение степени интеграции науки и образования»? Повышение степени интеграции наверняка должно укрепить связи. Или может быть наоборот? Где причина, а где следствие — можно заблудиться.

Вывод из чтения проекта реформирования один: нужны четкие формулировки. Пока видим лишь общие фразы, нет новизны, обоснования актуальности вносимых предложений и необходимости разработки и внедрения в практику каких-либо новых механизмов, обеспечивающих оптимальность и эффективность (см. текст пояснительной записки к проекту — там эти понятия декларируются).

Читаем далее: «Для реализации основных задач Российская академия наук... дает рекомендации по направлениям и объемам бюджетного финансирования фундаментальных и поисковых научных исследований, проводимых научными организациями и образовательными организациями высшего образования».

И снова вопрос: как эти рекомендации будут вырабатываться? Какой механизм? Ответ находим в главе IV «Органы правления Российской академии наук», ст. 12. Общее собрание Российской академии наук: «Общее собрание Российской академии наук... принимает рекомендации по направлениям и объемам бюджетного финансирования фундаментальных и поисковых научных исследований в Российской Федерации, проводимых научными организациями и образовательными организациями высшего образования, на следующий финансовый год».

Далее: «...РАН берет на себя учреждение и присуждение медалей и премий за выдающиеся научные и научно-технические достижения, в том числе золотые медали и пре-

мии имени выдающихся ученых, медали с премиями для молодых ученых и студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования».

Предложение хорошее. Но чтобы оно работало, нужна система подготовки российского ученого, где вручение медали — это вершина, а внизу, на нижних этажах — поощрение студентов к занятию НИР. Она сейчас только выстраивается. В ведущих университетах введены курсы по УИРС и НИРС («Основы научной работы» [6–10]), а в положениях о мотивации труда ППС введено материальное поощрение за руководство студенческой наукой (см. любой университетский сайт).

В главе V «Взаимодействие Российской академии наук с органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами и организациями», ст. 17 «Взаимодействие Российской академии наук с органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами и организациями при реализации своих целей и основных задач», говорится: «...образовательные организации высшего образования, осуществляющие за счет бюджетных средств фундаментальные и поисковые научные исследования, обязаны ежегодно представлять в Российскую академию наук отчеты о проведенных фундаментальных и поисковых научных исследованиях и полученных научных и (или) научно-технических результатах».

Как это делать? На каком юридическом основании? И что получит взамен вуз, отправивший свой отчет в РАН?

В пояснительной записке к рассматриваемому нами проекту ФЗ сказано, что он «... разработан в целях оптимизации организационно-правовых механизмов управления российской фундаментальной наукой, повышения эффективности фундаментальных и поисковых научных

исследований, обеспечивающих получение научных результатов мирового уровня».

При этом предусматривается законодательно закрепить участие РАН в научно-методическом руководстве... вузовским сектором науки.

Слова сказаны. Вузы наверняка не будут возражать, если РАН возьмет на себя научно-методическое руководство вузовским сектором науки. Но этот механизм должен разрабатываться совместно. Чтобы оптимизация состоялась, а эффективность повысилась (как это декларируется проектом закона), необходимо гибкое системное вхождение в механизм вузовской науки, начиная со студенческой скамьи, написания студентами научно осмысленных актуальных по теме исследования курсовых и дипломных работ со второго-третьего курса.

Этому помогут рекомендации Минобрнауки о размещении дипломных работ своих студентов в Сети в соответствии с программой «Открытое образование».

Из анализа проекта закона ясно, что реформа РАН так или иначе скажется на работе вузов, в противном случае получит подтверждение тот факт, что реформы РАН искусственны, коль не задевают вузовскую науку.

Но, как известно, от деклараций до жизненных реалий дистанция может быть огромной. Решая проблемы РАН, не следует забывать, что параллельно идет модернизация высшего профессионального образования, совершенствование работы аспирантуры. Минобрнауки разработало проект постановления правительства «Об утверждении положения о докторантуре». Эти процессы должны быть взаимосвязаны, дополнять друг друга, так как работают на развитие российской науки и ее кадрового обеспечения.

Так что же в реформе может смутить конкретного вузовского преподавателя? Оставим пока в стороне проблемы предполагаемого Минобразом

сокращения ППС и соответствующего увеличения учебной нагрузки. Это отдельная тема для обсуждения, как и вопросы концептуальных основ развития российского профессионально-образовательного образования в целом [5].

Что же касается реформирования РАН, то для вуза прежде всего — это вопросы финансовые. Минобрнауки пытается перебросить науку в вузы — по западному образцу. Сейчас именно в вузы идет мощный поток вливаний. Вряд ли это обоснованно. Каждый участник развития российской науки должен заниматься на своем месте своим конкретным делом. Вузовский профессор должен учить, а научный работник — получать новое знание. Это если выстраивать приоритеты по предназначению каждого.

Есть много примеров, когда известный научный деятель не всегда успешно может донести свое знание до студентов, а ничего в науке не сделавший старший преподаватель прекрасно готовит студентов по своей дисциплине как методист.

Но в таком разделении труда, если говорить только о нем, резко падает скорость передачи нового знания от источника к потребителю. Полученное в исследовательской лаборатории новое знание только через полгода может быть опубликовано в виде статьи или через год-два в виде монографии. Еще столько же времени пройдет, когда это знание попадет в вузовские учебники.

И по этой причине лучший вариант, по крайней мере в прорывных направлениях науки и техники, когда научный работник несет полученное им только что знание в студенческую аудиторию, а вузовский преподаватель активно занимается наукой по своей научной тематике, будучи лидером в этом направлении. Так и было в советское время.

Лучший педагог — это педагог-исследователь, ведущий за собой студентов, используя НИРС и УИРС,

привлекая студентов к выполнению заказов организаций на проведение научных исследований. Именно эта модель педагогического труда сейчас поощряется рейтингами вузов. Только такими преподавателями могут быть подготовлены творчески мыслящие специалисты-инноваторы. Вузовская наука — это самый короткий путь получения и реализации нового знания на практике.

Слепо копировать ничего нельзя. Ливанов, поверхностно знакомый с организацией научной жизни в США, хочет заменить РАН на университеты западного образца. Но они работают в обществе с другими традициями и с другим уровнем благосостояния, обладая солидными собственными фондами и налаженной системой благотворительных сборов. Плата за обучение в университетах достигает нескольких десятков тысяч долларов. Много ли в России семей, имеющих возможность платить такие деньги за университетское образование своих детей? Ну а дети богатых россиян и чиновников учатся далеко от России.

Западные университеты создавались и создаются как центры научных исследований: с обширными лабораторными корпусами, где можно поместить самое громоздкое оборудование. Наши университеты изначально строились для целей образования, для обучения студентов — с большими лекционными залами, маленькими учебными лабораториями и при полном отсутствии научных лабораторий. Здесь невозможно развернуть современные научные исследования, и недаром студенты старших курсов наших университетов проходят практику в академических институтах. Западные профессора имеют маленькую педагогическую нагрузку, которая оставляет им время для научных исследований, а наши университетские профессора — огромную. И в ближайшее время она еще подрастет (по планам Минобрнауки).

Вопросы — где делать науку? куда давать деньги? — следует решать не потому, что это университет или институт, а есть ли там специалисты, способные решать поставленные проблемы, есть ли для этого необходимая база. На эти вопросы отвечают конкурсные требования РФФИ, РГНФ и других структур.

Самое важное в обсуждении проекта реформ — это понять, что нельзя противопоставлять вузовскую и академическую науку.

Развитие науки в университетах имеет свои преимущества. Этот подход позволяет поставить образование молодежи в условия работы в атмосфере последних научных достижений и, что немаловажно, вовлечь массу студентов в научную работу в качестве исполнителей, экономя фактически на финансировании науки. Конечно, подобные механизмы связи науки и образования следует использовать (НОЦ и др.).

Но современный уровень науки требует дорогостоящего оснащения и целевой инфраструктуры, которые могут быть сосредоточены только в специализированных институтах. Такие институты есть во всех странах, где развита наука. Было бы глупо отказываться от того преимущества, которое мы имеем.

Часто возникают проблемы, когда научные задачи эффективнее решать вместе. В этом случае и нужны НОЦы. Где-то они уже прижились, а где-то нет.

Реформа предполагает их дальнейшее использование. Но и здесь есть опасность насильственной институциональной интеграции институтов и университетов (например, включение НГУ в состав академического кластера в Академгородке, создание магистерских университетов в Черноголовке и других наукоградах).

В июне 2013 года Ливанов заявил, что законопроект о РАН снимет барьеры между вузами и наукой.

По его мнению, объединение институтов РАН с университетами приведет к тому, что в России появятся мощные научно-образовательные центры: «Я думаю, что академгородки, например, в Новосибирске, в связи с принятием этого закона получат уникальный шанс снять все административные барьеры, которые есть между системой науки, с одной стороны, и системой высшего образования, с другой стороны. Потому что там есть институты РАН, РАМН и РАСХН. Есть университеты, и вот когда мы объединим это все, мы сделаем мощнейший образовательный центр, сравнимый с ведущими мировыми университетами» (РИА «Новости»).

Ливанов пояснил, что в этом состоит одна из целей властей: «Усилить, с одной стороны, высшее образование путем вовлечения студентов в научную деятельность, а с другой стороны, усилить науку путем того, чтобы через наши институты проходили студенты».

Но напрямую реализовать эту цель, разрушая сложившиеся традиции, нельзя. Организация науки — это такой же сложный социальный проект, как организация здравоохранения или образования. Почему бы и реформу РАН не начать с «точек роста», с создания успешных образцов научных учреждений, построенных по принципу доверия к научным школам и репутации исследователей? Большая часть научного сообщества готова к таким изменениям.

В обсуждении проекта не надо забывать, что работники вузов и академических институтов ходят по одной земле, думают об одинаковых проблемах, объединяются для их решения, используя существующие механизмы интеграции. Нужен анализ этого опыта, вычленение содержательного ядра и его законодательное оформление.

Тем более что опыт накоплен более чем основательный.

В качестве прорывных примеров, требующих своего анализа и обобщения, могут привести интеграционные работы ИЭ УрО РАН [2–5]. Прежде всего, это созданные совместно с рядом ведущих зарубежных университетов и Урала НОЦы [2, 3].

Это и наша находка — созданный научно-методический совет (НМС) заведующих экономическими кафедрами ведущих университетов Урала и руководителей института экономики УрО РАН [2]; инициатива одобрена Президиумом РАН.

В этом году членами НМС разработан сайт совета, предполагается создание системы рейтинга экономических кафедр университетов Урала и профессорско-преподавательского состава (ППС), организация конкурсов учебников и учебных пособий для студентов и аспирантов.

Одобрение Российской ассоциации бизнес-образования (РАБО) получила разработка целостной системы подготовки кадров высшей квалификации для экономики России в непрерывной цепочке «специалист — выпускник МВА — выпускник DBA — кандидат экономических наук» [11].

Это созданная Институтом экономики, Пермским, Южно-Уральским университетами и Высшей экономической школой Межрегиональная академия управления (МАУ), призванная интегрировать опыт работы соучредителей по подготовке кадров для экономики России.

Очень кстати 20 августа 2013 г. опубликован приказ Минобрнауки России «Об утверждении Порядка формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования» [12].

В нем в соответствии ФЗ «Об образовании в РФ» [13] утверждается порядок формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования, в том числе ее состав, основные направления инновационной деятель-

ности, а также порядок признания организации федеральной инновационной площадкой.

Мы предполагаем, что имеющиеся у нас разработки могут стать хорошим заделом для обоснования и организации такой инновационной площадки.

Конечно, в других академических институтах и университетах есть не менее интересные начинания. Все они требуют своего обобщения и учета их положительного опыта работы в процессе редактирования проекта постановления по реформе науки.

Есть и другие предложения. Например, в соответствии с [13], аспирантура становится образовательным уровнем, где аспиранты должны изучить ряд дисциплин, пройти педагогическую практику и др. Не все академические институты к этому готовы — малочисленность аспирантского состава, нехватка преподавателей, оборудования и т.д.

В этой ситуации совет ректоров может предложить организовать для обучения аспирантов базовые площадки в ведущих вузах. Такой опыт на Урале есть. В начале 90-х гг. на базе Свердловского инженерно-педагогического института (теперь РГППУ) обучались аспиранты всех вузов и академических институтов Екатеринбурга по педагогике и психологии высшей школы, информационным технологиям и другим дисциплинам учебного плана [14]. Выпускники защищали работы, им выдавали удостоверения установленного Государственным СССР образца.

Перечень примеров совместной деятельности вузов и академических институтов велик, а результатам каждого эксперимента можно посвятить отдельную статью. Дело сейчас не в этом, а в том, что процессы интеграции развиваются в рамках уже принятых документов. На очереди следующий — о реформе РАН. И он не должен стать шагом назад, потерей достигнутого.

Итак, пока только один вывод: проект реформы РАН не готов к широкому совместному обсуждению научной и образовательной общественностью. Дискуссии продолжаются [15].

Проблем меньше не становится. И я сознательно перечисляю их вперемежку — научные и образовательные. Простая логика подсказывает, что их нельзя рассматривать отдельно друг от друга — только целостно, только системно.

А сделать это просто — остановить-ся и сначала понять, какова наша национальная идея, какое государство мы строим, какая личность для этого должна быть востребована государством, с каким уровнем профессионализма и личностных характеристик. Понимая все это, можно создавать концепции развития науки и образования.

Без такого подхода через некоторое время школа с ЕГЭ и вуз со своими требованиями к школе, специалитет и бакалавриат с магистратурой, аспирантура с докторантурой, искусственно выращенные федеральные университеты с «мировыми показателями», НОЦы и филиалы кафедр, вузовская и академическая наука и т.д. будут существовать отдельно.

Система же профессионального образования должна стать экономически целесообразной, социоморфной, практико-ориентированной.

Эта задача может быть решена только совместно вузами и академией.

Стране нужно создание единого научно-образовательного пространства. Мы знаем, как это сделать, нужна лишь воля руководства, чтобы такую работу начать. ■

Литература

1. «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части уточнения правового положения, полномочий и функций Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук). Законопроект № 305828-6 // [www: Duma.gov.ru](http://www.Duma.gov.ru) (дата обращения: 29.08.2013).
2. Татаркин А. И., Антропов В. А. Интегративные механизмы эффективной организации научных исследований на экономических кафедрах университетов Екатеринбурга: м-лы первого круглого стола «Интеграция академической и вузовской науки». Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2012. 63 с.
3. Шеломенцев А. Г., Антропов В. А. Интегративные механизмы эффективной организации в российских университетах // Актуальные проблемы современности. Сер. «Экономика», № 9 (89). Караганды : РИО «Балашак-Баспа», 2012. С. 4–12. ISBN 978-601-273-162-0.
4. Антропов В. А. Образовательный кластер — новое понятие в системах кадрового обеспечения регионов // Вестник УрФУ, 2012. № 4. С. 163–174. ISSN 2071-5692.
5. Антропов В. А. Проблемы модернизации и инноваций в российском профессиональном образовании. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2013. 104 с. ISBN 978-5-94646-420-8.
6. Антропов В. А. Основы научных исследований: в 2-х ч. Екатеринбург : УрГУПС, 2013. Ч. 1. 111 с.
7. Богатов В. В. Организация научно-исследовательских работ : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Владивосток : Дальнаука, 2008. 259 с.
8. Крутиков В. К., Зайцев Ю. В., Костина О. И. Методология и методика в экономических исследованиях : учеб.-метод. пособ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Калуга : Изд-во «Эйдос», 2012. 170 с.
9. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособ. Екатеринбург : УрФУ, 2012. 818 с. ISBN 978-5-8295-0158-7.
10. Карпущенко Н. И., Верескун В. Д., Величко Д. В. Основы научных исследований : учеб. пособ. / Минтранс РФ, ФАЖТ, СибГУПС. — Новосибирск Изд-во СО РАН, 2009. 232 с. ISBN 978-5-7692-1028-0.
11. Акатов Н. Б., Антропов В. А., Подбельский Н. В. ДВА на Урале. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2012. 123 с. ISBN 978-5-94-646-371-3.

12. Об утверждении Порядка формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования: приказ Минобрнауки РФ // Росс. газ., 2013, июнь.
13. ФЗ «Об образовании в РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53, ст. 7598; 2013, № 19, ст. 2326.
14. Антропов В. А. ФПК: год спустя // Профессионально-техническое образование, 1990. № 8. С. 58–60.
15. Настоящее и будущее науки в России. Место и роль Российской академии наук. URL: <http://rasconference.ru/papers.html> (дата обращения: 31.08.2013).

References

1. «On the Russian Academy of Sciences, Reorganization of State Academies of Sciences and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (in terms of clarification of the legal status, powers and functions of the Russian Academy of Sciences, reorganization of the state academies of science). Draft law № 305828–6 // [www: Duma.gov.ru](http://www.Duma.gov.ru) (date accessed: 29.08.2013).
2. Tatarkin A. I., Antropov V. A. «Integrativnye mekhanizmy effektivnoy organizatsii nauchnykh issledovaniy na ekoomicheskikh kafedрах universitetov Ekaterinburga» [Integrative mechanisms for effective organization of scientific research on economic departments of Ekaterinburg universities]: proceedings of the first round table «Integration of academic and university science». Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of RAS, 2012. 63 p.
3. Shelomentsev AG, Antropov, V. A. Integrativnye mekhanizmy effektivnoy organizatsii v rossiyskikh universitetakh [Integrative mechanisms for effective organization in Russian universities] // Aktualnye problemy sovremenosti. Economy Series, № 9 (89). Karaganda : RIO «Balashak — Baspa», 2012. Pp. 4–12. ISBN 978–601–273–162–0.
4. Antropov V. A. Obrazovatelny klaster — novoe ponyatie v sistemakh kadrovogo obespecheniya regionov [Educational Cluster — a new concept in regional staffing support system] // Herald of UrFU, 2012. № 4. Pp. 163–174. ISSN 2071–5692.
5. Antropov V. A. Problemy modernizatsii i innovatsiy v rossiyskom professionalnom obrazovanii. [Problems of modernization and innovation in Russian professional education]. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of RAS 2013. 104 p. ISBN 978–5–94646–420–8.
6. Antropov, V. A. Osnovy nauchnykh issledovaniy [Scientific Research Fundamentals] in 2 parts Ekaterinburg : USURT, 2013. Part 1. 111.
7. Bogatov V. V. Organizatsiya nauchno-issledovatel'skikh rabot: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy. [Organization of research work: manual for students of higher educational institutions.] Vladivostok : Dalnauka 2008. 259 p.
8. Krutikov V. K., Zaitsev Yu. V., Kostina O. I. Metodologiya i metodika v ekonomicheskikh issledovaniyakh [Methodology and methods in economic research] — Study Guide. 2nd ed., revised. and supplemented. Kaluga : Eidos Publishing House, 2012. 170 p.
9. Komarova Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method, technique and technology of research in linguistics] — Study Guide. Ekaterinburg : UrGU, 2012. 818 p. ISBN 978–5–8295–0158–7.
10. Karpuschchenko N. I., Vereskun V. D., Velichko D. V. Osnovy nauchnykh issledovaniy [Scientific Research Fundamentals]: Study Guide / Ministry of Transport of the Russian Federation, FAZHT, SibGUPS — Novosibirsk, SB RAS Publishing House, 2009. 232 p. ISBN 978–5–7692–1028–0.
11. Akatov N. B., Antropov V. A., Podbelsky N. V. DBA na Urale. [DBA in the Urals]. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of RAS, 2012. 123 p. ISBN 978–5–94–646–371–3.
12. On approval of the procedure for formation and operation of innovation infrastructure in the education system: the order of the Ministry of Education of the Russian Federation // Russian Gazette, 2013, June.
13. Federal Law «On Education in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, 2012, № 53, art. 7598, 2013, № 19, art. 2326.
14. Antropov V. A. FPK: god spustya [FPK: a year later] // Professionalno-tehnicheskoe obrazovanie, 1990. № 8. Pp. 58–60.
15. Nastoyashchee i budushchee nauki v Rossii. Mesto i rol Rossiiskoy akademii nauk / The present and future of science in Russia. The place and role of the Russian Academy of Sciences. URL: <http://rasconference.ru/papers.html> (date accessed: 31.08.2013).

Статья сдана редакцию 10 сентября 2013 года

УДК 658.386: 656.2 (05)

А. А. Конов

Организация обеспечения кадрового потенциала на железнодорожном транспорте Урала в 1955–1991 гг.

UDC 658.386: 656.2 (05)

A. A. Konov

The organization of the ensuring of the personnel for the railway transport in the Urals in 1955–1991

Аннотация

В статье рассматривается проблема подготовки инженерно-технических кадров на железных дорогах Урала в период реализации Генерального плана электрификации железных дорог СССР. Проанализированы основные формы подготовки инженерных кадров, определена их эффективность. На основе статистических данных доказано, что основную часть студентов в железнодорожных институтах Урала составляли молодые рабочие, направленные на учебу с железных дорог. В весьма продолжительные сроки на Урале был создан новый транспортный институт, который обеспечил железные дороги оптимальным количеством инженеров по новым специальностям. Молодые специалисты на железнодорожном транспорте стали интеллектуальной средой, наиболее восприимчивой к достижениям научно-технического прогресса. Установлена взаимосвязь между развитием социокультурной инфраструктуры транспорта и его обеспеченностью молодыми специалистами.

Ключевые слова: инженерно-технические работники, подготовка кадров, Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта, квалификация, электрификация.

Summary

The article is devoted to the problem of the training of the engineers and other technical personnel on the Urals railways during the period of realization of the General plan of electrification of railways of the USSR. The analysis of the most effective ways of training of engineers is made in the article. On the basis of the statistical documents it is showed that the main part of the students in the Urals railway institute consisted of the young workers directed for the training from railways. In the long period the new transport institute in the Urals was organized and ensured the railways for new engineer professions of high qualification. The interdependence between the social and cultural infrastructure is defined.

Key words: engineers and other technical workers, training of personal, the Urals electromechanical institute of railway engineers, qualification, electrification.

Алексей Александрович Конов, канд. ист. наук, доцент; кафедра «Философия и история» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Aleksey A. Konov, Ph.D, Associate Professor; «Philosophy and History» chair of the Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР (1946–1950 гг.) предусматривал дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства как условие мощного подъема производства и повышения производительности труда. Ускорение темпов социалистического воспроизводства во всех отраслях народного хозяйства все в большей мере определялось техническим прогрессом и использованием его в интересах народа.

Четвертый пятилетний план предусматривал сооружение новых железнодорожных магистралей, усиливающих связь центральных районов страны с Сибирью и Дальним Востоком, Кузнецкого и Карагандинского угольных бассейнов с промышленными районами Урала, Средней Азии — с Сибирью. Планировались интенсивные работы по переводу на электротягу наиболее трудных горных участков железных дорог Урала и дальнейшая электрификация Транссиба.

С переходом страны от войны к миру исключительный характер приобрела проблема обеспечения железнодорожного транспорта кадрами высокой квалификации. Необходимо было не только восполнить понесенные в войне потери рабочей силы, но и фактически заново создать кадровый потенциал, способный обеспечить высокие темпы научно-технического прогресса на железных дорогах страны.

В 1951–1955 гг. в системе подготовки специалистов для железнодорожного транспорта сложились два главных направления: общее увеличение масштабов подготовки инженерно-технических кадров по всем традиционным для транспорта профессиям в связи с ростом объемов перевозок и увеличение подготовки специалистов по новым направлениям модернизации (новые виды тяги, электроснабжение, сигнализация,

централизация, блокировка и связь).

XX съезд партии в феврале 1956 г. поставил задачу: увеличить за шестую пятилетку (1956–1960 гг.) выпуск специалистов с высшим и средним образованием для транспорта примерно в два раза. Со второй половины 1950-х гг. началась реализация общесоюзной программы электрификации железных дорог, которая имела целью повышение эффективности всей транспортной системы страны. В феврале 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О Генеральном плане электрификации железных дорог», которым намечалось в 1956–1970 гг. электрифицировать 40 тыс. км путей — это в семь с половиной раз больше, чем было сделано за предыдущие двадцать пять лет [1].

Техническое перевооружение превращало железнодорожный транспорт в наукоемкую отрасль народного хозяйства. Увеличилась потребность железных дорог в инженерном труде. Для внедрения новых машин и новой технологии требовалась молодежь, умеющая читать чертежи, разбираться в электротехнических схемах, понимающая смысл физических процессов. Замещение малообразованного контингента работников специалистами с профильным образованием должно было происходить при сохранении стабильности трудовых коллективов, преемственности традиций. Лучший способ решения этой проблемы — делать упор не на переманивание квалифицированных работников со стороны, а на переподготовку собственных кадров. Вот почему создание условий для овладения современной, более нужной профессией стало одним из главных направлений социальной политики на железных дорогах Урала в 1950–1960-е гг. И такая работа велась в широких масштабах. Ежегодно на Свердловской железной дороге в разных формах профессиональной учебы было занято 10–15 тыс. человек.

Железные дороги Урала не имели своих транспортных высших учебных заведений и получали специалистов из других республик и областей. Это в значительной степени сдерживало развитие научно-технического прогресса на транспорте. В свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О Генеральном плане электрификации железных дорог» (февраль 1956 г.) подписано (23 июня 1956 г.) правительственное постановление об учреждении в Свердловске Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта (УЭМИИТ).

Для Свердловской железной дороги в 1956–1958 гг. было характерно большое несоответствие между потребностью и наличием инженеров по отдельным отраслям хозяйства. Если по электроподвижному составу обеспеченность инженерами составляла 72 %, энергетиками — 180 %, то по энергоснабжению — 25,5. По профилю строительства железных дорог — 50 %, а по промышленному и гражданскому строительству — 17,6. Если обеспеченность техниками электроподвижного состава составляла 130 %, то хозяйство энергоснабжения было обеспечено техниками на уровне 36,6 % [2]. Дорога испытывала все более острую нужду в кадрах самой высокой квалификации (таблица 1).

Таблица 1 позволяет достаточно четко выделить две основные закономерности, характеризующие динамику развития инженерно-технического

потенциала дороги в 1950-е гг. Во-первых, если в 1951–1957 гг. количество специалистов со средним и высшим образованием на дороге увеличивается, то в 1958–1960 гг. происходит их значительное сокращение. Во-вторых, достаточно медленно восполняются недостающие кадры специалистов новыми работниками, что свидетельствует об ограниченности источников поступления специалистов на дорогу. Сокращение численности специалистов на дороге в 1957–1960 гг. связано с отменой военного положения на железных дорогах СССР в 1955 г., в результате чего значительно возросла текучесть кадров. С отменой военного положения специалисты стремились возвратиться к месту жительства родителей и под различными предлогами выбывали с железной дороги. Таким образом, необходимость открытия транспортного вуза на Урале была во многом связана и с высокой текучестью инженерно-технических кадров на железных дорогах.

Главная тенденция в развитии коллективов инженерно-технических работников на железных дорогах Урала заключалась в том, что происходило вытеснение из производственного процесса работников низкой квалификации: происходило увеличение должностей, занимаемых исключительно специалистами, связанное со строительством новых предприятий и учреждений на линейных станциях, электрифицированных участках и в гражданском

Таблица 1

Наличие специалистов с высшим и средним специальным образованием на Свердловской железной дороге в 1950-е гг., чел. [3]

Год	1951	1952	1953	1957	1958	1959	1960
Специалисты с высшим образованием	564	544	1147	3036	2791	1455	1585
Специалисты со средним образованием	1311	1393	2146	5813	4408	3491	3870
Всего специалистов	1875	1937	3293	8849	7199	4946	5455

строительстве; все большее количество работников, занимавших инженерно-технические должности, ощущали недостаток теоретической подготовки в условиях научно-технического прогресса и стремились получить высшее или среднее специальное образование (таблица 2).

За семь лет (1958–1965 гг.) общее количество работников Свердловской железной дороги, обучавшихся в вузах и техникумах, увеличилось в три раза. Стремление железнодорожников получить высшее или среднее образование было связано прежде всего с введением на дороге электрической и тепловозной тяги, с тем, что станции оборудовали электрической централизацией стрелочных переводов и автоблокировкой. Большинство практиков стремились поступить именно в техникумы в связи с невысоким образовательным уровнем и необходимостью совмещать работу с длительной учебой в вузе. Кроме того, продолжали обучение многие инженеры, чтобы получить вторую специальность — «инженер-механика по тепловозному или электровозному хозяйству».

Пополнение железных дорог Урала специалистами шло по трем направлениям: прием работников

по вольному найму с промышленных предприятий и других железных дорог, трудоустройство выпускников железнодорожных вузов и техникумов, обучение работников железных дорог с отрывом и без отрыва от производства в вузах и средних специальных учебных заведениях.

Подготовка инженерно-технических кадров для железных дорог Урала осуществлялась в Пермском и Свердловском техникумах, а также в вузах, расположенных в центральных и южных районах страны. Техническая реконструкция районов железных дорог восточных районов потребовала приближения подготовки инженеров и техников к местам их будущей работы. В Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану (1956–1960 гг.) указывалось: «Обеспечить правильное размещение высших учебных заведений в стране; расширить подготовку специалистов в учебных заведениях, расположенных в районах Урала, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, для удовлетворения растущих потребностей этих районов в специалистах» [1]. Тем не менее обеспеченность специалистами железных дорог Урала в конце 1950-х–начале 1960-х оставалась еще весьма невысокой (таблица 3).

Таблица 2

Обучение работников Свердловской железной дороги в высших и средних специальных учебных заведениях в 1958–1965 гг., чел. [4]

Год	1958	1959	1960	1961	1962	1965
Обучалось в вузах	904	570	748	855	1124	1581
Обучалось в техникумах	485	532	754	869	1381	2258
Всего	1389	1102	1502	1724	2505	3839

Таблица 3

Обеспеченность Свердловской железной дороги специалистами с высшим и средним специальным образованием, % [4]

Год	1958	1960	1964	1965
Обеспеченность специалистами с высшим образованием	66,6	68	63,8	67
Обеспеченность специалистами со средним специальным образованием	64,7	62,2	55,8	56,1

Обеспеченность специалистами с высшим и средним образованием на Свердловской дороге не превышала 70%. При этом следует учитывать, что в эти годы осуществлена электрификация 1778 км железнодорожных линий, построены 500 км вторых путей, 1214 стрелок оборудованы электрической централизацией. Новые предприятия и участки дороги требовали для своего обслуживания все большего количества инженеров и техников. Необходимо было резко увеличивать подготовку инженерно-технических кадров.

Необходимость притока инженерных кадров на железные дороги Урала диктовалась также задачами ускоренной ликвидации негативных последствий войны — износа рельсов и парка локомотивов. Везде нужны были люди с глубокими знаниями, основательной теоретической подготовкой, которые бы в конечном счете определяли развитие технического прогресса на стальных магистралях. Организация железнодорожного института на Урале создавала весьма благоприятные условия для подготовки инженеров без отрыва от производства.

Возрастание потребности в инженерно-технических кадрах на железных дорогах Урала было обусловлено и новым строительством железнодорожных путей в регионах, которые осваивались. Бурное развитие нефтедобывающей отрасли в Тюменской области в 1960-е гг. закономерно вело к созданию здесь надежной

транспортной артерии. Причем темпы транспортного строительства к началу 1960-х гг. возросли настолько, что невозможно было, как в 1930-е гг., перебрасывать специалистов со стройки на стройку (таблица 4).

Представленная в таблице программа строительства новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири была реализована при активном участии наиболее опытных, инициативных инженерно-технических кадров Урала и Сибири. Многие новостройки не имели себе равных в мире по сложности природно-климатических и геологических условий. Наибольшие объемы строительства новых линий были выполнены в 1966–1970 гг. и 1976–1980 гг. в связи с вводом в эксплуатацию северных участков Свердловской магистрали: Тюмень – Тобольск – Сургут, Сургут – Уренгой, Сургут – Нижневартовск. В целом доля Урала и Сибири в транспортном строительстве по СССР постоянно росла.

Таким образом, целый ряд объективных и субъективных причин сделал проблему пополнения трудовых коллективов железных дорог Урала специалистами с высшим и средним специальным образованием актуальной и требующей к себе постоянно внимания, творческого подхода.

Основная задача Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта — подготовка высококвалифицированных кадров из местной рабочей молодежи. Новый вуз начал подготовку

Таблица 4

Строительство новых железнодорожных линий на Урале и в Западной Сибири в 1956–1985 гг., км [5]

Период	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Введены новые линии в СССР	3412	3434	3075,8	3218	3117,4	3303,5
Введены новые линии на Урале	525	98	875,5	408,0	1046,6	882,7
Доля новых линий Урала в СССР, %	15,4	2,9	28,4	12,7	33,6	26,7

инженеров по специальностям, совпадающим с основными направлениями модернизации железнодорожного транспорта: электрификация железнодорожного транспорта, подвижной состав и тяговое хозяйство железнодорожного транспорта; автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте. Уже в июне 1961 г. Уральский институт инженеров железнодорожного транспорта дал железным дорогам Урала 200 инженеров — специалистов в новейших областях железнодорожной техники: электрической тяги, автоматики, телемеханики, связи.

Для того чтобы обеспечить в сжатые сроки железные дороги инженерными кадрами, транспортные вузы Урала (УЭМИИТ) и Сибири (Иркутский институт инженеров железнодорожного транспорта, 18.06.1975) использовали самые различные формы обучения. На железных дорогах Урала и Сибири работал большой отряд специалистов, руководителей, за плечами которых был лишь техникум; из них по ускоренной трехгодичной программе и готовили в институтах кадры с высшим образованием. Кроме того, в транспортных институтах этих районов формировались группы из рабочей молодежи, студентов-производственников, которые обучались по сокращенной программе. За счет

этого на одной из важнейших дорог Урала — Южно-Уральской — был постепенно ликвидирован дефицит инженерных кадров (таблица 5).

Из таблицы 5 виден ежегодный рост числа специалистов на Южно-Уральской дороге. Особенно быстрыми темпами растет численность техников — с 41 до 46 %. В то же время доля инженерного труда на дороге увеличивается достаточно медленно — с 15 до 18 % (за девять лет всего на 3 %). Доля инженерного труда на магистрали еще незначительна и по темпам прироста уступает техникам. И, тем не менее, общий прирост специалистов на дороге за 1969–1984 гг. составил 1,6 раза, или 58 %.

В связи с осуществлением Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.) [7] были приняты меры к увеличению выпуска специалистов за счет подготовки без отрыва от производства, в частности, предусматривалось резко повысить качество политехнического образования. Главным в осуществлении этого закона считалась постоянная связь преподавания с жизнью, с производственными процессами тех предприятий, где должны были обучаться и работать учащиеся. В 1960 г. выпуск из вечерних и заочных вузов и техникумов желез-

Таблица 5

Наличие инженерно-технических кадров на Южно-Уральской железной дорогах 1969–1984 гг., чел. [6]

Год	1969	1970	1973	1974	1975	1976	1977	1984
Всего специалистов на дороге	15941	16744	19026	19941	20479	20944	21690	25229
В том числе с высшим образованием	48691* 30,5	5087 30,3	5773 30,3	6067 30,4	6222 30,4	6346 30,3	6471 29,8	7793 30,8
Из них инженеров	2411 15	2530 15	2953 15,5	3159 16	3232 15,7	3332 16	3453 16	4537 18
Со средним специальным образованием	11072 69,4	11657 69,6	13253 69,6	13874 69,5	14257 69,6	14598 69,7	15219 70,1	17436 69,1
Из них техников	6548 41	6894 41	8126 42	8686 43,5	9080 44,3	9358 44,7	9899 45,6	11753 46

*В числителе указано количество специалистов (чел.), в знаменателе — их доля в общем количестве специалистов на дороге (%).

нодорожного транспорта СССР составил уже 23 % от общего выпуска.

Еще один источник пополнения железных дорог Урала инженерно-техническими кадрами — это направление молодых специалистов на железные дороги по путевкам Министерства путей сообщения. План направления молодых специалистов на Свердловскую дорогу практически не выполнялся (таблица 6). Ежегодное снижение количества специалистов, направляемых на работу на Свердловскую дорогу, осложняло ее деятельность, так как в связи со строительством новых железнодорожных линий Ивдель — Обь, Тавда — Сотник увеличивалась протяженность дороги и объем ее работы. Увеличение инженерно-технических должностей на Свердловской дороге было также связано с передачей в состав дороги в 1960 г. Синарского отделения от Южно-Уральской дороги и Ишимского отделения от Омской дороги, где доля специалистов была весьма незначительна.

Недостаток молодых специалистов не мог не отразиться на общем образовательном уровне инженерно-технических и руководящих работников дороги. В 1959 г. на Свердловской дороге качественный состав работников по номенклатуре начальника дороги улучшился всего на 2 %. Количество практиков по этой номенклатуре составило 30,5 %, то есть почти 1/3 руководителей не являлись ни инженерами, ни техниками. Из 184 начальников станций 3 и 4 класса являлись специалистами только 18,5 %. Количество практиков среди мастеров

локомотивных и вагонных депо, дистанций пути и связи составляло 67 %. Достаточно сложным было положение на дороге с кадрами экономистов: из семи начальников финансового отдела дороги пятеро не имели экономического и финансового образования [4].

По состоянию на 6 мая 1965 г. на Свердловской дороге более 8 тыс. инженерно-технических должностей были замещены практиками. Среди руководящих работников номенклатуры начальника дороги 13,6 % составляли лица, не имевшие технической подготовки, около 2/5 должностей номенклатуры начальников отделений были замещены практиками, причем многие из них не повышали своих знаний и слабо справлялись с порученным делом [4].

В отличие от Свердловской магистрали, на Южно-Уральской дороге получение специалистов по путевкам Министерства путей сообщения приобрело достаточно большое значение и постепенно стало одним из основных источников получения инженерно-технических кадров (таблица 7).

Из таблицы видно, что основным источником пополнения Южно-Уральской магистрали специалистами стало в 1970-е гг. направление специалистов по путевкам МПС, а не обучение собственных работников на заочных отделениях вузов и техникумов. Если количество направляемых на дорогу специалистов с каждым годом увеличивалось, то количество выпускников железнодорожных вузов и техникумов снижалось. Огромное транзитное значение

Таблица 6

Направление на Свердловскую железную дорогу специалистов с высшим инженерным образованием по путевкам МПС, чел. [8]

Показатель	1962	1963	1964
Направлено инженеров-эксплуатационников	40	33	15
Направлено инженеров-путейцев	20	16	8
Направлено инженеров-вагонников	14	10	8
Направлено инженеров энергоснабжения	—	27	15

Таблица 7

Прибытие на Южно-Уральскую железную дорогу инженеров и техников по путевкам Министерства путей сообщения в 1968–1977 гг., чел. [6]

Год	1968	1969	1972	1973	1974	1975	1976	1977
Прибыло на дорогу специалистов по путевкам МПС, всего	1012	990	589	718	883	1028	821	1147
Прибыли на дорогу по путевкам МПС (с высш. образованием)	181	220	106	155	259	300	248	263
Прибыли на дорогу по путевкам МПС (со средн. образованием)	831	770	483	563	624	728	573	884
Окончили заочное обучение в институтах	<u>1212*</u> 66,8	<u>164</u> 74,5	<u>117</u> 110,3	<u>127</u> 82	<u>114</u> 44	<u>85</u> 28,3	<u>113</u> 45,5	<u>113</u> 43
Окончили заочное обучение в средних учебных заведениях	<u>429</u> 51,6	<u>401</u> 52	<u>257</u> 53,2	<u>246</u> 43,7	<u>245</u> 39,2	<u>311</u> 42,7	<u>274</u> 47,8	<u>229</u> 26

*В числителе – количество железнодорожников, окончивших заочно вуз или техникум, в знаменателе – их удельный вес среди специалистов, направленных на дорогу по путевкам МПС.

Южно-Уральской дороги как части Транссибирской магистрали, ее самая большая на сети дорог грузонапряженность заставляли МПС постоянно направлять на нее инженеров и техников из дневных учебных заведений и с других дорог, восполняя тем самым недостаток специалистов.

Южно-Уральская дорога ежегодно направляла на учебу в институты и техникумы за счет производства максимальное количество работников, однако только за счет этого источника дорога не могла удовлетворить свои потребности в специалистах. Начальник дороги неоднократно обращался в МПС с просьбами увеличить направление на дорогу специалистов по электрификации, тепловозному хозяйству, автоблокировке и электрической централизации стрелок.

В конце 1960-х гг. большинство представителей рабочей молодежи на железных дорогах Урала имели законченное среднее образование, полученное на базе общеобразовательных средних школ, техникумов и профессионально-технических училищ. Однако многие молодые люди с производственным стажем работы или после службы в Вооруженных Силах испытывали серьезные

затруднения при подготовке к поступлению в вуз, особенно транспортного профиля. На общем уровне образования молодых рабочих-железнодорожников и на возможности самостоятельной подготовки к поступлению в вуз сказывались удаленность ряда линейных предприятий железнодорожного транспорта от крупных городов и учебных центров и длительный перерыв в учебе.

В 1969 г. в Уральском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта было создано подготовительное отделение. На отделение принимались рабочие с законченным средним образованием, предпочтение отдавалось передовым рабочим и колхозникам, а также демобилизованным (по направлениям армейских частей). Молодые рабочие и колхозники, поступающие на подготовительное отделение, должны были иметь непрерывный стаж работы не менее одного года на предприятиях или в организациях, которые направляли их на учебу. Успешно сданные выпускные экзамены служили пропуском на первый курс дневного обучения. Данные о количестве учащихся на подготовительных курсах в 1980-е гг. представлены в таблице 8.

Таблица 8

Обучение на подготовительных курсах рабочих Свердловской железной дороги в 1980-е гг. [9]

Показатель	1982/1983	1983/1984	1984/1985	1985/1986	1986/1987
Всего обучалось на подготовительных курсах, чел.	928	908	829	912	949
В том числе в вузах, чел.	—	368	396	267	—
В том числе в техникумах, чел.	—	540	516	282	—

Из таблицы 8 видно увеличение к концу десятилетия количества обучающейся молодежи на подготовительных курсах. При этом подготовка молодежи для поступления в вузы все больше сосредотачивается не на подготовительных курсах при вузах и техникумах, а на дорожных курсах и в учебно-консультационных пунктах. Обучение на производстве было значительно дешевле, чем на подготовительных курсах при вузах. Учеба на производстве позволяла приблизить обучение к актуальным задачам предприятия, выбрать наиболее рациональную и приемлемую форму пополнения знаний, исходя из конкретных условий.

В 1960–1970-е гг. Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта стал одним из самых серьезных и крупных центров по подготовке специалистов железнодорожного транспорта высочайшего класса. За период 1956–1973 гг. институт подготовил

около 6500 инженеров для железных дорог Урала и Сибири, в основном по новым для транспорта специальностям. В 1970-е гг. на Свердловской дороге появились новые инженерные профессии: инженеры-математики, программисты, электромеханики, операторы поточных линий.

Инженеры-выпускники нового вуза во многом обеспечили успешность процессов интенсивной модернизации железнодорожного транспорта на Урале в 1960–1970-е гг. В этот период были введены в эксплуатацию целые электрифицированные направления Челябинск – Каргалы – Орск (534 км), Магнитогорск – Тобол – Железнодорожная (348 км), Смышка – Алапаевск – Богданович (250 км). В 1977 г. была закончена постройка железной дороги Белорецк – Карламан, завершившая создание крупнейшей широтной Южно-Сибирской магистрали: Тайшет – Абакан – Новокузнецк – Целиноград – Каргалы – Магнитогорск – Карламан.

Таблица 9

Прием на Свердловскую железную дорогу молодых специалистов в 1958–1988 гг., чел. [2]

Год	1958	1959	1960	1961	1964	1965	1984	1985	1986	1988
Всего прибыло молодых специалистов (без учебной и врачебно-санитарной служб)	1026	1850	1363	1251	1016	1196	698	668	712	422
В том числе с высшим образованием	209	529	399	342	209	298	258	248	256	163
Со средним техническим образованием	817	1321	1034	757	807	898	440	420	456	259

Магистраль связала в единый транспортный конвейер районы Урала, Казахстана и Сибири. Так или иначе, но в строительстве новых предприятий участвовали десятки тысяч уральских инженеров и техников. Во все новостройки вложен их титанический труд.

Большой интерес для анализа обеспеченности железных дорог Урала инженерно-техническими кадрами представляют данные по приему на Свердловскую дорогу молодых специалистов (таблица 9).

Из таблицы видно ежегодное снижение количества молодых специалистов, прибывающих на Свердловскую дорогу, особенно в 1980-е гг. Основными причинами этого стали: отсутствие перспективы получения жилья, низкая заработная плата и, как следствие, падение престижа инженерных профессий среди рабочей молодежи (таблицы 10–11).

Статистические данные свидетельствуют о стремлении партии и правительства уравнивать различные категории работников транспорта в оплате труда, что проявлялось, во-первых,

в незначительном разрыве между размером оплаты труда рабочего и инженера, а, во-вторых, в более быстрых темпах увеличения оплаты труда низкооплачиваемых работников — служащих и младшего обслуживающего персонала. Так, за 1957–1966 гг. оплата труда рабочих увеличилась на 31 %, инженеров и техников — на 40, служащих — на 53, младшего обслуживающего персонала — на 32. Особенно заметно была повышена заработная плата у таких рабочих профессий, как осмотрщики вагонов, стрелочники, монтеры СЦБ, связи и электрификации, кондуктора пассажирского движения, рабочие по ремонту пути, путевые обходчики и дежурные по переездам. Рабочие всех этих профессий получили повышение заработной платы в пределах 30–35 %, что приближалось к увеличению заработной платы инженеров.

Еще более отчетливо принцип уравнительности в материальном вознаграждении инженерно-технического труда проявлял себя в политике премирования уральских железнодорожников.

Таблица 10

Среднемесячная заработная плата рабочих, инженерно-технических работников и служащих в 1957–1966 гг., руб. [10]

Год	1957	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966
Рабочие	86,2	87,9	104,4	104,3	107,1	108,0	109,4	113,0
Инженерно-технические работники	101,5	99,1	124,1	125,5	129,8	130,6	132,3	142,6
Служащие	56,6	53,4	72,8	75,7	78,3	78,3	80,3	86,6
Младший обслуживающий персонал	44,3	34,2	52,2	53,0	54,2	52,8	58,4	—

Таблица 11

Премирование рабочих, инженерно-технических работников и служащих на Свердловской железной дороге в 1959–1965 гг., тыс. руб. [10]

Год	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Рабочие	5280,9	5882,2	5885,0	6201	6684	7290	8258
Инженерно-технические работники	959	992,8	563	557	740	746	1114
Служащие	377,6	501,9	208	265	303	299	365

Таблица 11 показывает существенную разницу в премировании рабочих и инженерно-технических работников. В то время как премирование инженеров и техников с каждым годом сокращалось, размеры выплачиваемых премий рабочим за 1959–1965 гг. увеличились на 56%. В 1965 г. премирование инженеров увеличилось только на 16% по сравнению с 1959 годом. Такая политика не могла не отразиться на настроениях инженерно-технических работников и приводила к отсутствию стремления у рабочей молодежи к получению высшего инженерного образования.

Потребность в инженерах на железных дорогах Урала исчислялась сотнями и тысячами, а молодые специалисты направлялись десятками, причем год от года их число даже снижалось (много выпускников направлялось на дороги-новостройки, да и просто на другие дороги сети, где нужда в кадрах тоже была велика).

Жилищная проблема на железных дорогах Урала во многом определяла стабильность инженерно-технического потенциала, значительно влияла на микроклимат в производственных коллективах, была одной из причин высокой текучести кадров молодых специалистов. Рассмотрим таблицу 12 с данными по обеспеченности жильем молодых специалистов на Свердловской железной дороге в 1980-е гг.

Данные таблицы 12 свидетельствуют о достаточно сложном поло-

жении на железной дороге с обеспечением благоустроенным жильем молодых специалистов. Достаточно отметить, что количество специалистов, получивших места в общежитиях, сократилось за 1979–1990 гг. в пять раз, благоустроенную квартиру — 2,4 раза. Напротив, в 1980-е гг. заметно увеличивается количество молодых специалистов, проживавших с родителями. Соответственно сокращалась с каждым годом численность прибывавших на железную дорогу молодых специалистов. Число прибывших на дорогу инженеров и техников в 1990 году составило 32,5% от числа прибывших в 1979 году.

С гораздо большими трудностями обеспечивались жильем молодые специалисты на Южно-Уральской дороге в 1960–1970-е гг. (таблица 13).

Из таблицы 13 видно, что на Южно-Уральской железной дороге, как и на Свердловской магистрали, количество специалистов, получавших благоустроенные квартиры на дороге, постепенно сокращалось. Администрация дороги стремилась компенсировать нехватку квартир для молодых специалистов предоставлением мест в общежитиях. И на какое-то время это действительно помогало. За счет расширения фонда общежитий на магистрали удавалось длительное время сокращать количество специалистов, вынужденных проживать на частных квартирах. Но, как и на Свердловской дороге, мест в общежитиях становилось все меньше,

Таблица 12

Обеспеченность жильем молодых специалистов со средним и высшим образованием на Свердловской железной дороге в 1979–1990 гг., чел. [4]

Год	1979	1980	1981	1982	1988	1989	1990
Всего прибыло специалистов	949	501	475	707	230	265	309
Предоставлены квартиры или комнаты	119	144	120	71	37	34	49
Предоставлены места в общежитиях	560	271	252	358	89	100	102
Проживают в вагонах	36	4	8	36	—	—	—
Проживают в частных квартирах	14	—	2	8	—	—	—
Проживают с родителями	220	82	93	234	102	131	158

Таблица 13

Обеспеченность жильем молодых специалистов со средним и высшим образованием на Южно-Уральской железной дороге в 1958–1977 гг., чел.

Год	1958	1966	1967	1968	1972	1973	1975	1976	1977
В домах дороги проживает	135	131	164	154	105	95	137	70	54
В общежитиях	502	198	265	366	390	466	377	343	350
В приспособленных для жилья вагонах	—	—	—	24	—	—	9	7	5
На частных квартирах	133	77	139	274	94	—	21	14	10
Живут с родителями	—	—	—	—	—	117	259	166	164

и во второй половине 1970-х гг. все большее количество специалистов проживали с родителями.

Как правило, частные квартиры снимали те специалисты, которые были направлены работать на линейные станции, где общежития и жилая площадь отсутствовали. Частные квартиры вынуждены были также снимать специалисты, направленные на строительство новых железных дорог и электрификацию новых участков, где обеспеченность благоустроенным жильем не могла быть решена в короткие сроки.

Таким образом, и дефицит жилья для молодых специалистов приводил к их оттоку с железных дорог Урала на другие железные дороги СССР и промышленные предприятия, что, несомненно, отрицательно сказывалось на развитии научно-технического прогресса на уральских магистралях. Особенно остро ощущалась нехватка молодых специалистов на линейных предприятиях. Основными причинами необеспеченности специалистов жильем стало сокращение капиталовложений в жилищное строительство на железных дорогах Урала. Приоритетное финансирование получало жилищное строительство на железнодорожных новостройках Сибири и Дальнего Востока в ущерб действующей сети железных дорог.

Тем не менее из таблицы 14 видно постоянное увеличение доли инженерного труда на Свердловской дороге в результате интенсивной электри-

фикации новых линий, строительства новых железнодорожных направлений на Северном Урале и в Западной Сибири, оснащения участков и станций автоблокировкой, электрической централизацией стрелок.

Таблица 14

Дипломированные специалисты с высшим образованием в 1959–1990 гг., чел. [9]

Показатель	1959	1965	1981	1990
Наличие специалистов с высшим образованием	1374	4072	7305	9552

Представленный в таблице рост численности дипломированных специалистов на Свердловской дороге совпадает по времени с образованием на магистрали новых предприятий, электрификацией новых участков на Тюменском отделении и строительством северных железнодорожных линий, объединенных впоследствии в новое Сургутское отделение. Введенные в строй новые предприятия нуждались в заполнении инженерно-техническими работниками, способными к эксплуатации новой техники и обслуживанию перевозок на северных участках Свердловской магистрали.

Привлечение выпускников из учебных заведений других регионов страны на Урал не могло решить проблему полного обеспечения транспорта дипломированными инженерами

и техниками или хотя бы ликвидировать отставание от средних показателей по республике. Часто присылаемые специалисты на местах не закреплялись и возвращались обратно из-за отставания Урала в социальной инфраструктуре не только от западных, но и некоторых восточных районов.

Значительный интерес представляют данные по использованию инженерно-технических кадров на Свердловской дороге в 1960–1990 гг. (таблица 15).

Таблица 15 показывает, что из-за недостатка инженерных кадров на Свердловской дороге на инженерные должности широко выдвигались техники — специалисты со средним специальным образованием. А вот число инженеров, использовавшихся на технических должностях, с каждым годом росло, что служит свидетельством слабой работы на дороге с молодыми специалистами, о незначительном их выдвижении на ответственные должности. Другой причиной достаточно широкого использования техников на инженерных должностях является несоответствие теоретической подготовки специалистов потребностям производства.

Трудовые коллективы железных дорог постоянно укрепляли связи с вузами и техникумами. В мае 1989 г. в этих целях было проведено совместное заседание научно-технического совета Свердловской дороги и учебного совета УЭМИИТа. На нем был обсужден вопрос о качестве подготовки специалистов без отрыва от производства. В августе того же года Совет Министров СССР разрешил предприятиям дороги заключать индивидуальные договоры со студентами вузов МПС. В этом случае предприятия выплачивали студенту повышенную стипендию, а студент обязан был после окончания вуза начать трудовую деятельность на данном предприятии.

В 1990 г. по просьбе руководителей Свердловской дороги впервые был открыт прием студентов на заочный факультет для освоения программ ускоренного цикла обучения (за 4,5 года) по специальностям «Вагонь» и «Строительство». Кроме того, предприятия дороги стали отбирать и направлять на учебу на дневные отделения в вузы МПС молодежь из числа выпускников средних школ и рабочих кадров. Вместе с тем, необходимо отметить, что за 1980-е гг.

Таблица 15

Использование на Свердловской дороге специалистов с высшим и средним техническим образованием в 1960–1990 гг., чел. [8]

Показатель	1958	1962	1966	1986	1987	1988	1989	1990
Всего специалистов с высшим образованием	—	3615	4072	5586	5815	5918	5918	5856
Из них на инженерных должностях	2791	3252	3690	4434	4518	4533	4523	4503
Из них на технических должностях	334	363	363	1038	1121	1183	1183	1144
Всего специалистов со средним техническим образованием	—	7109	8776	14118	14379	14233	14233	14193
Из них на инженерных должностях	879	1440	1220	2053	2099	2032	2032	2016
Из них на технических должностях	4408	5669	6943	8998	9033	8685	8685	8701

среди рабочих железных дорог Урала значительно снизилась тяга к получению среднего и высшего образования. Как итог произошло уменьшение числа обучающихся в техникумах и вузах без отрыва от производства, что отчетливо видно из таблиц 16–17.

В таблице 16 прослеживаются две основные тенденции: во-первых, это существенное снижение в 1970-е гг. количества выпускников заочных вузов и техникумов; во-вторых, это достаточно резкое сокращение выпускников именно в 1975 году — завершающем году IX пятилетнего плана. Становится очевидным, что Южно-Уральская магистраль испытывала серьезные затруднения с выполнением пятилетнего плана и большинство работников были задействованы на перевозках, а не в учебных заведениях.

Можно назвать три основные причины уменьшения количества молодых рабочих, обучавшихся в желез-

нодорожных вузах и техникумах без отрыва от производства. Во-первых, в 1970–1980-е гг. произошло падение престижа инженерного труда, во многом обусловленного низкой заработной платой и большой персональной ответственностью. Во-вторых, молодые рабочие не стремились поступать в вузы, расположенные далеко от их основного места жительства, особенно в железнодорожные институты Новосибирска и Омска. В-третьих, в условиях нараставших трудностей с выполнением планов грузовых и пассажирских перевозок администрация железных дорог не была заинтересована в отвлечении рабочих на учебу в вузы и техникумы.

За десять лет (1981–1990 гг.) численность специалистов на Свердловской дороге возросла на 5240 человек. В результате в 1980-е гг. доля инженерного труда на дороге существенно возросла, но численность всех специалистов была меньше,

Таблица 16

Подготовка инженеров и техников на Южно-Уральской железной дороге в 1967–1984 гг. на заочных и вечерних отделениях вузов и техникумов, чел. [6]

Год	1967	1968	1969	1972	1973	1974	1975	1976	1984
Окончили вечерние и заочные институты и техникумы	567	550	565	374	373	347	107	372	222
В том числе окончили высшие учебные заведения	132	121	164	117	127	104	95	98	73
Окончили специальные средние учебные заведения	435	429	401	257	246	243	312	274	149

Таблица 17

Подготовка специалистов с высшим и средним специальным образованием для Свердловской железной дороги на заочных отделениях вузов и техникумов в 1980-е гг., чел. [3, с. 289]

Год	1982	1985	1990
Подготовлены специалисты с высшим образованием	80	91	80
Подготовлены специалисты со средним техническим образованием	361	271	373
Учатся на заочных отделениях вузов	772	857	731
Учатся на заочных отделениях техникумов	2007	2127	60

чем требовалось по условиям производства. В 1990 г. на дороге работали 20208 специалистов вместо 24824, необходимых дороге.

Важнейшей особенностью железнодорожного транспорта Урала стала организация обучения инженеров и техников непосредственно в локомотивных депо при освоении новой локомотивной техники. При этом непосредственное участие в обучении инженеров и техников принимали как руководители конструкторских бюро, проектировавших новые локомотивы, так и представители локомотивостроительных заводов. В процессе плодотворного сотрудничества уральских инженеров со специалистами заводов-изготовителей и учеными выявлялись не только недостатки новых локомотивов, но и локомотивные депо уральских железных дорог постепенно превращались в школы подготовки инженерно-технического и ремонтно-эксплуатационного персонала. Такие локомотивные депо становились центрами накопления практического опыта для разработки и составления инструкций по обслуживанию новых локомотивов. Сосредоточение в одном базовом локомотивном депо научных сотрудников, конструкторов и технологов промышленности, их совместная работа со специалистами депо позволяли многим молодым инженерам пройти хорошую производственную школу и стать руководителями других депо.

Именно такая форма обучения инженеров и техников была организована в локомотивном депо Петропавловск в 1955–1956 гг. при освоении тепловоза ТЭЗ. В 1976–1979 гг. инженеры локомотивного депо Курган совместно со специалистами Тбилисского электровозостроительного завода исследовали и устранили конструктивные недостатки электровоза ВЛ11. В результате совместных творческих поисков шло энергичное освоение нового локомотива и обучение многих

молодых специалистов [11]. В 1973–1978 гг. в локомотивных депо Тюмень и Ишим были организованы школы изучения принципов эксплуатации и ремонта новых тепловозов 2ТЭ116. Работники депо трудились в тесном содружестве со специалистами Коломенского, Ворошиловградского заводов, вместе выясняли эксплуатационные качества нового локомотива. Для передачи опыта было организовано несколько дорожных школ, занятия в которых вели инженеры и мастера Тюменского депо [12].

Значительный интерес представляет анализ результатов государственной политики по обеспечению инженерно-техническими кадрами железнодорожного транспорта Урала на основе статистических данных Южно-Уральской дороги (таблицы 18–20). Для анализа целесообразно выбрать именно 1970-е гг., наиболее сложные для железнодорожного транспорта Урала в плане эксплуатации и освоения перевозочной работы.

Таблица 18 свидетельствует о значительном росте в 1970-е гг. доли инженерного труда в составе работников номенклатуры начальника дороги. Одновременно происходит постепенное вытеснение труда техников за счет увеличения инженерного труда. Труд практиков резко сокращается и составляет к концу 1970-х годов не более 4 % личного состава. Данная закономерность не представляется случайной, так как все технические усовершенствования и новейшие технологии перевозочного процесса осваивались сначала высшим командным составом дороги. В результате инженерный труд среди работников номенклатуры начальника дороги был наиболее востребованным и преобладающим в управлении дороги.

Анализ качественного состава начальников отделений Южно-Уральской железной дороги показывает, что модернизационные процессы

Таблица 18

**Качественный состав работников номенклатуры
начальника Южно-Уральской дороги, чел. [6]**

Год	Наличие работников, всего	Инженеры	Техники	Практики
1970	786	429/54,53*	296/37,6	73/9,2
1973	775	456/59	272/35	47/6
1974	749	458/61,1	253/33,7	38/5
1975	747	474/63,4	246/33	35/4,6
1976	742	481/65	241/32,4	29/3,9
1977	765	488/63,7	249/32,5	28/3,6
1982	812	684/84,2	111/13,6	17/2

*В числителе — количество работников, в знаменателе — доля работников в общем количестве специалистов.

привели к менее глубоким изменениям у данной категории работников (таблица 19).

Совсем по-другому выглядит ситуация с наличием инженерно-технических кадров в аппарате отделений Южно-Уральской дороги: доля инженерного труда здесь постепенно снижается, доля технического труда, наоборот, растет и преобладает. Для контингента практиков характерно сокращение личного состава, но достаточно медленными темпами. Таким образом, в аппарате отделений дороги постепенно возобладал труд техников. Доля практиков остается еще достаточно высокой к концу 1970-х гг., достигая 17,5 % всего личного состава.

Статистические данные позволяют отметить две важные особенности развития кадрового потенциала Южно-Уральской магистрали. Во-первых,

требованиям модернизации по своему образовательному и профессиональному уровню полностью соответствовал высший руководящий состав дороги. Во-вторых, в аппарате отделений дороги преобладал труд техников над инженерами и сохранялся в значительных размерах труда практиков — работников без специального образования. Все это свидетельствует о том, что модернизационные импульсы вызвали наиболее глубокие изменения в высшем руководящем составе дороги, в меньшей степени затронув командный состав отделений дороги.

Далее обратимся к анализу обеспеченности инженерно-техническими кадрами производственных коллективов на отделениях Южно-Уральской дороги в эти же годы (таблица 20).

Таблица 19

**Качественный состав работников номенклатуры
начальников отделений Южно-Уральской дороги, чел. [6]**

Год	Наличие работников, всего	Инженеры	Техники	Практики
1970	1978	673/34,0	942/47,6	450/22,7
1973	1062	360/33,8	479/45,1	223/20,9
1974	1111	378/34,0	528/47,5	205/18,4
1975	1155	387/33,5	578/50,0	210/18,1
1976	1182	384/32,4	590/49,9	208/17,5
1977	1181	374/31,6	613/51,9	207/17,5

Таблица 20

Обеспеченность инженерно-техническими кадрами
отделений Южно-Уральской железной дороги в 1970-е гг., чел. [6]

Отделение	1971	1973	1974	1975	1976	1977
Златоустовское	886	1089	1159	1245	1237	1251
Челябинское	2222	2597	2750	2839	3023	3185
Курганское	1046	1187	1218	1311	1324	1372
Петропавловское	815	926	976	1041	1065	1132
Карталинское	1022	1277	1313	1374	1428	1573
Оренбургское	2311	2534	2520	1526	1536	1616
Орское	—	—	—	1063	1107	1167
Всего	8302	9610	9936	10399	10720	11296

Из таблицы 20 хорошо видны две важнейшие закономерности в развитии инженерно-технического труда на отделениях Южно-Уральской дороги. Во-первых, наибольшее количество специалистов было сосредоточено на тех отделениях, которые первыми осваивали новую технику, включали в себя аппарат управления дорогой и обслуживали крупнейшие промышленные предприятия Челябинской области. Это, прежде всего, Челябинское, Курганское и Карталинское отделения. Во-вторых, численность инженерно-технических работников на Оренбургском отделении постепенно сокращалась, особенно это заметно в 1974 г. На Оренбургском отделении работали наиболее опытные, компетентные инженеры по тепловозной тяге, которые переводились в другие депо в качестве наладчиков и преподавателей теории тепловозной тяги. Это и вызвало значительное сокращение инженеров на данном отделении.

На основе проанализированных фактических и статистических материалов можно сделать ряд выводов.

1. Модернизация железных дорог на Урале была осуществлена усилиями и напряженным трудом уральских инженеров и техников, работников массовых профессий и служащих. Именно инженерно-технические работники первыми реагировали на вызовы мировой научно-техниче-

ской революции, осваивая в короткие сроки новую технику и технологии. Они же выступили первыми преподавателями для рабочих при изучении новой техники.

2. Движущей силой модернизационных процессов в кадровом потенциале транспорта стала научно-техническая революция на транспорте, связанная с введением новых видов тяги. Рост перевозочной работы, появление новых наукоемких отраслей на транспорте потребовали значительного увеличения подготовки инженерно-технических кадров в столичных вузах, а затем привели к решению о создании региональных вузов для подготовки кадров инженеров из местного населения.

3. Идея подготовки кадров для железных дорог Урала из местного населения оказалась исторически правильной и прозорливой. Но практика показала, что для оптимального обеспечения железной дороги специалистами необходимо использование всех источников получения кадров и, прежде всего, их централизованное направление на дороги государством. Более того, в условиях Урала одним из источников получения квалифицированных кадров становились сами предприятия железных дорог, осваивавшие новую технику при активном участии специалистов и ученых из других регионов страны.

4. Уровень развития социокультурной инфраструктуры железных дорог на Урале оказывал существенное влияние на пополнение предприятий молодыми специалистами. Наличие благоустроенного жилья,

оптимальный уровень заработной платы, качественное медицинское обслуживание стали достаточно важными условиями обеспечения железных дорог Урала молодыми специалистами. ■

Литература

1. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1956. — Т. 2. С. 57.
2. Сектор архивов службы управления делами Свердловской железной дороги. Ф. Р-65. Оп. 13. Д. 13. Л. 121–130.
3. Свердловская магистраль (1878–1990 гг.) / Под ред. проф. М. Т. Крюкова. Екатеринбург : УрГАПС, 1994. С. 124–158.
4. Сектор архивов службы управления делами Свердловской железной дороги. Ф. Р-65. Оп. 13. Д. 48. Л. 55, 72. Д. 87. Л. 31–44.
5. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. / Сост. Г. М. Афонина. М. : МПС РФ, 1995. 223 с.
6. Сектор архивов службы управления делами Южно-Уральской железной дороги. Доклады по работе с кадрами за 1958–1977 гг.
7. Зimina Т. И. Партийное руководство общеобразовательной школой на Урале (1959–1970 гг.) Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. С. 31.
8. Сектор архивов службы управления делами Свердловской железной дороги. Ф. Р-65. Оп. 13. Д. 55. Л. 133.
9. 50 лет Уральскому государственному университету путей сообщения : исторический очерк. 1956–2006 гг. / Под общей ред. проф. А. В. Ефимова. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. С. 17–25.
10. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-65. Оп. 4. Д. 311. Л. 13. Д. 7. Л. 35. Д. 9. Л. 38.
11. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3 : 1945–1991 гг. М., 2004. С. 230.
12. Люди и годы: 120 лет локомотивному хозяйству Свердловской железной дороги / Сост. А. И. Марговенко. Екатеринбург : СВ-96, 2000. — С. 220.

References

1. XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union. 14–25 February 1956 Transcript. M. Gospolitizdat, 1956. — T. 2. Pp. 57.
2. Archives sector of the Administration of the Sverdlovsk Railway. F. R-65. Op. 13. D. 13. L. 121–130.
3. Sverdlovskaya magistral (1878–1990) [Sverdlovsk railway (1878–1990)] / Edited by Prof. M. T. Kryuchkov. Ekaterinburg : UrGAPS Publishing House, 1994. Pp. 124–158.
4. Archives sector of the Administration of the Sverdlovsk Railway. F. R-65. Op. 13. D. 48. L. 55, 72. D. 87. L. 31–44.
5. Kratkie svedeniya o razvitii otechestvennykh zheleznykh dorog s 1838 po 1990 g. [Brief information on the development of domestic railways from 1838 to 1990.] / Compiled by G. M. Afonina. RF Ministry of Railways, 1995. 223 p.
6. Archives sector of the Administration of the South-Ural Railway. HR management reports for 1958–1977.
7. Zimina T. I. Partiynoe rukovodstvo obshcheobrazovatelnoy shkoly na Urale (1959–1970.) Party management of the secondary school in the Urals (1959–1970) Krasnoyarsk : Publishing House of Krasnoyarsk University, 1984. Pp. 31.
8. Archives sector of the Administration of the Sverdlovsk Railway. F. R-65. Op. 13. D. 55. L. 133.
9. 50 let Uralskomu gosudarstvennomu universitetu putey soobshcheniya: istoricheskiy ocherk. 1956–2006 [50th Anniversary of the Ural State University of Railway Transport: historical sketch. 1956–2006.] / Under general editorship by prof. A. V. Efimov. Ekaterinburg : U-Factors, 2006. Pp. 17–25.
10. State Archive of the Sverdlovsk region. F. R-65. Op. 4. D. 311. L. 13. D. 7. L. 35. D. 9. L. 38.
11. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Sovetskogo Soyuz. [History of rail transport of the Soviet Union.] Volume 3 : 1945–1991. M., 2004. Pp. 230.
12. Lyudi i gody: 120 let lokomotivnomu khozyaystvu Sverdlovskoy zheleznoy dorogi. [People and years: 120 years of locomotive maintenance Sverdlovsk Railway.] / Compiled by A. I. Margovenko. Ekaterinburg : SV-96, 2000. — Pp. 220.

Д. А. Оборин

Сетевой коммутатор для электропоездов нового поколения

UDC 629.423.27

D. A. Oborin

Network switch for new generation electric trains

Аннотация

В статье представлен анализ новой системы управления электропоезда ЭГ2, проведен краткий анализ систем управления существующих электропоездов Демикховского машиностроительного завода ЭД2М. Статья посвящена проблемам, возникающим при создании новой системы управления электропоезда. Рассматриваются вопросы передачи данных между вагонами. Выделены проблемы, возникающие при проектировании межавгонной линии связи. Представлена блок-схема системы управления новым электропоездом. Приведен пример отказа линий связи и предложено решение задачи обеспечения бесперебойности передачи данных в поездной межавгонной линии связи.

Ключевые слова: электропоезд; линия данных; Ethernet; коммутатор; switch; резервирование.

Summary

The paper presents an analysis of the new control system of electric train EG2, brief analysis of control systems of existing electric trains of Demikhovsky Engineering Plant ED2M. The paper deals with the problems arising in the creation of new electric train control system. The issues of data transfer between cars are addressed. The problems arising during design of inter-car communication line are described. Block diagram of the control system of the new train is presented. The example of failure of communication lines is shown, and solution to the problem of ensuring the continuity of data transfer in inter-car communication line is proposed.

Keywords: electric train, data line; Ethernet; switch; reservation.

Электропоезд ЭД2М (Демикховский машиностроительный завод) эксплуатируется на отечественных железных дорогах с 1997 г.; ЭД2М — поезд для пригородных перевозок, создан в качестве замены ЭР2, способен развивать скорость до 130 км/ч; формируется из 4, 6, 8, 10, 12 вагонов. Основные варианты формирования электропоездов — из 10 и 12 вагонов, в зависимости от интенсивности пассажиропотоков на главных плечах обслуживания железной дороги и технических возможностей локомотивных депо [1, 2]. Схема формирования электропоезда ЭД2М показана на рис. 1.

Для обеспечения автономности поезда число вагонов в нем должно быть не менее четырех, из них два вагона — головные с кабинами управления. На электропоездах устанавливают тяговые двигатели постоянного тока с питанием от контактной сети напряжением 3000 В и двигатели пульсирующего тока, питающиеся через преобразователи от контактной сети напряжением 25000 В. Тяговые двигатели имеют последовательное возбуждение. Мощность тяговых двигателей электропоездов

Дмитрий Александрович Оборин, аспирант; кафедра «Управление процессами перевозок» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: dmitriy-oborin@yandex.ru.

Dmitry Alexandrovich Oborin, postgraduate student, Department of Operation of Transportation Processes, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: dmitriy-oborin@yandex.ru.

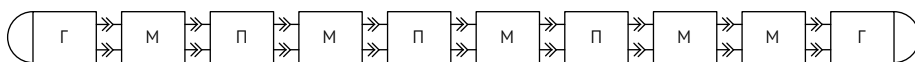

Рис. 1

значительно ниже, чем двигателей электровозов, и в часовом режиме составляет 200 кВт. На каждом моторном вагоне установлено по четыре тяговых двигателя (значит, десятивагонный электропоезд приводят в движение тяговые двигатели общей мощностью 4000 кВт) [3].

С целью обеспечения машиниста информацией о показаниях впереди стоящих светофоров, что особенно актуально в условиях недостаточной видимости, автоматическая блокировка и полуавтоматическая блокировка дополняются устройствами автоматической локомотивной сигнализации [4]. Локомотивная сигнализация и поездной автостоп, обновленные в головных вагонах электропоездов, повышают безопасность движения, способствуют повышению пропускной способности железных дорог [5].

Оборудование электропоездов располагают в основном под кузовами вагонов. Под кузовом моторного вагона на электропоезде постоянно тока располагают пусковые реостаты, резисторы ослабления возбуждения, индуктивные шунты, быстродействующий выключатель и др. На крыше устанавливают токоприемник, устройство для защиты от радиопомех, разрядники, опорные изоляторы с соединяющей шиной для параллельной работы токоприемников электропоезда. В лобовой части вагона устроены два шкафа: один для высоковольтных аппаратов (реле ускорения, счетчик, амперметр и т.д.), другой — для низковольтной аппаратуры. В головном и прицепном вагонах под кузовом установлены аккумуляторная батарея, мотор-компрессор, генератор управления и другое оборудование [6].

В ОАО «Научно-исследовательский институт железнодорожного

транспорта» ведутся работы над созданием новой системы управления электропоезда «Ласточка», которая отличается от существующих высокой степенью надежности и безопасности.

Современная микропроцессорная аппаратура управления и диагностики (МСУД) должна руководствоваться командами, получаемыми с пульта машиниста, и сигналами датчиков, предусмотренных схемой электропоезда; реализовывать функцию управления основными системами электропоезда (токоприемниками, быстродействующим выключателем, контакторами вспомогательного привода, тяговыми и вспомогательными преобразователями и другими устройствами). Структурная схема системы управления электропоезда ЭС2Г показана на рис. 2.

Линия «CAN-кабина» служит для связи устройств безопасности и диагностики. Линия работает только в рабочей кабине электропоезда. Центральный вычислитель имеет три независимых канала. Система работает по принципу «две из трех», поэтому в каждую линию связи посылаются телеграммы от каждого из трех каналов. Каждый центральный вычислитель имеет два фиксированных IP-адреса (содержат тип подвижного состава, заводской номер вагона, номер линии).

По каждой линии связи передаются: от головного вагона — блок команд управления поездом, в который входят команды управления тягой, торможением, климатическими установками, дверями и другим оборудованием; к головному вагону от всех остальных вагонов — блок данных сигнализации, в который входят данные о режимах работы оборудования и результаты диагностики вагона; данные информационной системы

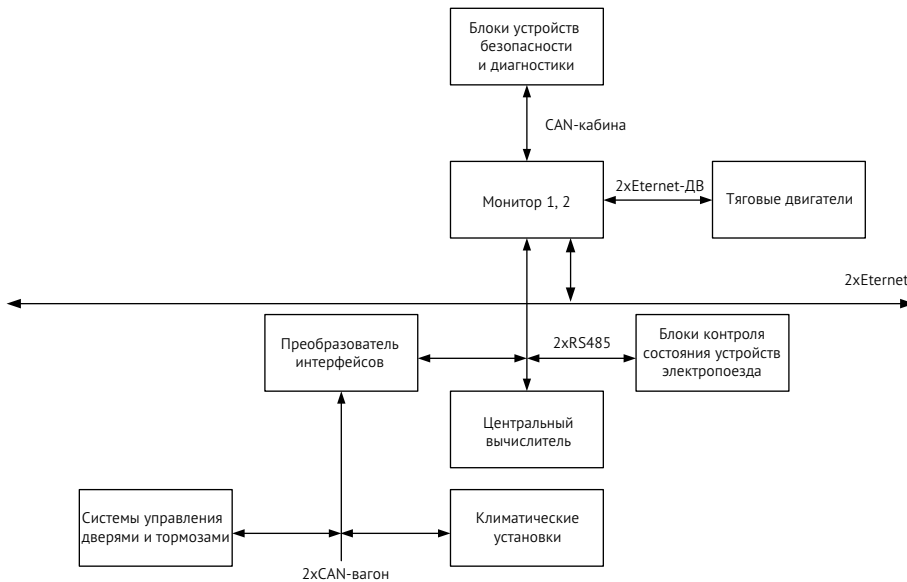

Рис. 2

электропоезда, в случае повреждения информационной, нерезервированной линии связи.

Управляющая линия вагона предназначена для управления аппаратами вагона электропоезда. При отсутствии неисправностей линий связи обмен данными производится по обеим линиям параллельно со сдвигом данных во времени. Наиболее ответственные блоки имеют три независимых канала. Остальные блоки выполнены с двумя независимыми каналами, подключенными каждый к своей линии связи. Управляющая линия вагона (2×CAN) предназначена для управления тормозным оборудованием, дверями вагона и при необходимости другим оборудованием. Линия выполнена дублированной. Управляющая линия моторного вагона (2×Ethernet-D8) предназначена для управления тяговыми преобразователями моторного вагона, выполнена дублированной, по стандарту Ethernet 100Base-TX (IEEE 802.3).

Две линии Ethernet служат для связи с соседними вагонами (управления), а также с головной секцией.

В поездах нового поколения предполагается использовать современное бесконтактное управление тяговыми двигателями. Вместо существующих аналоговых линий передачи данных будут установлены цифровые. Использование единой межвагонной линии передачи данных уменьшит количество линий связи и разъемов между вагонами, что, в свою очередь, уменьшит себестоимость вагона и надежность системы в целом. Использование цифровой линии связи потребовало решения следующих задач: обеспечение бесперебойности передачи данных; быстрое переконфигурирование линии связи; высокая скорость и надежность передачи данных; защита от несанкционированного доступа к системе управления; высокая степень отказоустойчивости; определение головной секции, направления вагонов, входящих в сцеп, количества вагонов в электропоезде; возможность объединения двух поездов в единый.

Для решения перечисленных задач нами разработан сетевой коммутатор, блок-схема которого представлена на рис. 3.

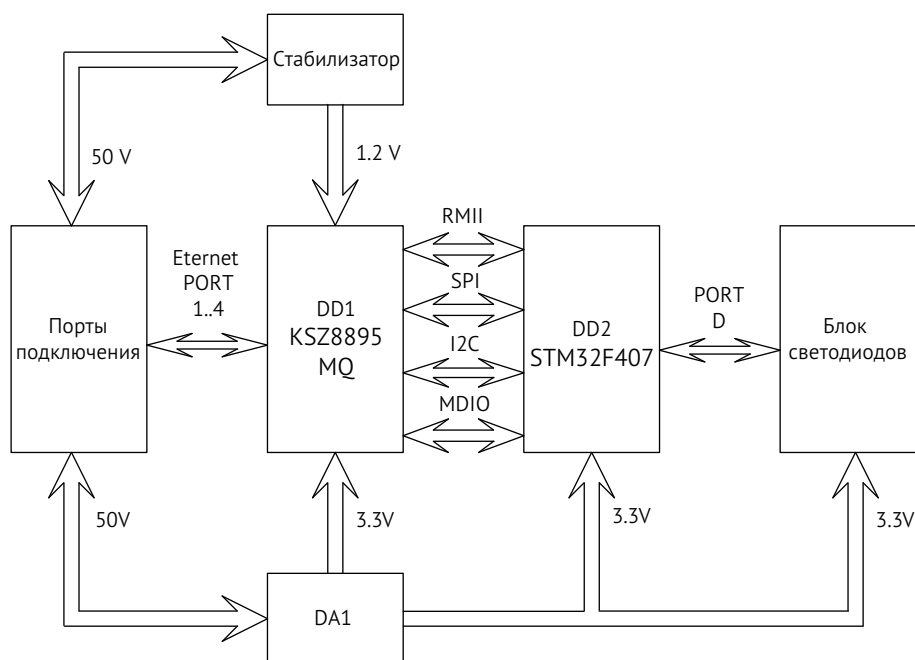

Рис. 3

Коммутатор состоит из двух микросхем DD1 и DD2; DD1 — это коммутационная матрица, выполненная на микросхеме KSZ8895MQ (switch), DD2 — микроконтроллер типа STM32F407, который управляет коммутирующей матрицей и выполняет роль сумматора и преобразователя интерфейсов. Микроконтроллер собирает информацию с трех интерфейсов SPI и преобразует в один пакет Ethernet. Switch управляется по трем интерфейсам: SPI (по данному интерфейсу микроконтроллер может конфигурировать switch с адреса 0 по адрес 127); I2C (отличается от SPI способом передачи данных); MDIO (возможность доступа ко всем регистрам switch).

Данные протокола Ethernet передаются по стандартному интерфейсу RMII. Switch конфигурируется микроконтроллером. В случае обрыва какой-либо из линий Ethernet, микроконтроллер переконфигурирует межвагонную линию связи.

Питание схемы осуществляется от стабилизатора DA1. Switch

потребляет 150 МВт, что может вызвать нагрев корпуса микросхемы, поэтому внутри микросхемы встроен стабилизатор напряжения, а силовой элемент вынесен за пределы корпуса. О скорости передачи данных и наличия связи сигнализирует набор светодиодов. Принципиальная схема Switch представлена на рис. 4.

Схема собрана на полупроводниковых элементах. На схеме имеются разъемы X2, X3, X4, X5, с помощью которых осуществляется подключение к соседним вагонам и дублированному коммутатору данного вагона. Разъем X1 служит для подключения питания всего коммутатора. Трансформатор T1 — для гальванической развязки Ethernet-линии. На транзисторе VT1 собран стабилизатор напряжения, который питает микросхему DD1. На элементах C3, C5, DA1, C7, C11 собран стабилизатор питания коммутатора.

Нами также предложено решение задачи обеспечения бесперебойности передачи данных. Центральный блок управления вагоном (ЦБУ)

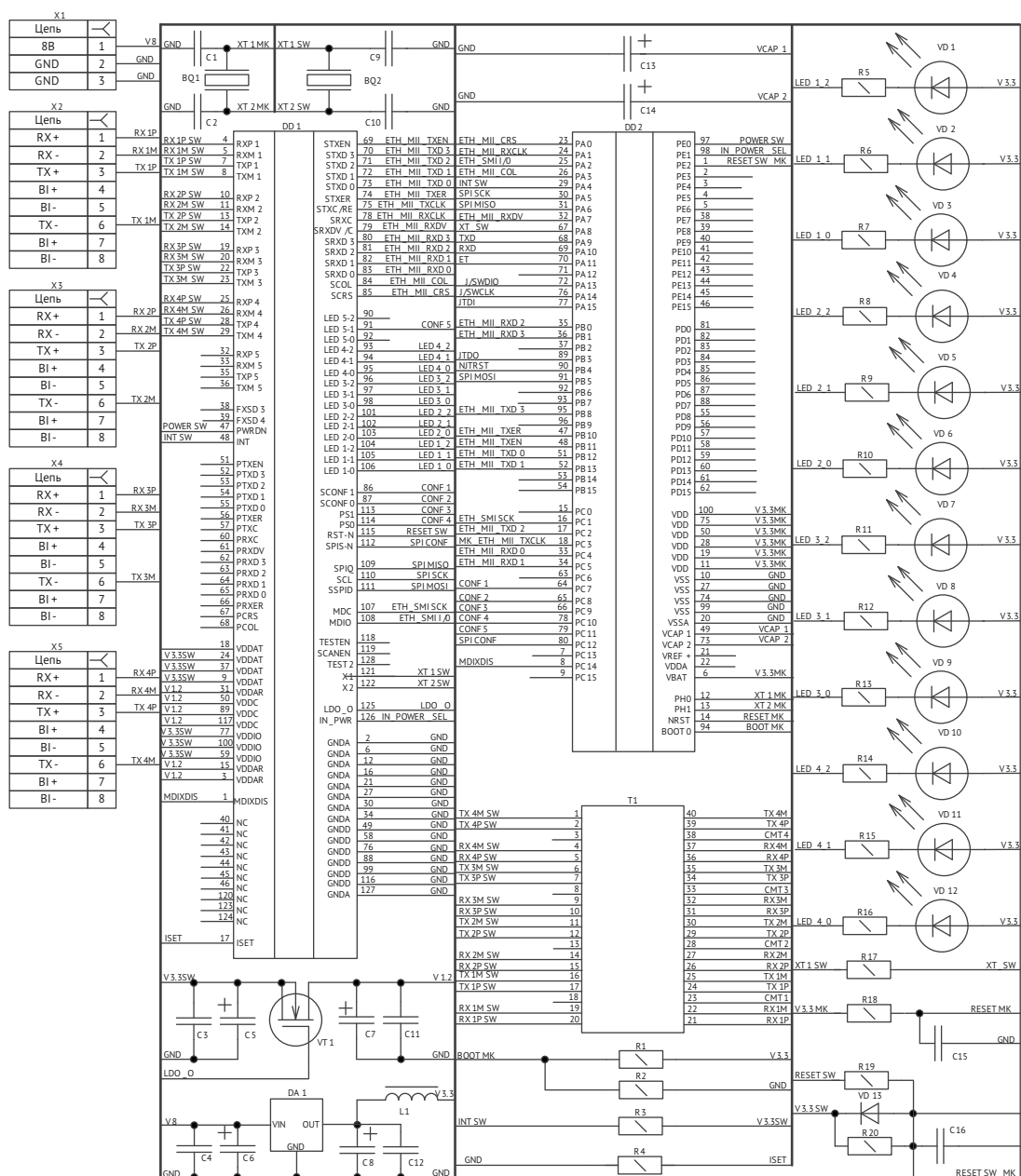

Рис. 4

подключается к линиям связи через коммутатор поездной линии, в состав которого входят сетевые коммутаторы SW1 и SW2. Для обеспечения возможности резервного переключения линии с целью обхода поврежденного участка сетевые коммутаторы линий системы управления

соединены перемычкой. При отсутствии неисправностей линий связи сигнал через перемычку не проходит и обе линии работают независимо. На рис. 5 показан пример прохождения сигналов по управляющей линии поезда при наличии в ней двух повреждений.

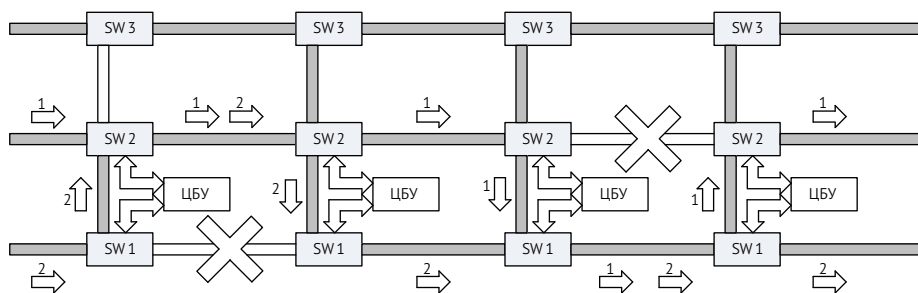

Рис. 5. Управляющая линия электропоезда

При повреждении первой линии связи между первым и вторым вагонами сетевой коммутатор первого вагона первой линии перестает принимать пакеты данных от коммутатора соседнего вагона. Коммутатор второго вагона также перестает принимать пакеты от первого вагона. Сетевые коммутаторы отказавшей линии связи переконфигурируют схему поездной линии связи и подключают перемычки друг к другу и коммутаторами второй линии связи. При таком изменении пакеты отказавшей линии связи перенаправляются во вторую, неповрежденную межвагонную линию связи. Во второй линии получается поток из двух видов пакетов. При повреждении второй линии между третьим и четвертым вагоном происходит также перенаправление пакетов с отказавшей линии в рабочую.

Согласно выбранной концепции резервирования, управление поез-

дом может сохраняться при наличии одной произвольной неисправности в каждом из вагонов. Поскольку выполнение этого условия при использовании двух поездных линий связи невозможно, в системе дополнительно предусматривается передача команд управления через поездную линию информационной системы.

Резервирование в системе управления электропоезда используется в целях повышения надежности передачи данных. Высокий уровень надежности линии связи обеспечивается реализацией комплекса различных мер; одна из ключевых здесь — средства полного или частичного восстановления связи в аварийных ситуациях. Такое решение резервирования линии связи повышает надежность передачи данных от одного вагона к другому при повреждении линий связи. ■

Литература

1. Руководство по устройству электропоездов серии ЭДМ9М. М. : Центр коммерческих разработок, 2005. 128 с.
2. Руководство по устройству электропоездов серии ЭТ 2, ЭР2Т, ЭД2Т, ЭТ 2М. М. : Центр коммерческих разработок, 2003. 184 с.
3. Просвирина Б. К. Электропоезд ЭД4М: особенности конструкции и электрических схем // Локомотив, 2000. № 6–7.
4. Швалов Д. В. Приборы автоматики и рельсовые цепи : учеб. пособ. — М. : ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2008. 190 с.
5. Виноградова В. Ю., Воронин В. А., Казаков Е. А., Шавалов Д. В. [и др.] Перегонные системы автоматики : уч. для техникумов и колледжей ж.-д. транспорта. — М. : Маршрут, 2005. 292 с. ISBN 9785890352970.
6. Просвирина Б. К. Устройство и работа электропоездов постоянного тока // Локомотив, 1998. № 8. С. 12.

References

1. Rukovodstvo po ustroystvu elektropoezdov serii EDM9M [EDM9M train assembly manual]. M. : Center for Commercial Development, 2005. 128 p.
2. Rukovodstvo po ustroystvu elektropoezdov serii ET2, ER2T, ED2T, ET2M. [ET2, ER2T, ED2T, ET2M train assembly manual] M. : Center for Commercial Development, 2003. 184.
3. Prosvirin B. K. Elektropoezd ED4M: osobennosti konstruktsii i elektricheskikh skhem [Electric train ED4M: design and electrical circuit features] // Locomotive, 2000. № 6–7.
4. Shvalov D. V. Pribory avtomatiki i relsovye tsepi [Automation devices and track circuits] : Study Guide. — M. : GOU «Training Centre for Education in Rail Transport», 2008. 190 p.
5. Vinogradov V. Yu, Voronin V. A. Kazakov, E. A., Shavalov D. V. [et al.]. Peregonnye sistemy avtomatiki [Haul automatics systems]: textbook for railway transport technical schools and colleges. — M. : Marshrut 2005. 292 p. ISBN 9785890352970.
6. Prosvirin B. K. Ustroystvo i rabota elektropoezdov postoyannogo toka [Design and operation of DC electric trains] // Locomotive, 1998. № 8. Pp. 12.

Статья сдана в редакцию 10 сентября 2013 года

УДК 654.16.654.165

И. Н. Максимова

Влияние разборчивости речи на скорость реакции машиниста

UDC 654.16.654.165

I. N. Maksimova

Influence of speech intelligibility on a locomotive driver's response time

Аннотация

Эффективное применение поездной радиосвязи позволяет осуществлять своевременный обмен оперативно-технологической информацией, сокращать количество остановок и время простоя на участках и станциях, увеличить участковую скорость и обеспечить безопасность движения. Основным критерием качества поездной радиосвязи выступает разборчивость речи. Данный показатель может быть значительно снижен из-за влияния помех, что оказывает негативное влияние на технологический транспортный процесс. Нами используется методика Покровского для определения слоговой разборчивости. Производится оценка влияния разборчивости речи на реакцию человека.

Ключевые слова: поездная радиосвязь, помеха, слоговая разборчивость, форманта, полезный сигнал.

Summary

Effective use of train radio communication allows the timely exchange of operational and technological information, to reduce the number of stops and time delay at railway sections and stations, to increase the service speed and to provide traffic safety. Speech intelligibility is the main quality criterion for train radio communication. This factor could be significantly reduced due to the effects of interference, that has a negative impact on the technological transportation process. The authors use the Pokrovsky method for estimating syllable intelligibility. Assessment of speech influence on human response is described.

Keywords: train radio communication, interference, syllable intelligibility, formant, the desired signal.

Железнодорожный транспорт представляет собой упорядоченную совокупность объектов, которые взаимодействуют друг с другом, обеспечивая функционирование транспортной отрасли как единого целого, как системы, реализующей перевозочный процесс, маневровую и горочную работу. Для эффективного взаимодействия элементов этой системы (в особенности в оперативном порядке) необходима хорошо работающая технологическая связь.

Единственным средством связи с машинистами локомотивов на перегонах является поездная радиосвязь (ПРС). Эффективное применение ПРС позволяет осуществлять своевременный обмен оперативно-технологической информацией, сокращать количество остановок и время простоя на участках и станциях, увеличить участковую скорость и обеспечить безопасность движения. ПРС способствует не только повышению степени безопасности движения, но и увеличению пропускной способности участков, так как надежное ее функционирование позволяет машинисту

Инна Николаевна Максимова, ассистент; кафедра «Информационные системы и защита информации» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: maksimova2607@mail.ru.

Inna Nikolayevna Maksimova, assistant lecturer, «Systems and Technologies of Information Security» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: maksimova2607@mail.ru

вести поезд уверенно с повышенной скоростью даже в условиях плохой видимости.

Разборчивость речи (как основной показатель качества связи) не всегда обеспечивает верное понимание приказов и распоряжений со стороны исполнителей (расщепление и искажение информации), что безусловно оказывает негативное влияние как на безопасность, так и на реализацию технологических транспортных процессов в целом.

Разборчивостью речи называют относительное или процентное количество правильно принятых слушателями элементов речи из общего количества произнесенных. Элементы речи — это слоги, звуки, слова, фразы. Соответственно этому различают слоговую, звуковую, словесную, смысловую разборчивость речи.

Для оценки разборчивости речи используются методы приведенные на рис. 1 [1, 2].

Артикуляционный метод основан оценке разборчивости при проведении испытаний по ГОСТ 5084–95 [3]. На этапе проектирования системы применение данного метода невозможно.

Все формантные методы используют одинаковую методологическую основу, следовательно, коэффициенты восприятия отличаются несущественно. Для определения разборчивости воспользуемся методикой Покровского [4].

Форманта звука есть двухмерная случайная величина, характеризующаяся, во-первых, средней частотой и, во-вторых, уровнем интенсивности на средней частоте. Вероятность приема форманты зависит от одновременного наступления двух событий: от того, что средняя величина форманты примет одно из значений внутри частотного диапазона, пропускаемого данным каналом связи, и от того, что уровень интенсивности форманты (на средней частоте) на выходе канала связи будет больше или, по крайней мере, равен пороговому [1].

Для формантной оценки разборчивости речи используется формула:

$$A = \sum_{i=1}^N a_i P(E_i),$$

где a_i — весовой вклад соответствующей частотной полосы в разборчи-

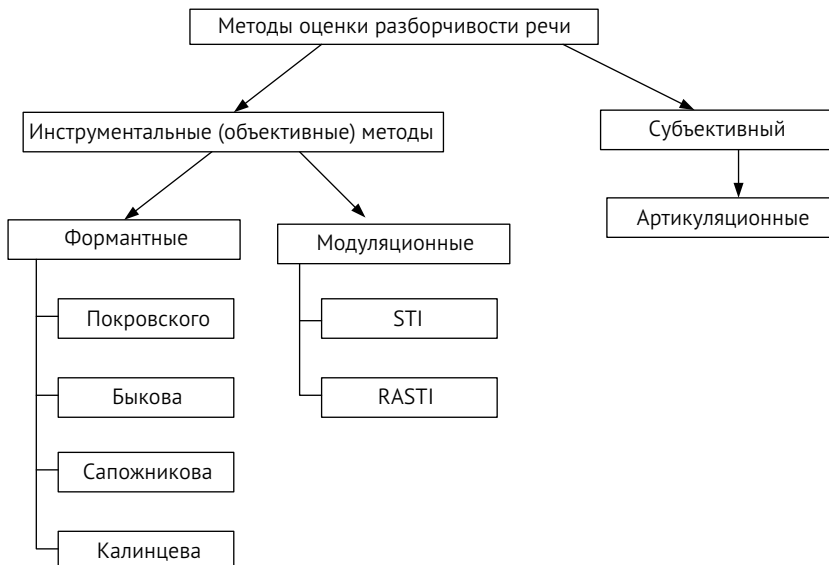

Рис. 1. Методы разборчивости речи

вость; $P(E_i)$ — коэффициент восприятия формант; i — номер стандартной частотной полосы; N — число стандартных частотных полос, учитываемых при расчетах.

Чтобы оценить требуемый уровень слоговой разборчивости, выразим коэффициент восприятия формант как функцию от уровней сигналов и помехи, измеренных в частотных полосах в дБ.

График зависимости слоговой разборчивости (S) от разборчивости формант (A) приведен на рис. 2.

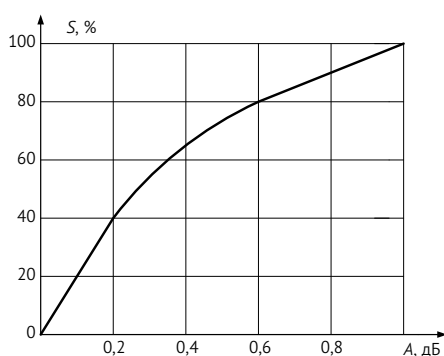

Рис. 2

При слоговой разборчивости, равной или превышающей 85 %, разборчивость речи считается отличной. Если слоговая разборчивость равна или менее 40 %, разборчивость фраз составит 90 %, что является неудовлетворительным [4].

В сети поездной радиосвязи гектометрового диапазона волн полезный сигнал подвергается воздействию возмущающих воздействий — помех. Источниками помех на железнодорожном транспорте служат высоковольтные линии электроподвижной состав, высоковольтные линии энергоснабжения, контактная сеть, устройства СЦБ и соседние радиостанции. Помехи искажают полезный сигнал, значительно уменьшая разборчивость речи. Машинисту приходится работать в условиях плохой слышимости, сигнал, принимаемый им, может иметь низкое качество.

Для определения влияния помех на скорость реакции человека произведено исследование, в котором принимали участие 27 чел. Им было предложено выслушать слоги (моделируемые случайным образом) с различным уровнем разборчивости. При моделировании использовались реальные записи помех, существующих в сети поездной радиосвязи, задавался уровень разборчивости от 10 до 100 %. Звук выводился на динамик; тестируемый, услышав определенный слог, нажимал соответствующую данному слогу клавишу, программа фиксировала ответ и оценивала его правильность. Время проведения эксперимента — от 1 до 5 мин. По истечении заданного времени рассчитывалось среднее время реакции; алгоритм работы программы тестирования представлен на рис. 3 [5, 6].

По результатам эксперимента была получена зависимость среднего количество верно распознанных фраз для различных уровней разборчивости речи (рис. 4). Из данного графика следует, что при уровне разборчивости S ниже 40 %, количестве верно распознанных фраз N составляет всего лишь 23 %, следовательно, необходима повторная передача полезного сигнала.

По результатам эксперимента среднее время передачи одного слога составляет 0,3277 с.

Полученная зависимость времени распознавания и двигательной реакции человека t_p на сигнал в зависимости от уровня слоговой разборчивости S показана на рис. 5.

Из данной зависимости следует, что чем ниже разборчивость речи, тем больше времени необходимо на принятие информации. При слоговой разборчивости ниже 30 % время приема служебной информации возрастет в два-шесть раз.

При неоднократной повторной передаче полезного сигнала (время реакции машиниста возрастает до 1 мин) поезд пройдет расстояние до 250 м.

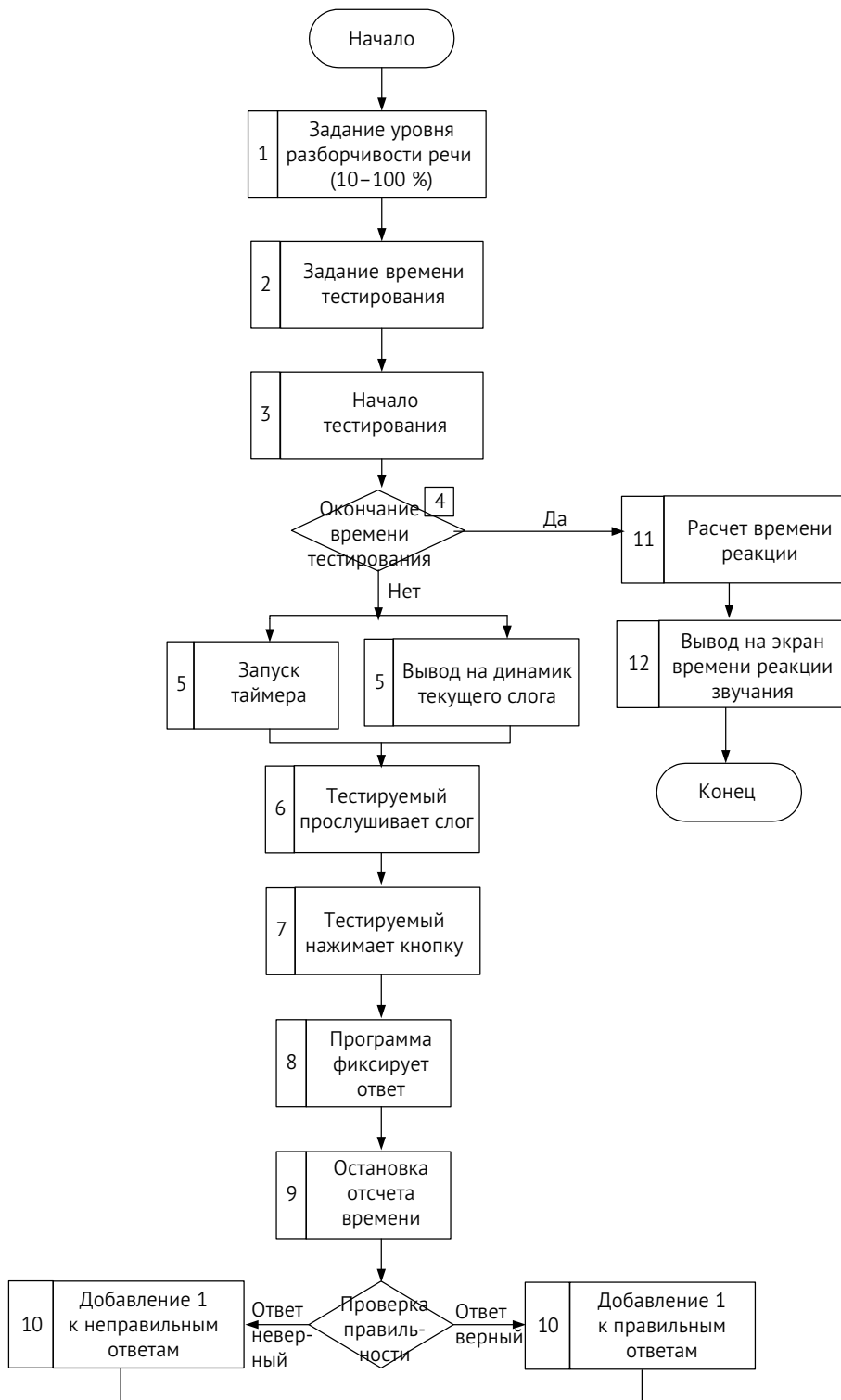

Рис. 3. Алгоритм работы программы

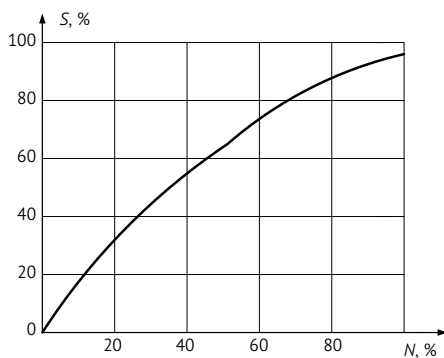

Рис. 4. Зависимость количества правильно определенных фраз от слоговой разборчивости

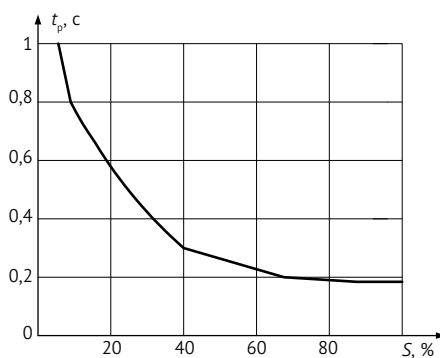

Рис. 5. Зависимость времени распознавания и двигательной реакции человека на сигнал от слоговой разборчивости

Таким образом, для обеспечения графика движения поездов, уменьшения времени простоя и увеличе-

нии участковой скорости необходимо обеспечить разборчивость речи не ниже 40%. ■

Литература

1. Покровский Н.Б. Расчет и измерение разборчивости речи. М. : Связьиздат, 1962. 391 с.
2. Железняк В.К. Защита информации от утечки по техническим каналам. СПб : ГУАП, 2006. 188 с. ISBN 5-8088-0230-X.
3. ГОСТ Р 50840-95. Передача речи по трактам связи. Методы оценки качества, разборчивости и узнаваемости. М., 1996. 229 с.
4. Зверев Б.В., Зелевич Е.П. Социально ориентированные услуги связи. М. : Радио и связь, 2005. 128 с. ISBN 5-256-01763-2.
5. Оценка времени реакции человека на полезный сигнал при различном уровне помех: хроники объединенного фонда электронных ресурсов. URL: <http://ofernio.ru/> (дата обращения: 01.09.2013).

References

1. Pokrovsky N. B. Raschet i izmerenie razborchivosti rechi [Estimation and measurement of speech intelligibility. M. : Svyazizdat, 1962. 391 p.
2. Zheleznyak V. K. Zashchita informatsii ot utechki po tekhnicheskim kanalām [Information leakage security through communication channels]. SPb : GUAP, 2006. 188 p. ISBN 5-8088-0230-X.
3. GOST R 50840-95. Peredacha rechi po traktam svyazi. Metody otsenki kachestva, razborchivosti i uznavaemosti [Voice transmission through communication channels. Methods for estimating quality, intelligibility and recognition]. M., 1996. 229 p.
4. Zverev B. V., Zelevich E. P. Sotsialno orientirovannye uslugi svyazi [Socially-oriented communication services]. M. : Radio i svyaz, 2005. 128 p. ISBN 5-256-01763-2.
5. Otsenka vremeni reaktsii cheloveka na polezny signal pri razlichnom urovne pomekh [Estimation of human response time to the desired signal at different levels of interference]: khroniki obiedinennogo fonda elektronnykh resursov. URL: <http://ofernio.ru/> (date accessed: 01.09.2013).

Статья сдана в редакцию 22 сентября 2013 года

Уважаемые коллеги!

Информирую вас о требованиях, предъявляемых к оформлению статей.

При наборе используйте Word-2003 или Word-2007; шрифт (по всему тексту, в том числе в рисунках и таблицах) — тип Times, размер шрифта — 14, межстрочное расстояние — 1,5, абзацный отступ — 1,25 (1,27) см, поля — 2 см; расстановка переносов по всему тексту — автоматическая.

Набор формул: простые формулы и сочетания символов ($x^2 < y^2$; $E = mc^2$; $a^2 + b^2 = c^2$; Q_{i-1} ; ψ_j) — только в текстовом режиме, сложные

$$(s^2 = \frac{1}{n-1} \left[\sum_{j=1}^e x_j^2 n_j - \frac{1}{n} \left(\sum_{j=1}^e x_j n_j \right)^2 \right]; \left(\frac{\sigma_a}{[n]} \right)$$

или S_i^m) — только в редакторе формул

Equation или в MathType.

Написание букв: русские (а, б, в, А, Б, В), греческие (Θ, Σ, Ω, Ψ, α, β, δ, ε, λ, π), а также цифры и функции (1, 2, 3; I, II, III; max, lg, sin и т.п.) пишутся только прямо; латинские (a, b, n, A, B, N и т.д.) — только курсивом. Исключение — курсив во вспомогательном тексте (слова «Таблица» и «Рис.», примечания в рисунках и ссылки в тексте на эти примечания).

Оформление текста: левый верхний край — инициалы, фамилия; заголовков — все буквы ПРОПИСНЫЕ, жирные, расположение — по центру набора; таблиц и рисунков: в таблицах размер шрифта — на полтора-два размера меньше, чем в основном тексте (11,5–12), расположение текста в «шапке» таблицы — по центру, в столбцах — по ширине; межстрочное расстояние — 1; слово «Таблица» — курсивное начертание, в правый край таблицы; название таблицы — начертание нормальное (прямое), расположение — по центру таблицы. В рисунках (графиках, диаграммах): размер подрисуноч-

ной подписи — 14, расположение — по центру набора, слово «Рис.» — курсив, название рисунка — нормальное начертание, описание рисунка (экспликация) — нормальное начертание, условные обозначения — курсивное начертание, их расшифровка — нормальное. Расположение таблиц и рисунков — строго после ссылки на них.

Кроме того, рисунки обязательно прилагаются к материалу (один рисунок — один файл; формат — *.jpg).

Ссылки на литературу в тексте пишутся в квадратных скобках ([1], [1, 2] или [3–5]); нумерация сквозная. Список литературы/источников оформляется по ГОСТ 7.0.5–2008.

В конце статьи обязательно ставится дата отсылы материала в редакцию.

Объем статьи — не более 14-ти страниц.

Название файла: Фамилия. Первое слово заголовка. Многоточие. Последнее слово заголовка (Сидоров. Синтез... электроприводом).

К материалу (статье) обязательно прилагаются (отдельным файлом): УДК, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова (название файла: УДК 000. Сидоров. Синтез... электроприводом).

Материалы для очередного номера журнала «Вестник УрГУПС» принимаются до 30 числа первого месяца квартала (до 30-го января, 30-го апреля, до 30-го июля, до 30-го октября). Материалы, поступившие в редакцию после 30-го числа, будут опубликованы только в следующем номере.

Успешной работы!

*Л. Барышникова,
литературный и выпускающий
редактор журнала «Вестник УрГУПС»*